
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
Откуда пошла земля русская
Великая Русь
и рече Олегъ Кіеву се буди мати градомъ русскимъ
ВИЛЬНА
1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОСС

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРН

издаваемый

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18$\frac{65}{66}$

КНИЖКА VII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цензурою 24-го Марта 1866 года. Вильна.

X.

№ 11-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Грамота польскаго короля Александра, данная православному смоленскому епископу Іосифу Солтану (*) на имѣнія Тешилецъ, Батюты и Шищево. 1504 г.

Александеръ Божю милостію Король Польский Великий Князь Литовский Руский Пруский Жомойтский Мазовецкий и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. Порозумели есмо вѣрную и справедливую службу нареченного владыки смоленскаго Іосифа, котороюжъ ся онъ намъ оказалъ напротивъ непріятеля нашего, и служачи намъ вѣрне во впадъ (лишеніе) и шкоду (убытокъ) немалую впалъ. И мы з ласки (по милости) нашей за то пожаловали есмо его дали ему людъ у бѣлскомъ повѣте (уѣздѣ) у саржаской волости шесть службъ таг-

(*) Упоминаемый здѣсь епископъ Іосифъ Солтанъ, въ мірѣ Александръ, происходилъ отъ знаменитой богатой дворянской фа-

лыхъ у топилицъ а у ботютичъ а в пыщевѣ, на имя волоса, (Власа) а Яца (Якова) Озимковичовъ и з ихъ дѣтми, а Малика (?) а Маца (Матвея) Рыжковичовъ и з ихъ дѣтми, а Леца а Заня Скорупичовъ и з ихъ дѣтми, а Мися а Хаца и з ихъ дѣтми, а Пыха а бобра и з ихъ дѣтми, и з службами ихъ и з дзялы (надѣломъ) а з землями пашными и бортными и съ сеножатми старыми и новыми, з лѣсы з дубровами и з боры и з гаи (рощи)

падно-русской фамиліи Солтановъ (*) и до поступленія въ монашество, былъ брестскимъ кастеляномъ и великимъ подскарбіемъ великаго княжества Литовскаго. Не смотря, однакожъ, на свою знатность и санъ, онъ, будучи еще міряниномъ, высказывалъ необыкновенное благочестіе и ревность къ созиданію храмовъ Божіихъ въ разныхъ мѣстахъ обширныхъ его имѣній, преимущественно въ воеводствахъ гродненскомъ и минскомъ и, между прочимъ, онъ первоначально въ своемъ имѣніи Жировицахъ (Слонимскаго уѣзда) построилъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, гдѣ помѣстилъ найденную въ этой мѣстности пастухами икону Божей Матери, прославившуюся въ послѣдствіи безчисленными чудесами, и по настоящее время чтимую въ журовицкой обители. Потомъ, совмѣстно съ сосѣдними богатыми дворянами Мелешко и Тризною, онъ основалъ тамъ до сихъ поръ существующій монастырь.

Эта-то преданность вѣрѣ и благочестію заставили въ послѣдствіи Солтана замѣнить шумный свѣтъ, въ которомъ онъ занималъ такое важное мѣсто, на тишину иноческой кельи, гдѣ бы онъ свободно могъ посвятить всего себя на служеніе православной вѣрѣ и церкви. По поступленіи въ монашество, онъ тотчасъ былъ сдѣланъ настоятелемъ слуцкаго св. Троицкаго монастыря, который, въ короткое время, успѣлъ обогатить хорошею ризницею, частію вывезенною имъ изъ Константинополя, и многими учительными книгами (**).

(*) Базиліанецъ Стебельскій въ своей Chronolog. Rozdz. 1 стр. 50, іезуитъ Кулешъ—Wiara prawosławna, стр. 183, называютъ его Иваномъ; но митрополитъ Евгеній, въ описаніи Кіев. Соф. собора, стр. 113, Транквиліонъ въ Созерцат. Богословіи, стр. 3, и другіе называютъ его Александромъ—съ этими послѣдними и мы согласны.

(**) Акты зап. Рос. № 117.

и счащи (кустарники) и з рѣками и з рѣчками, и скрыницами и ихъ потокы и ставищами (пруды) и млыны (мѣльницы) и ихъ вымелкы (доходъ за мливо муки); и тотъ млынъ которы ихъ есть на насъ справленъ, у тыхъ же людей земли на рѣцѣ на Неводницы, и з бобровыми гоны (*) и з озерамяны, и з ловы и з ловищы звѣриными и пташыми, и з езы рыбными, и з данью грошевою и медовою и купничною, и съ всякими иными

Въ 1494 г. Іосифъ нареченъ былъ, привиллегіей короля Александра, за его заслуги государству, смоленскимъ епископомъ, а въ 1504 году, король пожаловалъ ему въ вѣчное владѣніе, за эти заслуги, означенныя въ этомъ документѣ имѣнія, которыя онъ, два года спустя, подарилъ основанному Александромъ Ходкевичемъ Супральскому монастырю, и т. обр., совмѣстно съ Ходкевичемъ былъ ктиторомъ сего монастыря, которому въ 1506 году далъ уставъ общаго иноческаго житія. Въ 1507 году, Іосифъ возведенъ былъ на каѳедру кіевской митрополіи, по благословенію патріарха константинопольскаго Іоакима, приславшаго на посвященіе его въ этотъ санъ одного изъ своихъ крестовыхъ священниковъ, въ присутствіи котораго три православные епископа поставили Іосифа въ митрополиты въ Вильнѣ, 10 мая.

Призванный къ высшему служенію, онъ обратилъ свою попечительную мысль на бѣдственное положеніе духовенства и церкви, страдавшей главнымъ образомъ отъ неопредѣленности отношеній между духовною и свѣтскою властями, по которой эта послѣдняя вмѣшивалась въ такія дѣла церкви, въ которыхъ должна бы участвовать одна власть—духовная, отъ чего происходили въ ней разные безпорядки и неустройства. Поэтому Іосифъ, тотчасъ по своемъ нареченіи въ митрополита, показалъ Александру Сви-

---

(*) Въ старину во всѣхъ почти большихъ и малыхъ рѣкахъ западной Россіи водились въ большемъ количествѣ рѣчные бобры (Castor Fiber), составлявшіе предметъ промысла, изъ кожи которыхъ выдѣлывается извѣстный мѣхъ, мясо употребляется въ пищу, а находимая у него въ особой сумочкѣ бобровая струя составляетъ дорогое аптечное снадобье. Бобры эти, обыкновенно устроиваютъ въ заливахъ и бухтахъ рѣкъ и рѣчекъ свои домы изъ кольевъ и хвороста, въ родѣ двухэтажныхъ, а иногда и болѣе, шалашей, которые устраивались группами, такъ сказать, цѣлыми селеніями;—эти то селенія назывались *гонами*.

поплатки (платежами) и податми которымъ колвекъ (какимъ либо) именемъ могутъ названы або менены быть нынѣшними и на потомъ будучими, и съ всимъ правомъ и панствомъ, ничого неоставляючи и отъ насъ, и на наши наслѣдники. А граница тымъ людемъ и землямъ почонши з нарвы рѣки выголовкою рѣкою у верхъ, а з выголовки к заднему истоку, по роговские грани. А отъ западнего истока к перелоной горѣ по хворощые

токъ Ярославль и просилъ его, чтобы онъ, по силѣ сего свитка, какъ святительскій судъ, такъ равно и церковныя имущества сдѣлалъ неприкосновенными. Александръ, всегда благосклонный и признательный къ Іосифу за прежнія его заслуги государству, подтвердилъ Свитокъ Ярославль и своею жалованною грамотой повелѣлъ, чтобы *княжата* и *паната* какъ римскаго, такъ и греческаго закона въ доходы и прочія церковныя дѣла не вмѣшивались и вообще не дѣлали бы никакихъ притѣсненій церкви Божіей. Въ этихъ же видахъ, митрополитъ Іосифъ, въ 1509 году созвалъ въ Вильнѣ соборъ. Соборъ этотъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ дѣяній митрополита Іосифа,—на немъ установлены 15 правилъ церковнаго благочинія и благоустройства, а главнымъ образомъ вниманіе собора обращено было на устройство правильныхъ отношеній между свѣтскою и духовною властями. Митрополитъ Іосифъ скончался въ Вильнѣ въ 1517 году.

Уніятскіе писатели: базиліанцы Янъ Дубовичъ, Стебельскій, Суша, Кояловичъ и другіе, въ оправданіе своей измѣны древнему православію, въ сочиненіяхъ своихъ любили многихъ, въ особенности болѣе знаменитыхъ, русскихъ митрополитовъ и епископовъ, называть уніятами. Такую клевету они взнесли и на Солтана. Но это противорѣчитъ во первыхъ тому, что Солтанъ на посвященіе свое въ санъ митрополита испросилъ благословеніе константинопольскаго патріарха, приславшаго ему благословенную свою грамоту чрезъ своего крестоваго священника, который присутствуя лично при посвященіи Солтана въ Вильнѣ, представлялъ собою лице самаго патріарха; во вторыхъ посвящали его въ санъ митрополита три малороссійские православные епископа; въ третьихъ митрополитъ Іосифъ, въ дошедшихъ до насъ его грамотахъ и актахъ называетъ себя пастыремъ подъ *послушенствомъ* вселенскаго святейшаго патріарха константинопольскаго; вѣру свою называетъ вѣрою „древняго православія святые апостольскіе вос-

Ходкевичью, и гаевника (лѣсничаго) саражскаго грани. А отъ переложной горы к шандину истоку. А отъ шандина истока к борщовце, а отъ борщовки дорогою саржскою к добрыводѣ, а добрыводою рѣчкою зася у нарвы, а нарвою внизъ до тоежъ вышеписаное рѣчки выголовки. А дали есмы ему тыи вышеписаныи люди и з землями ихъ вѣчно и непорушно ему и по немъ его ближнимъ тымъ которымъ онъ откажетъ. Моценъ (*властенъ*, имѣетъ право) онъ тые люди и земли собѣ розширити, и осадити розробити, и тежъ моценъ и воленъ тое свое имѣнійце у тыхъ вышеписаныхъ границахъ отдати заменити, какъ самъ налепей (лучше) розумѣючи куды хотя къ своему лѣпшему (лучшему) обернути. Нѣжли если бы онъ хотелъ тое свое имѣне кому продати на пеняза маетъ на то узьявити, и будетъ ли потреба имѣнійца к нашей руце взяти, ино кто коли бу-

---

точныя церкви," а въ уставѣ своемъ, данномъ супральскому монастырю 1506 года, прямо говоритъ, что монастырь этотъ съ братьею долженъ быть вѣренъ навсегда православію, подъ благословеніемъ вселенскаго константинопольскаго патріарха, и въ грамотѣ своей, данной монастырю въ 1512 году на право свободнаго избранія игумена изъ среди братій и освобождающую его отъ непосредственной власти кіевскихъ митрополитовъ, внушается имъ, чтобъ были въ повиновеніи отъ константинопольскихъ патріарховъ и подъ благословеніемъ кіевскихъ митрополитовъ. Наконецъ, онъ не могъ быть уніатомъ и потому, что тогда и уніи еще не было на всемъ пространствѣ тогдашней Россіи. Флорентская же унія была слишкомъ скоротечна; она и на Востокѣ началась за нѣсколько лѣтъ предъ взятіемъ турками Константинополя и окончилась его паденіемъ, а въ Россіи она началась митрополитомъ Исидоромъ, бѣжавшимъ въ Римъ, и окончилась ученикомъ его Григоріемъ, которому, впрочемъ, ни одинъ изъ епископовъ не хотѣлъ повиноваться:—всѣ сносились съ московскимъ митрополитомъ Іоною, такъ что Григорій былъ митрополитъ безъ паствы, только по имени. Нужно также замѣтить, что Іосифъ Солтанъ помѣщенъ въ каталогахъ кіевскихъ православныхъ митрополитовъ, подъ именемъ Іосифа II Солтана, чего, конечно, не случилось бы, если бы онъ былъ уніатомъ.

детъ ему которую суму пѣнезей давати, тогды мы маемъ ему тую суму пѣнезей совито (щедро) отложити и дати, а то есмо ему вчинили для его вѣрной службы, а будетъ ли намъ того имѣнійца к нашей руце непотреба тогды онъ воленъ тое куды хотя обернути. А при томъ были велебный (преподобный) велеможный (многомощный) врожный (урожденный) князь Войтехъ бискупъ виленскій, а воевода виленскый канцлеръ нашъ панъ миколай радзивиловичъ (Радзивилъ). А воевода троцкый маршалокъ земскый панъ янъ юревичъ. А панъ троцкый староста жомойтскый, панъ станиславъ яновичъ. А маршалокъ панъ станиславъ петровичъ. А маршалокъ дворный намѣстникъ мерецкый и утенскый князь михаило лвовичъ глинскый. А маршалокъ намѣстникъ полоцкый панъ станиславъ глѣбовичъ. А подчашый намѣстникъ бѣльскій панъ миколай миколаевичъ радивиловичъ. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у вилни. В лѣто 7012 (отъ Р. Х. 1504) мца сентября 15 дня, индикта 7.

Списано изъ современной копіи этой грамоты, хранящейся въ архивѣ супральскаго монастыря, состоящей въ описи подъ № 2. Копія эта писана на пергаминѣ, составляющемъ послѣдній листъ тетряди, содержащей копіи фундушевыхъ записей Ходкевича и митрополита Іосифа Солтана. Шрифтъ церковно-славянскій, уставомъ; копій этого документа въ монастырскомъ архивѣ находится нѣсколько экземпляровъ.

2.

Фундушевая запись епископа смоленскаго Іосифа Солтана супральскому монастырю имѣній Топиленцъ, Батютъ и Пищева. 1506 г.

Во имя Божіе святыя Тройца станся такъ. Призволенемъ господаря моего александра короля польского, великого князя литовского и руского Іосифъ епископъ

смоленскый, чиню знаменито оимъ моимъ листомъ, кому будетъ потребѣ его вѣдати, або чтучи его слышати, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ. Якъ же есть обычай живущимъ во вѣрѣ христіанскѣй, подобаетъ болши всего печаловатись о душевномъ спасеніи. А наболей нынѣ мнѣ мѣшкаючи (находясь) у службѣ господарьской, часу невпокойного отъ непріятеля господарьского боятся пригоды (приключенія, несчастія), упаду смертнаго (на случай смерти). И для того хотя мѣти память вѣчную по своей души у церкви божей пречистыя благовѣщенія еже есть у скраи (у берега) рѣки супраслы, у отчизнѣ благородного и велеможного пана александра ивановича ходкевича. Будячи у полномъ моемъ здорови, и въ доброй памяти, ни скотораго принуженія и людской порады нѣжли самъ своею доброю волею и хотеніемъ дѣлалъ есми такъ. Тыи люди и земли што мнѣ господарь далъ у бѣлскомъ повѣтѣ саражское волости шесть служебъ тяглыхъ, у топильцы а у ботютичохъ а у пыщовѣ. На имя волоса а Яца Озимковичовъ изъ ихъ дѣтми, а курца и пивовара и зь ихъ дѣтми, а леца а заня скорунчовъ, а мися а хаца и зь ихъ дѣтми, а ныха а бобра и зь ихъ дѣтьми и зь ихъ землями и водами и съ всими платы (платежами) и податки, за мою службу и шкодный упадокъ, и потвердилъ его милость мнѣ своимъ привилеемъ такъ ижъ я воленъ отдати и продати и куды хотя ку своему лѣпшему обернути. И я для господарского богомоля, абы за его милости здорове Бога прошено и своего душного спасеніа, и вѣчное памяти, тыи вышеписаныи люди мои и мой дворецъ влодычны и земли пашные, и бортные, и сѣножати а старыи и новыи, лѣсы и дубровы, и гаи, и чащи, и рѣкы и крыницы и потоки, и ставы и млыны, и бобровые гоны и ловы, и ловища зверыныи и птаныи и езы рыбныи и дань гроповую и медовую и куничную и иныи всякыи поплатки и податки, которымъ кольвекъ именемъ могутъ названы або менены быти нынѣшними

и на потомъ будущими, и съ всимъ правомъ ничого собе неоставляючи, и на мои прирожоныи, никому ничимъ непенное ани винное, мое властное имѣне придаю и далъ есми къ церкви божіей пречистыя благовѣщеню служителю нынѣшнему игумену пафнотію, и всимъ еже о Христѣ брати живущимъ въ томъ монастырю нынѣшнимъ и на потомъ будущимъ церкви божіей ку чти (чести) и хвале а и служителемъ церковнымъ на поживленіе (на содержаніе) есть вѣчно и непорушно съ всимъ такъ какъ есми сам мѣлъ водле данный привилея господарского. И тотъ привилей господарскый, мнѣ на то даный на паркгаминѣ с привѣсистою печатю, далъ есмы въ церковь божю игуменца брати того монастыря, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, тое имене топилце а батютичи, апыщево в тыхъ границахъ какъ въ господарскомъ привилеи стоитъ тое все они маютъ дръжати, и мѣти къ церкви божей и розширити и розробити и припахати, и осадити какъ наболѣй умѣючи къ своему лѣпшему и пожиточному (полезному) моцни (вправѣ) чинити такъ какъ бы я и самъ, а моя братя и мои прирожоныи (родные), не маются в тое въступати, ани поискивати, бо есми далъ той на церковь божію свою властную выслугу маючи ее вѣчно, нижли ктобъ были на потомъ роду моего живи, тотъ повиненъ тое имѣне отъ кривдъ боронити для того абы церкви божіей сполна былъ. А што стого имѣня пожитку (пользы) есть нынѣ и потомъ што можетъ быти грошевого пѣняжного медового хлѣбного жита яри и овощнаго и млынного и водного и рыбного, и иншого всякого што можетъ стого имѣня з людей из земли быти, то все маютъ мѣти и брати тое церкви божей служители собѣ на пожитокъ (на пользу). А ѣжли въ пеку и отъ кривдъ (обидъ) боронити того имѣня и людей земли полецаю (поручаю) и приказую пану александру ивановичу Ходкевичу. И по немъ его дѣтемъ и его щадкомъ (челядиномъ) и ихъ бояромъ и слугамъ, для того ижъ тотъ монастырь у его отчизнѣ стоитъ. Поне-

же они суть ктитори того монастыря. Они маютъ (имѣютъ) отъ всихъ крывдъ беронити по тыи границы, какъ въ господарскомъ привилеи стоитъ. А богъ милостивый за тотъ ихъ трудъ дастъ ихъ милости отпущеніе грѣховъ, и наслѣдіе царства небеснаго. А пакли бы они нехотѣли за церковное постояти имѣне и отъ крывдъ боронити ино за то имъ Богъ судя на страшномъ судѣ. А хтобы имѣлъ тое имѣнье кривдити черезъ тыи границы какъ мнѣ господарь король далъ, абобы што хто хотѣлъ того имѣня отлучити або отняти отъ церкви божее на томъ не буди милости божя, и буди на таковыхъ клятва стыхъ отцевъ трехсотъ и осминадесятъ и разсудится тотъ съ мною на страшномъ судѣ христовѣ. А на лѣпшую (для лучшей) тврьдость тыхъ всихъ вышеписаныхъ рѣчей далъ есми у тую церковь божію угумену и брати нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, сесъ мой записный листъ з моею печатю привесистою. А при томъ были люди добрые: панъ александро ивановичь ходкевичь маршалокъ господарскый намѣстникъ троцкый, князь иванъ ивановичъ околничыи смоленскый. А панъ богданъ сопѣга околничый смоленскый, степанъ чапля бояринъ пана александра ходкевича. Писанъ у вилни. Въ лѣто (1506) мца мая 11 дня, индикта 9.

На пергаминѣ изъ той же тетряди. Тамъ же.

8.

Фундушевая запись Александра Ивановича Ходкевича, данная супрасльскому монастырю на имѣніе Хворощe. 1510 года (*).

Во имя Божіе святыя тройцы. Я александръ сынъ пана ивана ходкевича, самъ свою доброю волею, безъ

(*) Ходкѣвичи принадлежали въ началѣ 16 вѣка къ знатнѣйшимъ литовско-русскимъ дворянамъ, Нѣсецкій производитъ

принужения и порады людское, чиню знаменито симъ моимъ листомъ кому будетъ потреба вѣдати або чтучи слышати, што были есмо монастырь соружили общину, во отчизнѣ моей пущи (большой дремучій лѣсъ) у екранъ (на берегу) рѣки супраслы. И потомъ у томъ монастыри учинили есмо городъ нашъ на жаданіе (желанье) игумена пахнотя (Пафнутія) собѣ и слугамъ нашимъ на схованіе, ино мовилъ намъ господинъ и отецъ нашъ митрополитъ кыевскый и всеа руеіи осифъ, и вси старцы еже о христѣ братіа тое честное лавры, иже имъ для докукы мирское общого монастыря жительства немощно дръжати. И просили мене абыхъ имъ далъ мѣстцо оттуду переселитись у нашой же пущи и тое же рѣкы супраслы берегъ грудъ сухый, между дву источниковъ рѣчокъ, грабовки и бнрезовки. И мы о томъ помовивши (переговоривъ) съ господиномъ и отцомъ нашимъ митрополитомъ іосифомъ и по благословенію его дали есмо имъ

ихъ отъ древняго бѣлорусскаго рода Борейковъ, потомокъ которыхъ, за личную услугу литовскому князю Витену, былъ имъ взысканъ многими милостями и находился при его дворѣ въ числѣ первыхъ придворныхъ чиновъ. Современники прозвали его Ходакомъ, вслѣдствіе чего происшедшіе отъ него потомки, вмѣсто Борейковъ, стали называться Ходкевичами. Они, будучи природными русскими обитателями западной Руси, наравнѣ со всѣми жителями ея, исповѣдывали православную вѣру, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и этотъ документъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ половинѣ 16 вѣка, приняли протестантскую вѣру, первый же изъ Ходкѣвичей перешелъ въ латинство изъ православія Иванъ Ивановичъ, въ латинствѣ принявшій имя Карла,— воевода виленскій и гетманъ литовскій,— въ половинѣ 16 вѣка. (Guagnin Cronica Litvan., Starovolscius in Bellator. etc.)

Изъ фамиліи Ходкѣвичей многіе занимали высшія должности въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ и сдѣлались извѣстными по усердію къ древнему православію и созиданію православныхъ храмовъ и монастырей. Изъ нихъ болѣе извѣстны въ исторіи западнаго края Россіи были Иванъ Бортковичъ, гетманъ смоленскихъ и сѣверскихъ войскъ, участвовавшій въ походахъ

тое мѣстцо, и тотъ монастырь тамъ пресѣлити. И дозволилъ есми имъ с тое пущи на мое, на тое будованіе дерево брати што будетъ потреба на тотъ монастырь и дрова и лучину и лыка и губы и ягоды брати и огородъ, и садъ мети близъ монастыря, и сѣножати прокосити, гдѣбъ было нешкодно ловищемъ нашимъ, и на тыхъ рѣчкахъ вышеписанныхъ сажавки рыбные дръжати, и на рѣце на супрасле изъ (загородь для ловли рыбъ). Тое все игуменъ з братею маютъ мѣти вѣчно и непорушно к тому монастырю. А мнѣ самому, и ближнимъ (родственникамъ) моимъ, и почадкомъ нашимъ того нерухати (нетрогать) и не възбраняти монастырю. А иного ничого игумену и з братіею непочинати у той нашой пущи нашого вѣданія и черезъ тые рѣчки далей у боръ у наши ловища не маютъ ходити. И по благословенію господина и отца нашего митрополита кыевского и въсея русіи іосифа, и помовивши зь его милостью, для богомоля нашого,

---

в. кн. Витольда; Иванъ Ходкевичъ намѣстникъ витебскій, жившій около 1453 г. Онъ извѣстенъ по сильному домогательству у поляковъ на парчевскомъ сеймѣ, гдѣ онъ находился въ качествѣ депутата земли волынской, возвращенія Руси, Волыни и Подоліи, по свидѣтельству самихъ же польскихъ историковъ Стрыйковскаго (Chronika Litewska fol. 618) и Кояловича (Miscellanea rerum Lithuanicar. fol. 2). Его также встрѣчается подпись, съ братомъ его Павломъ, намѣстникомъ каменецкимъ, въ актахъ кіевскаго собора 1476 года православныхъ русскихъ архіереевъ. *Александръ* Ивановичъ Ходкевичъ, воевода новогрудскій, основатель и ктиторъ супрасльскаго монастыря, ревнитель православія, былъ женатъ на княжѣ Василисѣ Ярославовнѣ и имѣлъ трехъ сыновей: *Григорія*, бывшаго воеводою кіевскимъ около 1555 г., Юрія (Александра) и Іеронима.

Первый женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Вишневецкой, вслѣдствіе чего досталось ему во владѣніе, въ приданое ея имѣніе Княжнинъ. Въ послѣдствіи онъ былъ каштеланомъ виленскимъ и гетманомъ великаго княжества литовскаго, около 1569 г.

Братъ Григорія Іеронимъ, каштеланъ виленскій и троцкій,

и памяти душь знатныхъ родителей моихъ, и всего роду нашого. Богу милому ку чти и хвале и мнѣ грѣшному на вѣчную память, з дозволеніемъ господаря нашого великого короля жикгимонта казимировича, хотячи видѣти абы тотъ монастырь общыи на нашей отчизнѣ (вотчинѣ), твръдо сприрожоными моими братею моею князи и паны моею доброю волею, далъ есми церкови божей на тотъ общи монастыръ игумену и братии, мой отчизный дворъ и мѣсто хворощу со всимъ и ничого на себе неоставляючи. И напръвей церкви подаваня греческого и римского закону и з мѣщаны и слугами, и з людми путными и данными (платящими дань, оброкъ) и тяглыми и зь ихъ службами и платы и з дякла (благодарственными подарками) и землями пашными и бортными и съ сеножатми старыми и новыми з лѣсы и з дубровами, и з боры и з гаи, и з чащи и з реками, и з рѣчками и с крыницами и з ихъ потоки и з ставы и ставищи, и з млыны (мельницы) и ихъ вымелки (доходъ

умеръ въ 1562 году. Послѣ его остались только три дочери, изъ которыхъ старшая, неизвѣстная по имени, вышла замужъ за князя Ярослава слуцкаго, Софія за Чарторыйскаго, а младшая за Паца воеводу витебскаго. Говорятъ также, что у него была и четвертая дочь и два сына Иванъ и Іеронимъ, но объ ихъ не упоминается въ конституціи 1564 года, тогда какъ перечисляются въ ней три первыя дочери. Иванъ Іеронимовичъ,— стольникъ литовскій, каштелянъ жмудскій, потомъ виленскій, великій маршалъ литовскій, наконецъ гетманъ войскъ инфлянтскихъ. Онъ въ молодости отступилъ было отъ православія и принялъ протестантское вѣроисповѣданіе, но подъ старость іезуитомъ Францишкомъ Толетомъ обращенъ былъ въ р. католичество и т. образ., онъ первый изъ древней русской и православной фамиліи Ходкѣвичевъ измѣнилъ православной вѣрѣ своихъ предковъ. Скончался около 1580 года. Но другіе Ходкѣвичи оставались преданными сынами православной церкви почти до конца 16 столѣтія, а въ 17 вѣкѣ уже видимъ ихъ ревнителями папства. Впрочемъ этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ общаго ренегатства почти всѣхъ православныхъ вельможъ западной Руси.

отъ молотья). И з бобровыми гоны из зеремяны. И з езы рыбными и з даню грошовою и медовою и куничною, и съ всякими иными поплатки и податки, которымколвекъ (какимъ бы то ни было) именемъ могутъ названы або мелены быти и нынѣшними и на потомъ будучими и с всимъ правомъ и панствомъ (господствомъ) и никого неоставляючи на себе и на наши наслѣдники. А границы тому имѣню хворощи и земли з нарвы рѣки супраслою рѣкою у верхъ до бѣлогостока, а бѣлымъ стокомъ у верхъ до студеной воды, а отъ студеной воды подле поль клепачевичь до хворощи рѣки, и черезъ хворощу подле межъ клепачевичь до истока, а отъ истока подле межъ олишковыхъ до порослаго лѣса, а отъ порослого лѣса дорогою отца моего пана Ивана Ходкевича по грани слуги моего степана чаплича, а по грани владыки смоленского іосифа до роговки, а роговкою внизъ подле граней роговскихъ до нарвы, а нарвою внизъ до вышеписаное рѣкы супраслы, и сеножати тые которыежъ есми мѣли подле супраслы за бѣлымъ стокомъ по служалцу въ тыхъ границахъ тое имѣніе хворощу даю, и далъ есми церкви божои пречистое благовѣщенію вѣчно и непорушно нынѣшнему игумену калисту и брати, и по нихъ напотомъ будучимъ. Маютъ (имѣютъ) то они мѣти и дръжати сами у своей моцы (власти). А мнѣ александру дастли мнѣ богъ жену и дѣти мѣти, ино и дѣтемъ моимъ и счадкомъ моимъ втое вышеписаное придане церковное не маемъ (не имѣемъ) ни въ што въступатись и вподати своемъ не имѣти игумена, коли вниxъ игуменъ преставится. Ино брати того монастыря сами межи себе маютъ обрати брата на игуменство. Которыижъ бывъ мелъ дръжати и справовати подле ихъ принятого устава. По благословенію и заповѣди господина и отца нашего іосифа архіепископа митрополита кыевскаго и всея руси з нашимъ вѣданіемъ безъ питіа піаного жити имъ. Меду и пива в монастыри томъ недръжати. А который бы игуменъ хотѣлъ нѣ-

како подле непринятого уставу дръжати, ино мы и по насъ будучии з братею того монастыря моцни вси посполу (вообще) таковогo игумена выстановити воинъ. А мнѣ александру и женѣ и дѣтемъ и ближнимъ моимъ, и исчадкомъ роду нашого втое приданіе церковное ни въ што не въ ступатисѣ. Нижли я александръ и по мнѣ ближнія мои и счадки наши маемъ и повини есмо церковь божію и тое имѣніе церковное все атъ всяхихъ кривдъ (обидъ) боронити, и за не стояти и очищати абы ни отъ кого было невмалено и невкрывжено (обижено) во веехъ правахъ судовыхъ маемъ мы отпоръ чинити и оправляти. А игуменъ з братею маютъ готового смотрети, штобъ царкви божіей сполна было неуйма. И билъ есми о томъ чоломъ господарю моему жикгимоиту королю полскому, великому князю литовскому, абы его милость пожаловалъ тому нашему монастырю, на тыи вышеписаныи вси дѣла листъ свой далъ. И его милость своимъ господарскимъ привиллеемъ потвъердилъ и церкови божіей далъ. А естли я и по мнѣ ближнія мои хтобъ коли былъ отъ роду нашего и инишхъ хто хотелъ бы церкви божей кривду чинити. Або ся во што церковное уступати черезъ сесъ мои записный листъ и господарское потвръжденіе. На таковомъ не наречется имя христіанское, и буди на немъ клятва вселенского седмого собора святыхъ отецъ трехъсотъ осмьнадесятъ. Сесъ мой листъ записный церкви божой справляхъ и дахъ з вѣданемъ господина отца нашего митрополита кыевскаго и всея Руси іосифа и братіи моее кръвное, князя ивана лвовича, князя Василя, князя михаила глинскихъ, пана мартина Хребтовича, брата его пана ѳедка подскарбего земского, а пана богуша боговитиновича, писаря господарского. И для лѣпшей твердости тыхъ всихъ вышеписаныхъ речей жесми церкви божоей игумену съ всеюбитею сесъ мой листъ з моеи печатью привесистою. Писанъ вгородку на супрясль. Въ лѣти 7018 мца Октября, 13 день, индикта 14.

Тожъ на пергаминѣ, тамъ же.

4.

Запись Константина Богдановича Долмата на Евангеліи для причта ценерской церкви восьми уволюкъ земли, а для самой церкви евангелія и разныхъ серебрянныхъ церковныхъ утварей. 1622 г.

Изволениемъ Бога отца и хотениемъ сына и дарствомъ светое, и животворащаго Духа, я многогрѣшный Костанътинъ Богдановичъ Долматъ, сію книгу зовемую Еванъгелие тертро (?) сребромъ оправленую позлотистую, на которомъ сребра гривени чотири и сколци осмъ, што учинить з роботою копъ семънадъцать и грошей двадцать на позолоту червоныхъ золотихъ осмъ што учинить копъ шесть и грошей двадцать чотири, за акъсамитъ грошей осмъдесятъ, инътроликгаторови (переплетчику) грошей тридцать, за самое Еванъгелие грошей копъ две всего чинить копъ двадъцать семь и грошей тридцать чотири, Келихъ (чаша) серебреный позлотистый, серебра важить (вѣсомъ) гривенъ полтрети, и сконци чотыри, червоныхъ золотыхъ на позолоту шесть чынить петънадъцать и грошей трыдъцать шесть, Звезда важить (вѣситъ) сконци дести на позолоту чырвоныхъ золотыхъ чинить копъ две и грошей тридцать шесть, Мисечка (тарелочка) сребрна позлотиста сребра важить полъ гривни и сконци полътретя, на позолоту чырвоный золотый чинить копъ две и грошей трыдъцать шесть, мисечъка сребрена позлоциста сребра важить полъгривни и скуйци полътретя на позлоту золотыхъ чырвоныхъ полтретя што чинить копъ четыри и грошей тридцать, ложъка серебреная важить скуйцы (скудовъ) девять, чинить копу одну и грошей сорокъ осмъ, в образку скуйци три што чинить грошей тридъцать шесть. Што все надалемъ и положилемъ на престоле

в церъкви возъдвиженъя честъного и животворащого Креста мною грешнымъ ктиторомъ храма того до которое церъкви моее ойчизное надалемъ вечъне а непорушне священъникови циперъскому отцу Богдану, и напотомъ по немъ будучимъ священникомъ циперскимъ шести волокъ, дъяконови отцу Матфею, и напотомъ по немъ будучимъ дъякономъ две волоки и юръкгелтъ (жалованье) который я ему на каждый рокъ (годъ) платилъ што есть в особливомъ фундушу моемъ, ему варувано (за нимъ обеспечено) и дано в имению моемъ отчизномъ на цепре ку чти (чести) и ку хвале господу Богу в тройцы единому сотворителю неба и земли и ку вечъной а не смерътелной памети мое и душного моего збавенъя, а хтобы смелъ сее Евангелие мое алъбо штожъ колвекъ (или что нибудь) которую часть серебра меновапого къ церкви циперское честного и животворащого креста взялъ або чого Боже недай къ потребе своей обернути, любъ тежъ священъника з дому его рушилъ, албо тые волоки отнялъ, любо тежъ з шести волокъ тыхъ одну волоку або полволоки взялъ и в чомъ же колвекъ шкоду (вредъ) и переказу в маетности его учинилъ, такъ же и дъяконови в чомъ же колъвекъ в маетности его и въ тыхъ волокахъ якую шкоду и переказу учинилъ и скрывдилъ (обидилъ). На томъ нехай (пускай) будетъ клятва светыхъ апостоловъ, и светыхъ отецъ триста и осмънадесятъ иже в никеи всемъ веце и в будущемъ и тотъ таковый каждый розсудится со мною на страшномъ суде и второмъ прышествіи Хрыстовомъ збавителя (Спасителя) искупителя нашого. А такъ я менованый многогрѣшный конъстантий Богдановичъ Долматъ Бога вседержятеля в тройцы единаго свидетеля, на свою душу призиваю и се все наданъе мое в сюю Еванъгелию вечъне непорушне вписую и повторе (вторично) то варую (объусловливаю) если бы хто по смерти моей с кровныхъ и повинныхъ (свойственниковъ) моихъ або жона моя або обчы (чужой) и якогожъ

колвекъ стану (сословія) чоловекъ, А меновите ясне велможные ихъ милости Панове радивилове и потомки по ихъ милости будучые хотели церковъ добре уфундованую еще годъное памети отъ небощыка отца моего Богдана Матфеевича Долмата будутъ и на томъ местци костелы католицкіе будовати (строитъ) любо (или) сребра церковные рушатъ або инъшой (другой) церкви албо костеломъ давать, такъ изъ . . . сее церкви цеперское веи албо который колвекъ з нихъ хтожъ бы колвекъ рушилъ (тронулъ, взялъ) любо до инъшое церкви албо костела отдалъ любъ тежъ свещенника и дъякона вмаетностяхъ ихъ и в кгрунътехъ (земляхъ) имъ одъ мене вечне наданыхъ скрывдилъ (обидилъ) и отнялъ тыхъ всихъ и каждого зособна на страшный судъ позываю, передъ страшливый маестатъ (величіе) живого Бога таковый кождый хто бы выкрочилъ (преступилъ, нарушилъ) зъ сее воли и наданя моего разсудится со мною на страшномъ суде Христовомъ кгды (когда) приде судити живыхъ и мертвыхъ, которое сее наданъе и воли мою властною рукою моею двоимъ писмомъ рускимъ и полскимъ подписаломъ: Констанътий Богдановичъ Долматъ властною рукою.

Документъ этотъ, подлинникъ котораго написанъ на упоминаемомъ въ немъ Евангеліи Цеперской церкви, теперь уже едвали гдѣ нибудь существующей, списанъ съ выписи изъ книгъ трибунальныхъ новогрудскихъ, данной витебскому городничему Николаю Василевскому въ 1622 году, которая хранится въ архивѣ виленскаго св. Духовскаго монастыря и записана въ описи подъ № 876. Писана на древнемъ рускомъ языкѣ, славянскою скорописью; печать в. княжества литовскаго и собственно ручныя подписи членовъ новогрудскаго трибунала и Юрія Протосовича писаря.

II.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

(Найденный въ 1851 году въ Загоровскомъ монастырѣ историческій памятникъ, относящійся къ рѣшенію этого вопроса).

(По поводу историческаго изслѣдованія о первомъ Лжедимитріи г. Н. Костомарова).

(*Окончаніе*).

Отъ Варлаама обратимся къ самому *Григорію*. Уличимъ этого обманщика въ самозванствѣ собственноручнымъ его свидѣтельствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: или надобно доказать, что надпись, сдѣланная на помянутой книгѣ Василія Великаго, принадлежащей нынѣ Загоровскому монастырю, подложна, не принадлежитъ Григорію Отрепьеву и вмѣстѣ тому лицу, которое царствовало у насъ подъ именемъ перваго Лжедимитрія; или необходимо согласиться съ тѣмъ общепринятымъ и на самомъ дѣлѣ наиболѣе достовѣрнымъ мнѣніемъ, что *первый Лжедимитрій нашъ былъ не кто другой, а только именно Григорій Отрепьевъ*. Дѣло въ томъ, что этотъ историческій памятникъ вовсе не говоритъ въ пользу мнѣній гг. Н. Костомарова, Н. Бицына и Иконникова, а напротивъ, говоритъ въ пользу тѣхъ показаній, которымъ они, безъ достаточнаго основанія, мало довѣряютъ;— говоритъ въ пользу показаній Борисова правительства, патріаршей грамоты, Авраамія Палицына, грамоты царя Василія Ивановича Шуйскаго, челобитной чернеца Варлаама, и многихъ другихъ, положительно свидѣтельствующихъ, что первый самозванецъ нашъ былъ именно *Григорій Отрепьевъ*;— доказываетъ, что показанія этихъ лицъ составлялись вовсе не по догадкамъ, не на-обумъ, какъ думаютъ наши историческіе скептики, а на основаніи достовѣрныхъ и несом-

мѣнныхъ свидѣтельствъ, хотя дѣло въ сущности было таково, что можно было запутать его, иначе не было бы никакой возможности и вести его съ какимъ-нибудь успѣхомъ.

Помянутая книга „Василія Великаго о постничествѣ“ въ первый разъ найдена мною и надпись на ней Григорія Отрепьева разобрана *въ іюлѣ 1851-го года.* Съ тѣхъ поръ я внимательно слѣдилъ и теперь слѣжу за всѣмъ, что можетъ говорить въ пользу или противъ этого историческаго факта и моего объ немъ мнѣнія, но и до сихъ поръ я не встрѣчалъ и не встрѣчаю ничего, что могло бы заставить меня основательно усомниться какъ въ истинности факта, о которомъ говоритъ эта подпись, такъ и въ подлинности самой подписи,— не исключая и всего того, что писалось о первомъ Лжедимитріи нашемъ въ помянутой брошюрѣ г. Н. Костомарова и статьяхъ гг. Н. Бицына и Иконникова. Всѣ возраженія, какія можно сдѣлать противъ него, и вообще противъ общепринятаго мнѣнія, что первый Лжедимитрій нашъ былъ именно Григорій Отрепьевъ, на основаніи этихъ новыхъ по времени изслѣдованій гг. Костомарова, Бицына и Иконникова,— легко рѣшаются, или тѣмъ, что безъ достаточнаго основанія дано предпочтеніе свидѣтельствамъ, выражающимъ сомнѣніе, что первый самозванецъ нашъ былъ именно Григорій Отрепьевъ; или тѣмъ, что возраженія эти основаны на неправильномъ пониманіи и толкованіи съ одной стороны историческихъ свидѣтельствъ, а съ другой психическихъ явленій, (въ самозванцѣ, мнимой его матери, обличителяхъ самозванца и нѣкоторыхъ свидѣтеляхъ историческихъ); или тѣмъ, наконецъ, что возраженія эти и ихъ доказательства построены на однѣхъ только чистыхъ догадкахъ и предположеніяхъ, а не на фактахъ и достовѣрныхъ свидѣтельствахъ (*).

А между тѣмъ, въ 1853-мъ году, послѣ изданія „Русскаго Историческаго Альбома“ г. М. Погодинымъ, я нашелъ возмож-

---

(*) Подробный разборъ мнѣній гг. Костомарова, Бицына и Иконникова о первомъ Лжедимитріи нашемъ, какъ мы выше это замѣтили, не входитъ въ планъ настоящаго изслѣдованія нашего, при всемъ томъ мы не можемъ не сдѣлать здѣсь по крайней мѣрѣ краткаго замѣчанія нашего на эти мнѣнія.

Вся сила доказательствъ г. *Н. Костомарова* противъ мнѣнія, что первый нашъ Лжедимитрій былъ именно *Григорій Отрепьевъ*, основывается на *сомнѣніи* въ достовѣрности свидѣтельствъ, подтверждающихъ это мнѣніе. *Но основательно ли это сомнѣніе г. Костомарова?*

Важнѣйшія, по мнѣнію самого г. Костомарова, свидѣтель-

ность сличить помянутую подпись, сохранившуюся на книгѣ Василія Великаго, принадлежащей нынѣ Загоровскому монастырю, со снимками подписи перваго Лжедимитрія, и только болѣе утвердился въ той мысли, что это должна быть *подлинная подпись перваго нашего Лжедимитрія*. Откудажъ, въ самомъ дѣлѣ, такое сходство въ почеркѣ? Отчего такъ сходна, особенно въ нѣкоторыхъ буквахъ, (сличи *с* и *р*), эта надпись на книгѣ, съ помянутыми снимками, (сличай со всѣми снимками, особенно съ польскимъ), не смотря на то, что съ того време-

---

ства принадлежатъ: 1) Борисову правительству; 2) патріарху Іову, 3) Авраамію Палицыну; 4) царю Василію Ивановичу Шуйскому и 5) чернецу Варлааму.

О важности и историческомъ значеніи показаній участника происшествія, *чернеца Варлаама*, выше, въ самомъ текстѣ, мы уже довольно сказали.— Что касается оффиціальныхъ показаній *Борисова правительства*, то вотъ что замѣчаетъ объ нихъ *Карамзинъ*. „Царь Годуновъ,“ говоритъ онъ, „имѣлъ способы открыть истину. Тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали *діакономъ Григоріемъ*; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ отечествѣ до нашего времени.“ (Истор. Госуд. Росс. XI. 320—321.) Можно ли не согласиться съ этимъ голосомъ здраваго смысла и непредубѣжденнаго сужденія?...— Приведенное замѣчаніе Карамзина, мы думаемъ, вполнѣ идетъ и къ грамотѣ *патріарха Іова*. Какъ лицо правительственное, онъ тоже имѣлъ полнѣйшую возможность знать истину. Можно прибавить только, что Григорій Отрепьевъ былъ лично извѣстенъ патріарху Іову, потому что служилъ при немъ для книжнаго письма; слѣд. тѣмъ съ большею осторожностію и осмотрительностію патріархъ долженъ былъ говорить объ немъ, чтобъ быть чистымъ передъ своею совѣстію, не обмануться самому и не обмануть другихъ;— что, какъ ему, такъ и *Авраамію Палицыну*, самый санъ ихъ, монашескій и священнослужительскій, не дозволялъ утверждать того, что не было имъ положительно и достовѣрно извѣстно.— *Авраамій Палицынъ*, свидѣтельствующій объ обличеніяхъ самозванца двоpяниномъ Петромъ Тургеневымъ, Ѳеодоромъ Калачниковымъ, дьякомъ Тимоѳеемъ Осиповымъ, а также и о томъ, что чудовскій игуменъ Пафнутій, знавшій прежде Гришку, узналъ его въ царѣ,— заслуживаетъ, по нашему мнѣнію,

ни, какъ сдѣлана помянутая надпись, до воцаренія Лжедимитрія, по прошествіи почти 4-хъ лѣтъ, и послѣ пребыванія Григорія въ школѣ езуитовъ, почеркъ его значительно могъ измѣниться? Не говоримъ уже о томъ, что почеркъ можетъ нѣсколько разниться, между прочимъ, отъ поспѣшности и медленности писанія, и даже отъ разныхъ качествъ самаго пера. А между тѣмъ обратите вниманіе на смыслъ подписи и скажите: откуда такая точность, ясность и опредѣленность мысли, выраженной въ ней? Указанъ *годъ*, *мѣсяцъ*, *число*. Показано: *кто* далъ, *что* далъ

полное довѣріе, между прочимъ и потому, что онъ былъ весьма близокъ, и по времени и по мѣсту, къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ: въ самое царствованіе этого Лжедимитрія, онъ жилъ частію въ Сергіевой лаврѣ, какъ ея келарь, а частію въ самой Москвѣ, какъ настоятель Богоявленскаго монастыря, принадлежавшаго Сергіевой лаврѣ.—Какъ можно сомнѣваться въ достовѣрности свидѣтельства царя *В. И. Шуйскаго*,— для насъ это вовсе непонятно. Этотъ Шуйскій, какъ извѣстно, имѣлъ смѣлость обличать Лжедимитрія перваго въ самозванствѣ, при полнѣйшемъ успѣхѣ дѣла сего послѣдняго, и явно рисковалъ тутъ за это обличеніе своею жизнію. Будто возможно было это сдѣлать, не будучи вполнѣ увѣреннымъ, что утверждаешь несомнѣнную истину?... А Шуйскій, какъ извѣстно, утверждалъ, что мнимый Димитрій есть именно *Григорій Отрепьевъ*. Намъ очень страннымъ кажется слѣдующее мнѣніе г. Костомарова: „Судъ надъ Шуйскими былъ совершонъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Лжедимитрій *сильно рисковалъ* тогда, предавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значитъ, онъ былъ *твердо увѣренъ*, *что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ.*“ Спрашиваемъ г. Костомарова: Развѣ *не все* дѣло самозванца было *рисковое*, отъ начала до конца его? Могъ ли въ этомъ случаѣ Лжедимитрій поступить иначе? Не отдавши дѣла Шуйскаго и своего собственнаго на обсужденіе націи, не призналъ ли бы онъ этимъ самымъ истинности заявленій Шуйскаго? Не естественнѣе ли предполагать, что, при тогдашнемъ, наиболѣе счастливомъ положеніи его дѣла (это событіе произошло тотчасъ послѣ прибытія Лжедимитрія въ Москву), онъ *былъ увѣренъ*, *что никто не осмѣлится поддерживать Шуйскаго*, хотя въ душѣ и убѣжденъ будетъ вполнѣ въ истинности словъ его? Оно такъ и вышло. *Новый лѣтописецъ* прямо замѣчаетъ объ этомъ дѣлѣ, что *на соборѣ всѣ были увѣрены*, *что царь— Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли*.

Прибавимъ, что всѣ эти свидѣтельства, какъ мы уже выше показали, подтверждаются и *достовѣрнѣйшими иностранными* современными свидѣтельствами.

„Всѣ историки и лѣтописцы“, замѣчаетъ г. Костомаровъ,

и кому именно. Лицо писавшаго указано словами: *далъ намъ Григорію*. Значеніе его, или мнѣніе о себѣ, выражено словами: *царевичу московскому*.... Затѣмъ, откуда такая естественность и приличіе подарка, сдѣланнаго московскимъ гостямъ княземъ Острожскимъ? А что всего важнѣе, — откуда такое согласіе мысли, выраженной въ этой подписи, съ другими, по нашему мнѣнію наиболѣе достовѣрными историческими свидѣтельствами, а въ особенности съ показаніями челобитной чернеца *Варлаама*, *очевидца* и *соучастника* этого дѣла? Такъ, на

„признающіе Димитрія Гришкой, *повторяють*, *съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально, вслѣдствіе внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка*."

По нашему мнѣнію, это-то *повтореніе* и доказываетъ истинность показаній оффиціальныхъ заявленій, внушеній отъ власти, что самозванецъ былъ именно *Гришка Отрепьевъ*. Будь эти внушенія отъ власти *несправедливы*, ихъ не стали бы повторять наши лѣтописцы и историки, особенно тогда, когда обстоятельства совсѣмъ перемѣнились, когда В. И. Шуйскаго уже не было, и на престолъ Россіи вступила совершенно другая династія. Не помѣшали же внушенія отъ власти людямъ неразсудительнымъ и злонамѣреннымъ пристать къ обманщику и признать его законнымъ наслѣдникомъ престола?... Что же касается разныхъ *видоотличій*, на которыя указываетъ г. Костомаровъ, какъ на доказательство невѣрности свидѣтельствъ, то мы думаемъ, что они весьма натуральны, какъ потому, что одному могло быть хорошо извѣстно одно обстоятельство, другому другое; такъ и по различію воззрѣній на фактъ. Дѣло въ томъ, что эти видоотличія и разнорѣчія касаются какихъ—нибудь мелочныхъ обстоятельствъ, а не того главнаго факта, что *первый нашъ Лжедимитрій былъ именно Григорій Отрепьевъ*. Важно ли тутъ, напр., такое разнорѣчіе, что по однимъ Гришка постригся въ Суздальскомъ монастырѣ, а по другимъ въ монастырѣ Борки, галичской земли; или то, что по однимъ онъ рукоположенъ въ санъ діакона самимъ патріархомъ, а по другимъ какимъ-то другимъ епископомъ? Отвергается ли такимъ видоотличіемъ и разнорѣчіемъ не только тотъ фактъ, что онъ все таки *Гришка Отрепьевъ*, а не другой кто; но даже и тотъ, что онъ *чернецъ и діаконъ*?

Оффиціальныя объявленія правительства, по мнѣнію г. Костомарова, не имѣютъ права на довѣріе; свидѣтельства современниковъ, даже очевидцевъ и участниковъ,— тоже: кому же можно вѣрить затѣмъ? Не отрицается ли такимъ, недостаточно отчетливымъ подозрѣніемъ и сомнѣніемъ, всякая истина историческая въ самомъ ея основаніи?... Далѣе, какъ доказательства, такъ и опроверженія свои г. Костомаровъ не рѣдко

пр., въ челобитной чернеца Варлаама сказано, что Григорій Отрепьевъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ *въ 1602-мъ году въ домѣ князя Острожскаго были;* что они тамъ *хорошо были приняты;* что они тамъ *лѣтовали*, слѣд. были *въ августѣ* мѣсяцѣ 1602-го года; что князь Острожскій послалъ ихъ въ свое богомолье *Дерманскій монастырь*, не подалеку отъ котораго и помянутая книга сохранилась, (отъ Дерманскаго монастыря до Загоровскаго не болѣе ста верстъ); что діаконъ Григорій, бывши еще въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, выражалъ уже

основываетъ на неправильномъ, по нашему мнѣнію, пониманіи и толкованіи психическихъ явленій и историческихъ свидѣтельствъ; оттого онъ находитъ иногда странности въ этихъ явленіяхъ, противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей и историковъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, къ нѣкоторымъ, весьма важнымъ въ рѣшеніи предложеннаго г. Костомаровымъ вопроса, историческимъ свидѣтелямъ, онъ относится съ явнымъ предубѣжденіемъ. У г. Костомарова Шуйскій — не болѣе, какъ только *плутъ*, патріархъ-*недобросовѣстный*, Авраамій Палицынъ *не заслуживаетъ довѣрія*, особенно, когда о чемъ-нибудь говоритъ *одинъ*, чернецъ Варлаамъ все *вымышляетъ*... (Историч. изслѣд. Н. Костомарова стр. 12. 14. 19. 20.) Положимъ, что какой-нибудь частный случай подтверждаетъ такое мнѣніе г. Костомарова: можно ли на этомъ основаніи допустить общее заключеніе? Можетъ ли быть правильнымъ выводъ, основанный на предубѣжденіи, слѣд. на заблужденіи?... Вообще, мы находимъ, что въ „Историческомъ изслѣдованіи г. Н. Костомарова о первомъ Лжедимитріи“ (1864 г.), едвали не болѣе самого Шуйскаго и патріарха Іова, невинно пострадали *логика, психологія и герменевтика,* — наиболѣе важные помощники и пособники въ исторической критикѣ.

Г. Бицынъ, какъ мы показали это въ самомъ текстѣ, въ началѣ нашего изслѣдованія, полагаетъ, что царствовалъ на Москвѣ подъ именемъ Димитрія (Лжедимитрія І-го) не Григорій Отрепьевъ, а *нѣкто другой, подставной,* особо и самостоятельно въ Польшѣ и Литвѣ *езуитами приготовленный.* Но, при такой мысли, г. Бицыну, какъ и г. Костомарову, необходимо было: 1) *доказать недостовѣрность* положительныхъ свидѣтельствъ, какъ нашихъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, о томъ, что 1-й Лжедимитрій нашъ былъ именно *Григорій Отрепьевъ;* — а такихъ доказательствъ мы не находимъ у г. Бицына, — 2) — разрѣшить слѣдующіе вопросы, изъ коихъ нѣкоторые и самимъ г. Бицынымъ предложены: Куда дѣвался Григорій Отрепьевъ, по мнѣнію самого г. Бицына, особо и самостоятельно къ самозванству русскими боярами на Москвѣ приготовленный? У г. Бицына не достаетъ второй половины біографіи Григорія Отрепьева и первой половины біографіи цар-

имѣлъ *скинуть съ себя иноческое платіе и идти въ міръ*... Совершенно тоже самое говоритъ и помянутая надпись на книгѣ Василія Великаго, которая столько же согласна и съ другими достовѣрнѣйшими историческими свидѣтельствами. Однимъ словомъ, все говоритъ въ пользу *подлинности* этой подписи и истинности факта, о которомъ она свидѣтельствуетъ, такъ что остается развѣ только сличить подлинную подпись книги съ подлинною подписью перваго Лжедимитрія, имѣющеюся въ государственномъ архивѣ, чтобъ убѣдиться окончательно, что *подписав*-

---

ствовавшаго на Руси Лжедимитрія 1-го. Какъ это такъ могло случиться, что *именно вскорѣ затѣмъ*, какъ въ Литвѣ и на Волыни (у кн. К. К. Острожскаго) явился Григорій Отрепьевъ, тамъ-же, у кн. Адама Вишневецкаго, объявился совершенно другой самозванецъ, особо и самостоятельно езуитами приготовленный? Одинъ неизвѣстно куда пропалъ, другой неизвѣстно откуда взялся. Гдѣ и когда похищенъ былъ езуитами ребенокъ, гдѣ и какъ они готовили его къ необычайной роли? Возможно ли было приготовить къ такой роли кого-бы-то ни было, даже настоящаго Димитрія Ивановича Углицкаго, безъ внутренняго его къ ней призванія и расположенія? Возможно ли было угадать напередъ езуитамъ, или кому-бы-то ни было, что приготовляемый будетъ вполнѣ способенъ къ такой не легкой роли? Откуда такое сходство 1-го Лжедимитрія именно съ Григоріемъ Отрепьевымъ, сколько мы знаемъ сего послѣдняго еще въ монашествѣ? Всѣ эти вопросы, невольно рождающіеся при чтеніи изслѣдованія г. Бицына о первомъ Лжедимитріи, остались у него безъ отвѣта и рѣшенія. Мы думаемъ, что гораздо легче было езуитамъ докончить приготовленіе Григорія Отрепьева, нежели воспитать своего самозванца, другаго, совершенно самостоятельно. Да не таковъ былъ и Григорій, чтобы онъ уступилъ роль свою кому-нибудь другому совершенно свободно, безъ всякой борьбы. Мы думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе нужна была въ самомъ самозванцѣ природная способность, смѣтливость, смѣлость, энергія и предпріимчивость, нежели внѣшнее содѣйствіе, расположеніе и приготовленіе со стороны враждебныхъ Борису русскихъ бояръ и езуитовъ. Только самому можно было вызваться на такую роль, а не принять ее по одному стороннему внушенію и вліянію. Таковъ именно и былъ Григорій Отрепьевъ. Во всѣхъ словахъ и поступкахъ его (онъ-же, по нашему мнѣнію, и Лжедимитрій первый), можно видѣть, что онъ вовсе не былъ слѣпымъ орудіемъ другихъ, не былъ обольщенъ другими; напротивъ, онъ самъ былъ вполнѣ сознательный обманщикъ и обольститель. Въ подкрѣпленіе своей мысли о первомъ Лжедимитріи, г. Бицынъ ссылается, между прочимъ, на авторитетъ *митрополита Платона*. Но митрополитъ Платонъ не занимал-

шій эту книгу Григорій Отрепьевъ и первый нашъ Лжедимитрій есть одно и тоже лицо.

Да мудрено, кажется, и предполагать, чтобъ эта надпись была *подложная*, а не подлинная. Кому и какая была надобность сдѣлать такой подлогъ? Почему онъ сдѣланъ именно въ такой, а не въ другой формѣ? Откуда такая естественность, точность и опредѣленность, съ одной стороны, подписи, а съ другой— факта, на который она указываетъ? Какимъ чудомъ показанія этой подписи такъ вѣрно сошлись съ показаніями дру-

---

ся, какъ извѣстно, рѣшеніемъ вопроса о Лжедимитріи первомъ *спеціально*, а говоритъ объ немъ въ своей церковной исторіи только мимоходомъ, и высказываетъ свою мысль, сходную съ мыслію г. Бицына, только въ видѣ *предположенія*, прибавляя притомъ, что „*можетъ быть это былъ и самый Гришка Отрепьевъ*, галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный.“

Студентъ Иконниковъ, какъ мы это выше замѣтили, склоняется на сторону мнѣнія *Маржерета*, принимающаго перваго Лжедимитрія нашего за *истиннаго сына Іоанна Грознаго*. Это тотъ самый Маржеретъ, который такъ хорошо извѣстенъ намъ сколько своимъ французскимъ легкомысліемъ и неразсудительностію, столько же и своею недобросовѣстностію и недоброжелательствомъ къ Россіи. Это тотъ самый Маржеретъ, который пользовался, какъ извѣстно, особенною милостію Лжедимитрія перваго и принималъ потомъ живое участіе въ дѣлѣ Лжедимитріа втораго, вора тушинскаго, противъ Россіи. Вотъ ему вполнѣ справедливая и достопамятная оцѣнка современника его, нашего *князя Пожарскаго*: „А мы чаяли, что за его (Маржерета) *неправду*, что онъ, не памятуя государей нашихъ жалованья, *Московскому государству зло многое чинилъ* и кровь крестьянскую проливалъ, ни въ которой землѣ ему, *опричь Польши*, мѣста не будетъ.“ (Чит. письмо 1612-го г. кн. Пожарскаго къ иностранцамъ Эсгону, Гилю и другимъ, желавшимъ вступить въ русскую службу, сохранившееся въ московскомъ архивѣ. См. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I. стр. 424.) Въ самомъ дѣлѣ, заслуги Мержерета покойной Польшѣ противъ отечества нашего, воинскія и литературныя, весьма немаловажны; а потому и нынѣшніе патріоты польскіе должны быть не только ему, но и нашимъ восторженнымъ почитателямъ и защитникамъ его мнѣній, весьма признательны и благодарны.... Мнѣніе Маржерета о первомъ Лжедимитріи нашемъ, принимаемое и защищаемое г. Иконниковымъ, мы считаемъ явно нелѣпымъ, не заслуживающимъ вниманія и опроверженій. Нелѣпость этого мнѣнія въ настоящее время для каждаго здравомыслящаго и безпристрастнаго изслѣ-

гихъ современныхъ историческихъ свидѣтелей и свидѣтельствъ о томъ же предметѣ? Откуда такое сходство этого лица, подписавшаго книгу, съ тѣмъ, которое было извѣстно подъ именемъ монаха Григорія Отрепьева, и съ тѣмъ, которое царствовало на Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича Углицкаго? Современники и очевидцы перваго Лжедимитрія свидѣтельствуютъ, что онъ былъ родомъ великороссъ и хорошо говорилъ по-русски, на московскомъ нарѣчіи; что Григорій Отрепьевъ писалъ четко и красиво, и что патріархъ употреблялъ его, поэтому, для книжнаго письма; что онъ, равно какъ и Лжедимитрій первый, былъ умный и бойкій молодой человѣкъ и любившій высказаться эксцентрикъ; что оба были необыкновенно честолюбивы и предпріимчивы, и что Григорій Отрепьевъ, бывши еще въ монашескомъ званіи, въ Москвѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ проговаривался уже о своемъ царственномъ происхожденіи. Всѣ эти черты мы видимъ и въ помянутой надписи на книгѣ. Книга надписана бойко, смѣло, рукою вѣрною и искусною; писавшій выражается по-русски свободно и притомъ съ выговоромъ и правописаніемъ именно великорусскимъ, московскимъ, („далъ *намъ* Григорію съ братею, съ Ворламомъ *да* Мисаиломъ... во светомъ...) (*); онъ высказывается прямо и откровенно, *у кого* онъ былъ, *съ кѣмъ*, *когда* именно, и *за кого* слѣдуетъ принимать его, Григорія. Въ словахъ надписи: „царевичу московскому," высказанныхъ здѣсь такъ преждевременно и нетерпѣливо, такъ и слышится намъ голосъ того самого Лжедимитрія, который съ такимъ-же нетерпѣніемъ и настойчивостію требовалъ потомъ отъ польскихъ пословъ, столько-же преждевременно, титула *непо-*

дователя исторической истины вполнѣ очевидна, и полная несостоятельность Маржеретовскихъ защищеній этой нелѣпости давнымъ—давно уже доказана (*).

(*) Замѣчательно сходство словъ, выраженій и оборотовъ надписи на книгѣ Василія Великаго съ тѣми, которые встрѣчаемъ въ договорѣ перваго Лжедимитрія нашего съ воеводою сендомирскимъ, — писаннымъ 25-го мая 1604-го года, на польскомъ и русскомъ языкахъ. Такъ, на пр., мы встрѣчаемъ въ этомъ договорѣ выраженія: „Великій Новгородъ *да* Псковъ *со всѣми* уѣзды;" „*Мы, Димитрій Ивановичъ*" а въ подписи этого договора: „*Царевичъ Димитрій.*" Въ надписи на кни-

---

(*) Г. Иконниковъ, должно быть, писалъ свою фантазію подъ сильнымъ вліяніемъ статьи на туже тему и такого же направленія въ старыхъ „Отечествен. Запискахъ", издававшихся Свиньинымъ. Ред.

бдимѣйшаго императора (*). Еслибъ эта надпись была подложна, то этотъ подлогъ былъ бы сдѣланъ съ какою-нибудь цѣлію, и эта цѣль и стремленіе къ ней до сихъ поръ должны были-бы, такъ или иначе, непремѣнно открыться; но мы этого не видимъ:— и надпись, и книга, оставались до 1851-го года въ совершенной неизвѣстности. Еще бы можно было понять побужденіе для такого подлога въ бывшемъ Московскомъ государствѣ: можно было бы думать, что тамъ хотѣли оправдать мнѣніе, что первый Лжедимитрій нашъ былъ именно Григорій Отрепьевъ; но для чего такой подлогъ въ бывшемъ владѣніи Царства Польскаго, въ одномъ изъ монастырей Волыни, въ сосѣдствѣ съ г. Острогомъ, Дерманью, Гощей, Вишневцомъ, Брагинемъ, Самборомъ и Краковомъ? Для насъ тамъ гораздо болѣе понятны побужденія *скрыть*, или даже совершенно истребить книгу съ такою надписью, которая совершенно ясно и опредѣленно говорила о томъ, *кто былъ на самомъ дѣлѣ тотъ обманщикъ, котораго польскіе вельможи и правительство принимали и бывшему Московскому государству выдавали за царевича Димитрія Углицкаго, истиннаго сына Іоанна Грознаго*.

„Но для чего," скажутъ, „дѣлать было будущему самозванцу такую надпись на книгѣ, которая могла послужить ему потомъ уликою въ обманѣ?" Мы думаемъ, что Григорій Отрепьевъ не застанавливался надъ такою мыслію, а сдѣлалъ это по свойственному ему легкомыслію и увлеченію, какъ дѣлалъ онъ многое, и бывши еще монахомъ, и сдѣлавшись потомъ царемъ. По весьма вѣрному замѣчанію Карамзина, онъ очень рано оказывалъ уже *много ума*, но *мало благоразумія*. Въ извѣстную минуту могло представиться ему, что сдѣлать такую надпись весьма будетъ хорошо, выгодно и полезно для него. Быть можетъ онъ находилъ сперва выгоднымъ для себя показать другимъ вниманіе къ себѣ и радушный пріемъ князя Острожскаго, а потомъ заявить, *за кого* слѣдуетъ принимать его. Слова: „царевичу московскому,"— хотя и тоюже рукою, но, кажется, послѣ прибавлены въ подписи, судя по перу и черниламъ. Весьма знаменательно о такомъ нравственномъ явленіи выражается

гѣ Василія Великаго читаемъ: „далъ *намъ* Григорію, *царевичу* московскому, *съ* братею, *съ* Ворламомъ *да* Мисаиломъ." Сказ. современ. о Димитріи Самозв. ч. I. стр. 417—419, изд. 1859 г.

(*) Сказ. соврем. о Димитріи Самозв. ч. II. стр. 210, изд. 1859 года.

простой народъ нашъ, когда говоритъ, что *вора и мошенника Богъ попуталъ*, т. е. попустилъ самому запутаться.... Такъ вотъ эта собственноручная подпись Григорія Отрепьева служитъ ему теперь дѣйствительно уликою въ его мошеннической продѣлкѣ, въ его самозванствѣ, и въ достойно полученномъ имъ за эту продѣлку возмездіи.

„Но какъ же," скажутъ еще, „въ самомъ дѣлѣ, могла уцѣлѣть до сихъ поръ въ Загоровскомъ монастырѣ эта книга, оставаясь притомъ въ совершенной безвѣстности?" Очень просто. Прежде всего можно думать, что *въ тѣхъ мѣстахъ*, гдѣ книга эта просуществовала благополучно 250 лѣтъ, не обратили на нее должнаго вниманія (*). Книга эта и теперь почти новая, и еслибъ на заглавномъ листѣ ея не показанъ былъ 1594-й годъ, и г. Острогъ, мѣсто и время ея печати, то можно было бы подумать, что ей не болѣе какого-нибудь десятка лѣтъ. По всему видно, что даже не многіе читали ее. Затѣмъ, большая часть читавшихъ эту книгу, я думаю, вовсе не безпокоили себя трудомъ разбирать подпись ея, тѣмъ болѣе, что и разобрать-то эту подпись не совсѣмъ легко. Другіе, хотя и любопытствовали прочитать эту подпись, но вполнѣ не разобрали ея. Иные, хотя и разобрали, но, мало знакомые съ русскою исторіей, смысла и значенія ея не поняли. Еще иные, хотя и поняли смыслъ подписи, но не считали ея такъ важною, или считали по чему-нибудь къ обнародованію неудобною. Уніятскіе монахи, сколько мнѣ извѣстно, интересовались болѣе деньгами и фундушевыми записями, нежели книгами и надписями на нихъ. И въ 1851-мъ году, въ бытность мою въ Загоровскомъ монастырѣ, никто мнѣ не сказалъ, и, по всей вѣроятности, никто изъ братіи монастыря и не зналъ объ этой надписи и ея значенія, хотя двое изъ монашествующихъ, именно настоятель монастыря и казначей, были люди вполнѣ образованные, изъ воспитанниковъ бывшаго виленскаго университета. Я обратилъ особенное вниманіе на эту книгу и надпись на ней потому, что такихъ именно свѣдѣній я и искалъ, имѣвши порученность бывшаго начальства моего, собирать мѣстныя историческія свѣдѣ-

(*) При первомъ обнародованіи этой книги въ 1852-мъ году, я высказалъ мысль, что можетъ быть она, по какому нибудь случаю, перенесена *въ Загоровскій монастырь изъ Дерманскаго*, въ которомъ, по крайней мѣрѣ спутники Григорія, Варлаамъ и Мисаилъ, несомнѣнно были. (VIII. т. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.) Остаюсь и теперь при этой мысли.

нія, необходимыя для составленія историческаго и статистическаго описанія Волынской православной епархіи. Въ самой этой невнимательности къ этому памятнику, какъ это я уже замѣтилъ выше, я вижу доказательство его подлинности. Повторяю: сдѣлавши подлогъ съ извѣстною цѣлію, его давнымъ—давно пустили бы уже въ ходъ и дѣло. Да не потому ли именно и сохранилась эта книга въ цѣлости въ Загоровскомъ монастырѣ, что на нее никто не обратилъ надлежащаго вниманія и цѣны ей не знали? Такъ, нѣкоторые, извѣстные мнѣ письменные памятники пропали безъ-вѣсти немедленно, какъ только показано было еще не печатно, а только изустно, ихъ историческое значеніе (*). Если же образованнѣйшіе изъ базиліанъ (уніятскихъ монаховъ) читали эту надпись, вполнѣ разобрали ее и поняли ея значеніе, и при всемъ томъ не истребили этой книги и не передали ея кому-нибудь изъ польскихъ патріотовъ, — то можно видѣть въ этомъ не только людей просвѣщенныхъ и заботливыхъ по отношенію къ церковному монастырскому имуществу, но и истинно-русскихъ душою, сочувствовавшихъ втайнѣ историческимъ судьбамъ и интересамъ бывшаго Московскаго государства и общаго отечества нашего, Россіи, чему нашелъ я не мало и другихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, и притомъ именно въ томъ-же Загоровскомъ, бывшемъ уніятскомъ, монастырѣ (**).

Сообразивши все вышесказанное мною объ этой книгѣ и сохранившейся на ней подписи, я не усомнился сообщить объ этой случайной находкѣ моей свѣдѣніе какъ Московскому Обществу исторіи и древностей, при московскомъ университетѣ, (отъ 21-го февр. 1853-го г.), такъ и Императорскому Русскому Археологическому Обществу въ С. Петербургѣ, (отъ 21-го марта 1853-го г.), съ приложеніемъ снимка подписи, для сличенія съ подлинною подписью перваго Лжедимитрія на актахъ, и вообще для свѣдѣнія и соображенія. Я сдѣлалъ это, бывши еще въ г. Кременцѣ, Волынской губерніи. Уже въ 1856-мъ году, въ г. Нѣжинѣ, имѣлъ я честь получить отъ Императорскаго Русскаго

(*) Между прочимъ, тамъ не извѣстно куда дѣвалась рукописная книга стиховъ, писанныхъ на западнорусскомъ нарѣчіи, въ XVII-в., изъ которой нѣкоторыя, замѣчательнѣйшія въ историческомъ отношеніи, стихотворенія напечатаны въ Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи за 18⁶³/₆₄ г. кн. 2-ой.

(**) См. Описаніе Загоровскаго монастыря и его библіотеки въ Вѣстн. Югозапад. и Запад. Россіи за 1863-й г. кн. за іюль, авг. и сент.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА 10.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Эмиграція послѣ 1849 года.—Преобладаніе Ламберова отеля.— Неудачное домогательство польскаго легіона.— Михаилъ Чайковскій.— Польская неурядица и польская интрига.

Поляки считали Людовика Филиппа непреодалимымъ тормазомъ въ принятіи Франціею ближайшаго участія въ домогательствахъ польской эмиграціи. Наконецъ совершилось столь желаемое событіе, при полныхъ симпатіяхъ и усердіи ея демогратической партіи, возникла французская республика, а за нею быстро при полныхъ симпатіяхъ и усердіи партіи Ламберова отеля, возникла имперія. Послѣдствія заставили польскихъ демагоговъ вспомнить о Людовикѣ Филиппѣ, ихъ централизація нашла себя при новыхъ порядкахъ, вынужденною выбраться изъ Франціи и переѣхать въ болѣе гостепріимный Лондонъ. Казалось что на долю европейскимъ революцерамъ пришлось сложить оружіе, а съ нимъ покамѣсть уложить и польскія надежды.

Польскіе эмигранты испытывали быстрые переходы отъ великой радости къ великой печали и обратно; они могли вспомнить что дни одинъ за другимъ слѣдуютъ, но одинъ на другой не похожи. На очереди стало событіе для нихъ самое счастливое, о которомъ такъ долго мечтали и хлопотали поляки, и котораго исполненіе они едва ли почитали сбыточнымъ— западъ ополчился на Россію, и Россія въ готовящейся борьбѣ стояла одна. Со времени удаленія польскихъ выходцевъ за границу, они были неутомимыми работниками, чтобы общественное мнѣніе возстановить противъ ими провозглашаемыхъ *московскихъ варваровъ*, а дипломатія западныхъ кабинетовъ весьма удачно повела дѣла такъ, что Россіи пришлось одной бороться снова, если не со всей Европой, то противъ значительнѣйшей ея части.

Польскія сердца встрепенулись, умы оживились, надежды воскресли,— заговоры закипѣли и въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи, закипѣли тѣмъ съ большею силою, что образовавшій-

ся нарывъ въ 1848 и 1849 не прорвался, и возбужденные мятежные элементы, не выйдя тогда наружу, заглохли съ подавленіемъ венгерскаго мятежа (*).

Съ 1812 года никогда еще столько какъ во время крымской войны, польскія мечты не гуляли въ такомъ безпредѣльномъ мірѣ фантазій, обильно застроенномъ воздушными замками; паны готовились и не щадили денегъ, высылаемыхъ за границу, готовилось все шляхетство всѣхъ партій, готовились студенты-поляки по университетамъ, какъ за границею такъ и въ Россіи. Въ московскомъ университетѣ студентъ Іосифъ *Розенталь* собиралъ цѣлые сеймы изъ *студентовъ*, для непремѣннаго принятія всѣми товарищами принциповъ централизаціи. Онъ достигъ полной побѣды сколько силою своею краснорѣчія, столько угрозою, что противники будутъ исключены изъ общества поляковъ. Изъ московскаго университета *Розенталь* перешелъ въ кіевскій и тамъ устроилъ тройки, для окончательнаго перехода отъ дѣятельности заговорной къ дѣятельности мятежа, но Ламберовъ отель парализировалъ пылъ дѣятельности.

Съ разгромомъ революціонныхъ сборищъ въ Парижѣ, съ изгнаніемъ централизаціи въ Лондонъ, послѣ всѣхъ матеріальныхъ потерей, которыя съ 1849 года понесла демократическая партія

(*) Паны въ 1848 и 1849 годахъ, напуганные галиційскими событіями 1846 года, положительно боялись мятежей; сдерживали молодежь и перечили ея замысламъ; они уничтожали имъ попадавшіяся въ руки революціонныя возванія и распоряженія; готовя средства, они, въ 1848 году, ожидали прибытія французовъ, но какъ дѣла въ Европѣ къ концу первой половины года, приняли другой поворотъ, а Царство Польское и западная Россія стали наполняться войсками, то всякія попытки являлись совершенною невозможностью. Едва выяснялось что на Францію расчитывать нечего какъ паны, первые, торопливо пріѣзжали сообщать фельдмаршалу въ Варшавѣ о всякихъ готовящихся замыслахъ. Это не мѣшало однако демократической партіи работать своими путями, но они могли только работать между одною молодежью, которой вожаки не были принимаемы даже, оставшимися правительству неизвѣстными, членами литовскаго жонда 1831 года, въ рукахъ которыхъ все оставалась верховная дирекція заговорнаго польскаго perpetuo mobile въ западной Россіи. Часть молодыхъ заговорщиковъ была открыта; въ главѣ дѣятелей стоялъ 19 лѣтній гимназистъ *Францъ Далевскій*, сосланный тогда въ каторжную работу, и который, помилованный въ 1856 году, снова принялся за организованія заговора къ мятежу 1863 года.

польской эмиграціи и разсеяніи ея членовъ, партія Ламберова отеля достигла совершеннаго преобладанія. Всѣ мятежныя дѣйствія поляковъ, начиная со временъ раздѣла Польши, были убѣдительными доказательствами для всѣхъ партій, что если папы не возмутся за дѣло, то всякая попытка обращается только въ кратковременную потѣху конспираторовъ-проказниковъ, которая влечетъ за собою казни, заключенія и ссылки.

Всѣ услуги, которыхъ союзники могли ожидать во время войны отъ польской эмиграціи, конечно были достаточно побудительными причинами, для того чтобы ей, среди дипломатическаго міра идти, какъ говорится, быстро въ гору. Партія Чарторыйскаго взяла въ это время рѣшительный перевѣсъ; демократическая партія, заявивъ своею многолѣтнею дѣятельностью свое революціонно польское настроеніе, понимала что на это настроеніе, съ императорскою Франціею, мода прошла и потому ей оставалось только всѣ свои надежды возложить на дипломатическое искуство князя Адама.

Но князь Адамъ не могъ добиться многаго, тщетны были всѣ его усилія составить особый польскій легіонъ, который рядомъ съ сардинскими войсками, сталъ бы въ лагерѣ союзныхъ армій, и потомъ при окончательномъ расчетѣ, потребовалъ бы своей доли, если даже не потребовалъ бы ранѣе, извѣстныхъ гарантій. Не съ достоинствомъ западныхъ державъ было набирать себѣ союзниковъ въ ряду воображаемыхъ безземельныхъ государствъ; а еще менѣе связывать себѣ руки условіемъ; и Мѣрославскій съ грустью говоритъ, что поляки въ севастопольскомъ гарнизонѣ, тщетно прождали появленія польскихъ орловъ. Подобно Наполеону I, Наполеонъ III и Англія дозволили только полякамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, проявить свою вражду къ Россіи усердіемъ въ пожертвованіяхъ деньгами и людьми и горячими симпатіями къ Франціи.

Тогда Ламберовъ отель особенно началъ заискивать у Австріи, эрцъ герцогъ Карлъ отправился въ Галицію; по мановенію князя Чарторыйскаго, поляки восторженно принимали эрцгерцога, какъ будущаго короля Польши, и польскія дамы громко провосглашали, махая платками: „Ah qu'il est beau notre jeune roi.“

Чѣмъ болѣе разгоралась война, тѣмъ натянутѣе становился союзъ между Франціею и Англіею. Наполеонъ III воспользовался давнишними усиліями польской эмиграціи, возстановить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи; союзу давало нѣ-

которую прочность, а еще болѣе силу, то обстоятельство, что Россія казалось была оставлена всѣми; на нея точно была наложена печать всеобщаго недовѣрія, но это искуственное положеніе дѣлъ не легко было поддерживать. Волненія въ Польшѣ, могли заставить Австрію яснѣе высказать свои побужденія и опасенія, но Пруссію ни въ какомъ случаѣ не устроивало возстановленіе Польскаго королевства, которое бы не только заявило свои притязанія на Познань, но и на другія ея области, бывшія нѣкогда подъ польскимъ владычествомъ; поляковъ преслѣдуетъ постоянно одна и таже идея: Польша 1772 года. Императоръ Наполеонъ самимъ положительнымъ образомъ провелъ черту польскимъ домогательствамъ. *Чарторыйскій* въ своемъ органѣ, „Вядомости Польскѣ", 16 іюня 1854 года напечаталъ, для свѣдѣнія своихъ соотчичей: „Мы формально уполномочены лицемъ самымъ достойнымъ уваженія, которое только можетъ быть въ мірѣ, довести до свѣдѣнія нашихъ соотечественниковъ, что высоко поставленная особа, именно та, которая преимущественно рѣшила не образовать польскаго легіона въ Константинополѣ, совѣтуетъ полякамъ въ этомъ отказѣ, не искать причины къ утратѣ ихъ надеждъ, но напротивъ чтобы они во всякое время были готовы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ." Краеугольнымъ камнемъ польскихъ традицій, надъ которыми паритъ польская интелигенція, стоитъ „непозвалямъ" съ нимъ не можетъ разстаться шляхетство. Непозвалямъ, единогласно произнесла демократическая партія, когда *Бемъ* въ 1833 году заключилъ съ Донъ Мигуэлемъ португальскую конвенцію, а въ 1854 году, когда въ первый разъ князь *Чарторыйскій* дѣйствительно уперался на нѣчто въ родѣ оффиціальнаго дипломатическаго сношенія, не только демагоги, но и магнаты средней руки заволновались; по какому дескать праву князь *Чарторыйскій* трактуетъ съ кабинетами; кто его уполномочилъ? „Эти слова въ Польскихъ Вѣдомостяхъ, (16 іюня 1854 года) не допускаютъ двоякаго толкованія, пишетъ графъ *Тышкевичъ* (*), всякій зналъ что именно Наполеонъ III рѣшительно не согласился на формированіе польскаго легіона въ Константинополѣ, а князь *Чарторыйскій* говоритъ полякамъ: императоръ французовъ приглашаетъ васъ чрезъ меня не отчаяваться, но быть постоянно въ готовности. Онъ и англійская королева *меня* признали представителемъ и главою *польской справы*; правда я не могу вамъ доказать это иначе какъ собствен-

(*) Тышкевичъ „Письма о современной Польшѣ," стр. 174.

нымъ моимъ увѣреніемъ, но мое слово, слово честнѣйшаго изъ честнѣйшихъ людей, это не слова перваго попавшагося соціалиста, потому что *я* занимаю почетное мѣсто, я не какой нибудь безпомѣстный; всѣ сознаютъ во мнѣ политическую опытность; извольте меня слушаться".

Не знаемъ хотѣла ли польская эмиграція чтобы союзныя державы созвали всю ее на митингъ и чтобы онѣ на этотъ митингъ выслали своихъ министровъ договариваться съ эмигрантами, но видимъ только что эмиграція никакъ не хотѣла перейдти изъ міра фантазій въ міръ дѣйствительный. Она не понимала что никогда, ни одно европейское правительство не признавало никакого официяльнаго характера ни въ ея келейныхъ сеймахъ, ни въ одномъ изъ ея безчисленныхъ комитететовъ. Она не понимала что западныя державы никакой особенной необходимости въ польскихъ эмигрантахъ не имѣютъ, а какъ они сами навязываются въ дѣло, и своимъ вліяніемъ на край могутъ принести косвенную пользу, то онѣ при закрытыхъ дверяхъ, заговорили съ тѣми изъ польскихъ выходцевъ, которые всегда стояли у этихъ дверей, умоляя о позволеніи войдти.

Поляки надѣялись что выговорятъ для себя особыя условія, забывая что въ нихъ никто особенно не нуждался, и что правительства очень хорошо понимаютъ, что съ поляками имъ церемониться нечего, что они радостно возмутъ на себя роль кондотьеровъ, при хорошемъ жалованьи, подстрѣкаемые мыслью что идутъ воевать противъ Россіи. При громадныхъ приготовленіяхъ для борьбы съ Россіею, кромѣ самой польской эмиграціи, никто не обращалъ на нее особеннаго вниманія. Во время этихъ приготовленій поляками было произнесено много пламенныхъ рѣчей за и противъ князя Адама, а кончилось тѣмъ, что всѣ поляки, послѣдовавшіе на востокъ, всѣ стали подъ знамя *Чарторыйскаго*, кто былъ по богаче на собственномъ иждивеніи, а кто победнѣе на усиленномъ жалованьи.

Край оставался спокойнымъ; дабы предупредить всякую своевольную выходку какого либо отчаяннаго патріота—туземца, которая могла бы быть искрою бо́льшаго пожара и надѣлать хлопотъ западнымъ комбинаціямъ и опасеніямъ, то въ шляхетное общество были пущены слова, какъ сказанныя Наполеономъ: первый выстрѣлъ на Вислѣ заставитъ замолчать севастопольскія батареи (¹), а

(¹) Le premier coup de fusil, parti sur la Vistule fera taire les batteries devant Sébastopole".

въ утѣшеніе туземному шляхетству было сообщаемо, что „въ тотъ моментъ когда театръ войны коснется ихъ предѣловъ, то нежданнымъ ударомъ всей возставшей Польши, они нанесутъ Россіи рѣшителпый ударъ и она будетъ рада согласиться на всякій миръ, который ей будетъ предписанъ, что Наполеону III, въ дружбѣ съ Англіею, печего церемониться съ Россіею, какъ Наполеонъ I поцеремонился съ ней въ Тильзитѣ“.

Хотя цѣлая русская армія охраняла Царство Польское, но Австрія повидимому тоже опасалась какой либо сумятицы и настояла чтобы Придунайскія Княжества были признаны нейтральными.

Послѣдуемъ за эмигрантами въ Турцію, болѣе или мѣнѣе уже извѣстную польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* въ демократической партіи всегда видѣлъ злѣйшихъ противниковъ своимъ планамъ; онъ не довѣрялъ чтобы революціонными стремленіями, Польша когда либо достигла независимости, а демагогическія ея ученья низвергали его династическія мечты. Неудавшіяся поляками затѣянцыя революціи только подтверждали князя *Чарторыйскаго* въ томъ его убѣжденіи, что его планъ медленнаго, постепеннаго, прочнаго укрѣпленія камень за камнемъ въ *великомъ будованіи* для возстановленія Польши, только терпѣлъ отъ демократичекой партіи, что шальныя ихъ выходки только разрушали часть уже сдѣланной работы. Онъ постоянно искалъ какихъ либо занятій неугомоннымъ противникамъ, своимъ товарищамъ по изгнанію. Желая разослать ихъ въ Португалію, Испанію, Алжиръ, Египетъ и Америку, онъ искалъ давно уже пристроить часть ихъ и въ Турцію.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ князь *Адамъ Чарторыйскій* заключилъ условіе съ орденомъ константинопольскихъ лазаристовъ (¹), по которому часть земли имъ принадлежащей въ азіятской Турціи, была предоставлена для земледѣльческихъ работъ польскихъ выходцевъ и тамъ основано польское селеніе *Адамполь*, но по отзывамъ самихъ поляковъ, много эмигрантовъ тамъ перебывало и мало тамъ оставалось. Выгодныя условія заманивали, работа отталкивала и эмигранты изъ Адамполя разсыпались по Турціи, искать пропитанія болѣе легкаго. Польскій легіонъ, вышедшій изъ Венгріи въ 1849 году въ Турцію увеличилъ тамошнее число польскихъ выходцевъ. Въ европейской Турціи до начала восточной войны, насчитывали болѣе 2,000 поляковъ, такъ

(¹) Латинскій орденъ монаховъ, тамъ водворившійся въ XVIII вѣкѣ.

что вновь прибывавшіе искатели приключеній застали тамъ много земляковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь *Чарторыйскій* искалъ утвердить свое значеніе и искалъ воидти въ связь съ правительственными личностями, тамъ гдѣ онъ надѣялся что могутъ явиться враги Россіи. Такъ и въ Константинополѣ онъ имѣлъ своего человѣка, Михаила *Чайковскаго*. Онъ былъ литераторъ Ламберовскаго отеля, писалъ повѣсти изъ быта Украины, въ 1840 роду былъ посланъ къ запорожскимъ казакамъ, обитающимъ въ турецкихъ владѣніяхъ Малой Азіи и принималъ участьіе въ постройкѣ Адамполя; поселясь въ Константинополѣ, онъ сталъ государственнымъ человѣкомъ и знатокомъ военнаго дѣла; онъ составлялъ разныя записки о пересозданіи Турецкой Имперіи и ея войскъ, которыя онъ представлялъ султану, и для лучшаго себя утвержденія на турецкой почвѣ, онъ принялъ исламизмъ въ 1850 году и назвалъ себя *Садикомъ*. Предъ началомъ восточной войны, поддерживаемый *Чарторыйскимъ*, онъ получилъ согласіе султана на сформированіе султанскихъ казаковъ, и получилъ званіе паши.

Русскія войска вступили въ Княжества, Порта торопливо готовилась къ войнѣ, *Чайковскій* предлагалъ султану выписать четырехъ опытныхъ польскихъ генераловъ съ ихъ штабами, для укомплектованія начальствующихъ формируемыхъ войскъ и указывалъ что подъ ихъ начальство сберется множество поляковъ, отважныхъ опытныхъ войновъ. Султанъ согласился. *Чайковскій* тотчасъ адрессовался къ своему патрону *Чарторыйскому*. *Чарторыйскій* не очень торопился, а генералы заломили цѣну своему искуству, и требовали еще гарантій въ исправной уплатѣ жалованья. *Чайковскій* писалъ *Чарторыйскому*, что этимъ путемъ на счетъ султана можно будетъ устроить войско, которое потомъ можно будетъ употребить на дѣло Польши, но что бы для увеличенія средствъ, князь *Чарторыйскій* потребовалъ бы экстерныхъ взносовъ отъ туземцевъ, въ которыхъ они не откажутъ. Осторожный Чарторыйскій не поддавался подъ пылкія рѣчи Садикъ Паши; Франція принимала участіе въ турецкихъ дѣлахъ и князь Адамъ ждалъ позволенія или вѣрніе приказаній. Пріѣхали генералы *Брезтскій* и *Быстржановскій*: занялись формированіемъ польскихъ легіоновъ, по дѣлю вели такъ вяло, что рѣшительное заявленіе Наполеона противъ формированія подобныхъ легіоновъ остановило далеко не оконченное предположеніе.

Если паны, туземцы, послушные Ламберову отелю би-

дѣли смирно, и отъ нихъ не требовалось экстерныхъ взносовъ, то ксендзы и польки дѣятельно выступили впередъ. При волшебномъ словѣ „польскіе легіоны“ составлялись концерты въ пользу бѣдныхъ, сборы въ пользу бѣдныхъ, лотереи въ пользу бѣдныхъ, и не одинъ рубль русскаго офицера а можетъ быть и пишущаго эти строки, очутился въ Парижѣ, въ кассѣ Ламберова отеля. Князь *Чарторыйскій* былъ между двумя огнями, съ одной стороны летѣли посланія изъ Турціи; тамошніе поляки своимъ путемъ знали что обильные офяры собирались въ краѣ, съ другой стороны какъ мы упомянули, Наполеонъ не изъявлялъ на нихъ согласія. Молва о польскихъ легіонахъ была на всѣхъ устахъ; тогда князь Адамъ напечаталъ нами сказанное свое объявленіе отъ 16 Іюня 1854 года.

Съ потерею надежды на формированіе легіоновъ, поляки кинулись въ султанскіе казаки *Садикъ Паши*; хотя самъ паша былъ и преданный сторонникъ Ламберова отеля, но масса прибывшихъ принадлежала почти вся демократической партіи, и недостатка не было въ порицаніяхъ и критикѣ польскихъ дипломатовъ; настроеніе лагеря Садикъ Паши разносилось въ краѣ; демократы стали брать рѣшительный перевѣсъ, тѣмъ болѣе, что *Высоцкій* бывшій предводитель польскаго легіона въ Венгріи, одинъ изъ вожаковъ демократической партіи, другъ *Мирославскаго*, заклятаго врага Ламберова отеля, отправился тоже въ Турцію искать службы у султана. Среди громадныхъ событій восточной войны, какъ поляки не были ничтожны своею численностью, силою и значеніемъ, но успѣхъ на блистательный исходъ войны шелъ еще возвышаясь, а въ подобное время аристократическая партія всегда старается сохранить во чтобы то не стало преобладаніе на своей сторонѣ, точно также какъ при наступленіи неудачъ, она старается стушеваться, снять свою булавку съ игры, какъ говорятъ французы, и отрекаться по возможности отъ всякаго принятаго участія. *Чайковскій* приписывалъ что ничтожная роль, которая выпала на долю поляковъ среди союзниковъ, была слѣдствіемъ недостаточнаго представительства польской эмиграціи, и какъ истинный поклонникъ Ламберова отеля настоятельно требовалъ отъ него высылки подобнаго представителя, но Ламберову отелю было гораздо важнѣе возвратить въ подчиненности неугомонную демократію, и онъ обратился къ обычному оружію, къ интригѣ. На этотъ разъ польская интрига въ лицѣ графа Владислава Замойскаго поспѣшила въ Турцію; князь

Адамъ отправилъ туда своего способнѣйшаго и усерднѣйшаго сторонника наладить дѣло.

Графъ *Замойскій*, какъ говоритъ *В. Мицкевичъ*, прибылъ въ Константинополь, встрѣтился съ *Высоцкимъ*, радостно облобызался съ нимъ, и тотчасъ же предупредилъ султанскихъ чиновниковъ, чтобы *Высоцкому* ничего не довѣряли, потому что онъ прибылъ революціоннымъ агентомъ. Радостно расцѣловался онъ при свиданіи съ *Чайковскимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмами къ сераскиру и къ Омеръ Пашѣ предостерегалъ ихъ отъ запальчивости Садикъ Паши, что у него только на умѣ внести войну въ Польшу, что онъ наровитъ только на то, чтобы ему прорваться на Волынь, что при его своеволіи его неудержитъ настоятельное требованіе Австріи, не переходить ею назначенную черту. Если графъ *Замойскій* не достигъ того, чтобы слишкомъ пылкого Садикъ Пашу замѣстить болѣе послушнымъ другимъ сторонникомъ Ламберова отеля *Косцельскимъ*, то все же онъ добился того, что пашамъ было предписано сноситься съ Садикъ Пашею, какъ хорошо знающимъ мѣстность, но не допуская чтобы онъ увлекъ ихъ впредъ; подчиненные же Чайковскато получили приказъ исполняя его распоряженія, ни подъ какимъ предлогомъ однако не дозволять чтобы части артиллеріи или пѣхоты переправились на лѣвый берегъ Серета. Графу *Замойскому* не удалось однако своимъ кандидатомъ замѣстить *Садикъ Пашу* и сторонники послѣдняго говорили, что если *Колцельскій* желаетъ сдѣлать блистательную карьеру въ турецкой службѣ, то при нѣкоторой твердости духа и безстрашіи передъ ланцетомъ, онъ можетъ поступить въ евнухи сераля.

Устранивъ *Высоцкаго*, поколебавъ довѣренность Порты къ Садикъ Пашѣ *Чайковскому*, графъ *Зомойскій* принялся устраивать свои дѣла. Онъ отказался отъ званія турецкаго бригаднаго генерала, не довѣряя акуратности турецкаго жалованья, а предложилъ свои услуги Англіи, взявъ на себя формировать полкъ изъ поляковъ, который ей обойдется гораздо дешевле вербуемыхъ въ Европѣ волонтеровъ. Англія приняла предложеніе и пожаловала *Замойскаго* генераломъ. Графъ *Замойскій* разомъ составилъ свой полкъ, добывъ позволеніе отдѣлить половину отъ козаковъ султана, сформированныхъ *Чайковскимъ*. Оба эти, по народностямъ пестрые полки съ значительнымъ числомъ поляковъ, скоро представили разительную разницу. У *Чайковскаго* нагайка была въ сильнѣйшемъ ходу, и въ честь мастера этого дѣла, служившаго тамъ полковни-

комъ, *Киркора* и самыя нагайки получили названіе киркорокъ, а въ полку графа *Замойскаго* преимущественно занимались обращеніемъ въ латинство.“ Какой страмъ говорили поляки въ полку *Чайковскаго*, что тамъ превзошли даже москалей, въ употребленіи нагаекъ, сколько козаковъ тамъ умерло подъ ударами киркорокъ.“ За то о полку графа *Замойскаго*, получившему названіе англо-турецкаго, держались другія рѣчи: „тамъ рѣдко учатся, даже мало занимаются коннымъ и пѣшимъ строемъ; время проводятъ въ молитвахъ, исповѣдяхъ и обращеніи схизматиковъ. Тамъ случались примѣры что русскіе бѣглые солдаты, которыхъ палками хотѣли обратить въ латинство кричали, „убей, не перекрещусь.“ Графъ *Замойскій* отлично устроивалъ однако свои собственныя дѣла; получая снабженія на оба полка, отъ англичанъ, французовъ и турковъ, онъ расходовалъ ихъ весьма экономически, и Садикъ Пашѣ—*Чайковскому* за все время выдалъ только 3,000 фр. жалованья. Получая на собственную свою личность столько раціоновъ, что на нихъ могъ бы содержать цѣлый госпиталь, онъ однако для его улучшенія собиралъ добровольныя приношенія по подпискѣ съ офицеровъ, даже и такихъ, которымъ не выдавалъ жалованья.

Раздоры и сплетни охватили польскій лагерь, князь *Чарторыйскій* послалъ изъ Парижа примирителемъ сына своего *Владислава* и какъ бы въ дядьки къ нему послалъ поэта Адама *Мицкевича*. „Пишите мнѣ, прошу васъ, о моемъ сынѣ, писалъ ему князь Адамъ 27 Октября 1855 года, весьма желалъ бы узнать что вы были имъ довольны.“ Князь Владиславъ *Чарторыйскій* прибылъ въ Турцію съ обстановкою какого то принца крови. Поляки живущіе въ мірѣ фантазій къ какой бы партіи они не принадлежали, съ самодовольствіемъ встрѣтили молодаго князя; они точно дождались, что ихъ посѣтилъ принцъ чистой крови владѣтельнаго дома; они парадировали заявленіемъ чувства глубокой преданности, но въ польскомъ обществѣ съ необыкновенною быстротою совершаются всякія перевороты нравственнаго настроенія. При неестественно фальшивомъ воспитаніи, нѣтъ въ нихъ твердыхъ убѣжденій, выработанныхъ, усвоенныхъ правильныхъ понятій; всякій кидается разыгрывать какую нибудь имъ избранную роль, согласно обстоятельствамъ, Алкивіада, Ликурга, Брута, Цицерона, Гракха, то маркиза временъ Людовика XIV, то якобинца 1789 года, то англійскаго лорда, пока роль не надоѣстъ; тогда они обращаются въ первобытное состояніе, пока при новыхъ обстоятельствахъ, они

не разбираютъ новыхъ ролей,—прямое слѣдствіе не нормальнаго положенія, въ которое себя поставило польское шляхетство, и въ которомъ оно упорно держится. Прибытіе князя *Владислава Чарторыйскаго* и Адама *Мицкевича* водворили согласіе па короткое время и скоро ихъ присутствіе только увеличило распри съ новою силою. Князь *Владиславъ* присталъ къ графу *Замойскому*, Адамъ *Мицкевичъ* къ демократамъ и перетащилъ туда окончательно и *Чайковскаго* Садикъ Пашу.

Князь *Владиславъ* пріѣхалъ въ Турцію искушаемый восточными обычаями. „Вы пріѣхали на Востокъ, писалъ ему поэтъ *Мицкевичъ*, 17 ноября 1855 года, гдѣ столько надеждъ можетъ воспрянуть. Взоры столькихъ поляковъ были обращены на васъ; сцена на которую вы восходили еще болѣе васъ возвышала, и что же? на этой землѣ нашей будущности, первые слѣды, которые вы оставляете на вашемъ пути состояли въ томъ, что вы приказали опубликовать, что женщина, которую вы съ собою привезли, оказала такія то и такія то заслуги. Князь! если госпитали требовали улучшенія, то должно было поручить дѣло медикамъ, предоставивъ имъ должныя средства, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было требовать подписки отъ офицеровъ, неполучающихъ жалованья. Ваши похожденія въ монастырѣ, чтобы помѣстить тамъ безплатно еще другихъ женщинъ, выставляютъ предъ иноземцами позоръ и скандалъ. Мы можемъ потерять случай возстановить наше національное знамя па землѣ, столь близкой къ нашей родинѣ. Это первый польскій лагерь, который послѣ столькихъ лѣтъ является снова.“

„Мы все сдѣлали для *Чарторыйскихъ*, писалъ *Чайковскій*; мы доставили имъ политику на Востокѣ, вліяніе на славянъ, сношенія съ кавказскими горцами, а чрезъ это кредитъ у кабинетовъ французскаго и англійскаго, мы образовали польскую колонію и казаковъ съ военнымъ устройствомъ, доставили имъ знамя, положеніе, я употребилъ всѣ возможныя старанія, чтобы не допустить раздѣленіе казаковъ, я дѣйствовалъ такъ для настоящихъ выгодъ и имѣлъ въ виду будущность Польши, достоинство польскаго имени; поступки *Замойскаго* отъ насъ навсегда могутъ удалить казаковъ, они содѣйствуютъ только тому, чтобы навсегда раздѣлить восточную церковь отъ западной. Почему князь Адамъ *Чарторыйскій*, въ самомъ началѣ борьбы, не обратился къ краю и не потребовалъ нужныхъ суммъ для организаціи и содержанія польскихъ легіоновъ; почему не были употреблены миліоны, завѣщанные дѣвицею Сициліею ***, духовнымъ ея завѣщаніемъ ис-

ключительно назначенные для *народной справы*, а не на какіе другіе предметы. Много было кромѣ того подписокъ и пожертвованій, всѣ эти суммы вмѣстѣ были бы болѣе чѣмъ достаточными,,. ,,Мы имѣли свои капиталы, край дополнилъ бы ихъ въ случаѣ надобности, а мы сохранили деньги для Ламберова отеля, мы пошли на жалованье англичанъ и должны переносить нарѣканія, что живемъ на счетъ союзниковъ а ихъ золото льется въ карманъ графа Владислава" (Замойскаго).

Князь Адамъ *Чарторыйскій* дипломатически отвѣчалъ *Мицкевичу*, сообщившему ему раздоры между *Замойскимъ* и *Чайковскимъ*:

,,Садикъ обладаетъ большими способностями, но онъ быстръ и пылокъ, и дѣйствуетъ слишкомъ запальчиво въ минуту раздраженія; что касается *Замойскаго*, то я хорошо знаю его недостатки, отъ которыхъ онъ нажилъ много враговъ, особенно между своими земляками; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него много и прекрасныхъ качествъ". Прекраснѣйшее его качество, говорили поляки, то, что онъ племянникъ князя Адама.

При раздорахъ, существовавшихъ въ обѣихъ польскихъ партіяхъ въ Турціи, подъ руководствомъ поляковъ войска послѣ Калафата не могли быть употреблены. Войска Садика во всемъ нуждались, даже въ людяхъ, которыхъ задерживалъ *Замойскій*, и его подчиненные все не достигали боеваго образованія. Поляки не попали ни въ Крымъ, ни въ Малую Азію.

,,Насъ не послали даже въ Азію, пишетъ *Чайковскій*, когда интервенція Австріи насъ лишила доступа къ Дунаю, и когда какимъ нибудь громкимъ подвигомъ намъ было необходимо поднять ту военную славу польскаго имени, которая доселѣ была нашимъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ и существенной силой нашей ойчизны. Вмѣсто того мы отдѣлились отъ Польши, наше знамя было запятнано двусмысленною репутаціею наемнаго войска, безъ всякой гарантіи для края; одно только честолюбіе графа *Замойскаго* было удовлетворено послѣ трудовъ двухъ съ половиною лѣтнихъ, время, въ которое мы могли бы устроиться при нашихъ для насъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, войны съ Россіею".

Разбирая всѣ похожденія поляковъ во время восточной войны, когда дѣйствительно въ первый разъ раскинулся польскій лагерь въ арміяхъ, которыя не были арміями мятежниковъ, нельзя не отдать справедливости словамъ Моллера, въ сочиненіи Situation de la Pologne.

„Едва только Польша снова появилась на сценѣ, какъ уже являются *Чарторыйскіе* съ стремленіями къ верховной власти; подъ ихъ покровомъ Замойскіе ищутъ выгодныхъ мѣстъ, либерализмъ эмиграціи проявляется *киркорками*, для вящей популярности патріотическая кампанія обращается въ крестовый походъ противъ схизматиковъ; демократы ругаютъ аристократовъ, аристократы предъ турками изобличаютъ и выдаютъ демократовъ и интригуютъ противъ всѣхъ; словомъ въ пресловутой ойчизнѣ, всякой работаетъ въ пользу собственныхъ своихъ дѣлъ, а польская справа раздробляется въ справы личныхъ выгодъ патріотовъ, навязываемыхъ польской націи.“ Кто же наконецъ польскіе патріоты? идущіе ли за знаменемъ Ламберовскаго отеля, который выдаетъ демократическую партію за враговъ польской націи, или демократы, которые тысячами подписей засвидѣтельствовали что князь *Чарторыйскій*, глава и руководитель аристократической партіи, предатель и отверженный врагъ отечества.“

Адамъ Мицкевичъ умеръ къ окончанію войны въ Турціи, князь *Владиславъ Чарторыйскій* и графъ *Владиславъ Замойскій* возвратились въ Парижъ.

Въ январѣ 1856 года, когда многочисленная толпа собиралась въ Парижѣ къ церкви Madelaine для панихиды по *Мицкевичу*, Язвинскій предъ оградою, встрѣтя графа *Владислава Замойскаго* отхлысталъ его своею тростью. По жалобѣ *Замойскаго* и по приговору суда, *Язвинскій*, былъ заключенъ въ тюрьму на 4 мѣсяца.

Парижскій миръ ни однимъ словомъ не упомянулъ о полякахъ.

(*Продолженіе впредь.*)

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ ГОРОДА ГРОДНЫ.

Было время, когда Гродна имѣла весьма важное значеніе въ военномъ и даже въ политическомъ отношеніяхъ. Какъ столица удѣльнаго Гродненскаго княжества и весьма важный пунктъ на Нѣманѣ, Гродна дѣлается жертвою разореній и опустошеній, которыя, начавшись нашествіемъ татаръ въ 1241 году, представляются въ болѣе яркихъ краскахъ во взаимной борьбѣ русскихъ, литовцевъ и меченосцевъ, продолжавшейся въ теченіи почти двухъ столѣтій. Потомъ съ XV столѣтія Гродна, какъ лучшій городъ Трокскаго воеводства, видитъ въ своихъ стѣнахъ многихъ вѣнценосцевъ, любившихъ здѣсь проводить время и жизнь, и становится резиденціей Стефана Баторія.

Съ XV же столѣтія въ немъ рѣшаются важныя государственныя дѣла и заключаются договоры и союзы; въ началѣ XVIII происходитъ трехмѣсячная борьба двухъ могучихъ государей сѣвера—Петра 1-го и Карла XII, а во второй половинѣ—Гродна достигаетъ высшей славы своего восьмивѣковаго историческаго существованія.

Наконецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 году, Гродна изъ уѣзднаго дѣлается губернскимъ городомъ вновь учрежденной литовско-гродненской губерніи.

Основаніе Гродна еще не раскрыто исторіей. Неизвѣстно, правда-ли, что этотъ городъ существовалъ въ половинѣ седьмаго вѣка (*), извѣстно только (**), что онъ былъ древнимъ достояніемъ русскихъ князей и около 1120 года, принадлежалъ Всеволоду Давидовичу, именуемому лѣтописцами *Городненскимъ*, правнуку Ярослава Великаго. Быть можетъ (догадка г. Кукольника), внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, женившій Всеволода на своей дочери Агаѳіи, овладѣвъ этимъ краемъ, отдалъ Гродну своему зятю въ видѣ приданаго; Всеволодъ умеръ въ 1142 году, оставивъ въ Гроднѣ сыновей Бориса и Глѣба, положившихъ основаніе древнѣйшему православному храму въ губерніи во имя Бориса и Глѣба (что на Коложѣ). Не подлежитъ однако сомнѣнію, что Гродна основана славянами, и вѣроятно ранѣе XI столѣтія. Что Гродна была поселеніемъ славянъ, доказываетъ первоначальное назнаніе ея *Городень, Городно*, т. е. городъ, означавшее у славянскихъ народовъ укрѣпленное мѣсто, обведенное валомъ со рвами и палисадникомъ, а что она существовала ранѣе XI вѣка, подтверждается многими историческими фактами (***).

*) Гроднен. губ. вѣдом. 1848, N 17.

**) Лѣтопис. *Лука Давидъ*.

***) По раздѣленіи владѣній Владиміра Святаго между его потомками, на западѣ Руси образовались удѣльныя княжества: Минское, Новогродское (Новогрудское), Туровское (Пинское), Брестское и Гродненское, жители которыхъ исповѣдывали православную вѣру, говорили русскимъ языкомъ и управлялись законами, одинаковыми съ жителями великаго княжества Кі-

Какъ столица удѣльнаго княжества, Гродна въ теченіе XII вѣка отстраивается и улучшается, и къ концу онаго становится городомъ многолюднымъ съ каменными церквами, ибо по Стрыйковскому въ 1185, а по другимъ въ 1184 году, *городъ загорѣлся отъ молніи и добычею пожара сдѣлалось множество каменныхъ церквей.* Однако усердіемъ своихъ князей городъ быстро отстроился.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія, въ Гроднѣ княжилъ Юрій Глѣбовичъ, когда въ 1241 году сподвижникъ Батыя, опустошившаго всю Русь, Венгрію и Польшу до р. Вислы, военачальникъ Кайданъ ворвался въ Гродненское княжество, разорилъ всю страну и осадилъ столицу Юрія.

При впаденіи въ Нѣманъ р. Городничанки, на лѣвомъ берегу ея, при самомъ устьѣ, стоитъ одиноко высокій холмъ, на вершинѣ котораго недавно построено прекрасное двухъ-этажное зданіе, занятое частію квартирующихъ войскъ. Здѣсь въ XIII столѣтіи былъ деревянный замокъ, окруженный землянымъ валомъ, вооруженный сильнымъ гарнизономъ; это была единственная опора князя Юрія противъ полудикихъ варваровъ, приступившихъ съ яростію къ рѣшительной осадѣ. Ни укрѣпленія, ни отчаянное сопротивленіе войска, воодушевляемаго мужествомъ своего храбраго князя, не могли спасти столицы отъ паденія. Геройское сопротивленіе вызвало ожесточеніе хищнаго непріятеля: князь погибъ, войско истреблено, замокъ сожженъ, городъ обращенъ въ груду развалинъ, а окрестности Гродны опустошены огнемъ и мечемъ; фанатически изступленныя, многочисленныя полчища, насытясь кравожадною местію надъ мирными, беззащитными жителями, отступили, оставивъ на берегахъ Нѣмана груду обгорѣвшихъ и окровавленныхъ развалинъ, въ которыхъ жители, избѣжавшіе гибели, оплакивали смерть отцовъ и братьевъ, женъ и дѣтей, потерю имущества, роднаго города, своего князя, своего самостоятельнаго существованія. Съ тѣхъ поръ Гродна, въ теченіи двухъ столѣтій, терпитъ постоянныя разоренія и опустошенія, а бѣдные жители безпрестанно теряютъ свое имущество, гибнутъ отъ оружія враговъ, или отводятся ими въ неволю.

Съ паденіемъ столицы, пало удѣльное Гродненское княжество. Среди опустошенной страны еще стояли укрѣпленія,

---

евскаго. Еще Изяславу I (1054 — 1078) принадлежали земли между Нѣманомъ и Наревомъ, отъ Гродна до Остроленки (*Нарбутъ*, т. III, стр. 228 и 235; лѣтописи *Даниловича*, стр. 113, 116 и 117; собраніе древнихъ документовъ и актовъ). Ярославу I принадлежали земли на западѣ Руси до р. Буга, потоковъ Вислы и горъ Карпатскихъ; онъ же старался обуздать хищныхъ и упорныхъ ятвяговъ. (*Устряловъ*, ч. I, стр. 122 и 123). Въ половинѣ XI столѣтія, в. к. кіевскій Ярославъ I (1019 — 1054), въ двукратномъ походѣ 1040 и 1044, доходилъ до Вилейки, Ошмянъ и Эйшишекъ. Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ I повторили походы Ярослава; въ первый разъ Мстиславъ вторгнулся въ Литву со стороны Ошмянъ 1131, а въ другой—со стороны Гродны (*Ярошевичъ* Obraz Litwy, ч. I; § 20).

когда въ томъ же году пришли съ сѣвера литовцы подъ предводительствомъ своихъ князей Эрдзивилла, Викинда и Товцилла Монтвилловичей, высланныхъ дядею своимъ, великимъ княземъ Мендогомъ (Миндовгомъ), для занятія опустошенныхъ и беззащитныхъ земель славянскихъ. Эрдзивиллъ безъ сопротивленія сдѣлался властелиномъ Гродны, возобновилъ укрѣпленія и близъ вала съ деревянною стѣною, по обыкновенію славянъ, соорудилъ столпъ или укрѣпленную башню. Все это было сдѣлано съ такою быстротою и съ такимъ успѣхомъ, что, когда монголы, въ надеждѣ новой добычи, двинулись съ юга подъ начальствомъ царевича Шейбака и разбили Мендога на берегахъ Нѣмана близъ Лунны, Эрдзивиллъ, имѣя въ тылу опору въ гродненскихъ укрѣпленіяхъ, смѣло двинулся на помощь своему дядѣ и содѣйствовалъ блистательному пораженію монгольскихъ полчищъ—гдѣ-то въ лидскомъ уѣздѣ. Шейбакъ погибъ, монголы удалились и Мендогъ, восторжествовавъ еще въ другихъ побѣдахъ надъ опасными врагами, сдѣлался повелителемъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Гродненскую губернію. Покровительства его стали искать всѣ русскіе князья между Смоленскомъ, Пинскомъ, Брестомъ и Гродной, а Гродна, Волковыскъ, Слонимъ и Новогрудокъ признали его своимъ государемъ. Только болѣе сильные князья галицкіе пытались отнять русскія области, завоеванныя литовцами, пока превосходство оружія и родственныя связи Гедимина и его потомковъ, не утвердили окончательно за Литвою всей западной и юго-западной Руси. Въ тоже самое время литовцамъ пришлось бороться и съ тевтонскимъ орденомъ, который, стремясь силою оружія обратить язычниковъ въ христіанскую вѣру, вступилъ въ XIII столѣтіи въ упорную борьбу съ князьями литовскими. Въ этой тройственной борьбѣ, склонившейся въ пользу могучихъ потомковъ Гедимина, Гродна, какъ пограничный пунктъ Руси, Польши, Литвы, а съ первой половины XIII столѣтія и тевтонскаго ордена, и, кромѣ того, по своему выгодному географическому положенію, пріобрѣла весьма важное стратегическое значеніе. Рыцарямъ со стороны Гродны открывался свободный доступъ въ Литву, которая въ свою очередь, стремясь къ завоеваніямъ, получившимъ въ XIII столѣтіи цѣль болѣе опредѣленную, старалась удержать Гродну во чтобы то ни стало. Для князей галицкихъ Гродна была дорога частію какъ достояніе ихъ предковъ, частію же потому, что, утвердившись на Нѣманѣ, они надѣялись положить предѣлъ завоевательнымъ планамъ литовскихъ князей надъ западною Русью.

Въ 1253 году Гродна еще была во власти литовцевъ.

Въ 1259 г. городъ взятъ королемъ галицкимъ Даниломъ Романовичемъ; но вѣроятно скоро поступилъ во владѣніе литовцевъ, потому что въ 1275 году русскіе снова осаждали Гродну.

Въ 1276 году князь галицкій Романъ Даниловичъ и князь волынскій взяли Гродну, но въ томъ же году лишились ее.

Въ 1277 г. князья галицкіе Мстиславъ, Владиміръ и Юрій,

въ союзѣ съ Менгли-Гирей-Тимуромъ (Менгитимуръ), выступили противъ великаго князя Тройдена двумя путями: монголы двинулись къ Новогрудку, а русскіе пошли на Гродну. Расположившись на ночлегѣ за Волковыскомъ, Мстиславъ и Юрій, безъ вѣдома Владиміра Васильковича, выслали для занятія Гродны часть отборнаго войска подъ начальствомъ нѣкоего Туйны, который сталъ въ виду крѣпости безъ всякихъ предосторожностей. Гродненскіе пруссы—наздравцы и бортяне, принятые подъ защиту Тройдена (*), пользуясь такою оплошностью непріятеля, сдѣлали вылазку, разбили и многихъ забрали въ плѣнъ. Огорченный ошибочнымъ распоряженіемъ своихъ подчиненныхъ, Владиміръ поспѣшилъ къ Гроднѣ и на другой день произвелъ рѣшительный приступъ; но, успѣвъ овладѣть только высокою каменною башнею, стоявшею у воротъ и занятою пруссами, долженъ былъ заключить перемиріе, по которому освобождены были всѣ русскіе плѣнные (**).

Вслѣдствіе родства князей литовскихъ съ князьями галицкими и побѣдъ литовцевъ, въ началѣ XIV столѣтія на западѣ Руси, раздробленной еще на удѣлы, образовалось могущественное Литовско-Русское государство.

Между тѣмъ тевтонскій орденъ, покоривъ Судавію, составлявшую юго-западную часть Пруссіи, вошелъ въ соприкосновеніе съ владѣніями великихъ князей литовскихъ и, съ конца XIII столѣтія, устремилъ свои дѣйствія на занятіе гродненской крѣпости. Небольшой отрядъ судавцевъ, покоренныхъ рыцарями, подъ преводительствомъ Скурдо, избѣжавшій истребленія, искалъ покровительства у великаго князя Тройната, который въ 1276 году поселилъ ихъ въ гродненскомъ предмѣстіи. Это было поводомъ къ первому нашествію рыцарей на Гродну.

Въ 1284 (по Балинскому въ 1283) окружной (провинціальный) магистръ тевтонскаго ордена Конрадъ Тирбергъ (Konrad Tierberg), негодуя на литовцевъ за оказанное покровительство судавцамъ, съ сильнымъ войскомъ переправился черезъ Нѣманъ и осадилъ Гродну, гарнизонъ которой отразилъ всѣ приступы непріятеля. Но проводникъ рыцарей Скомундъ, родомъ изъ Судавіи, принявшій христіанскую вѣру, зная отлично свойства мѣстности, помогъ имъ взять укрѣпленія. Городъ былъ сожженъ и разрушенъ до основанія, множество жителей отведено плѣнниками въ Пруссію, окрестности опустошены и походъ христіанъ-рыцарей нанесъ такія же глубокія раны Гроднѣ, какія испыталъ этотъ городъ прежде, за сорокъ три года передъ тѣмъ, отъ варваровъ— монголовъ.

Великій князь литовскій Витенесъ быстро отстроилъ и во-

(*) Пруссаки или пруссове изъ наздравіи (наздравцы) и бортніи (бортяне), избѣгавшіе гоненія тевтонскихъ рыцарей, нашли убѣжище у в. к. литовскаго Тройдена, который дозволилъ имъ поселиться въ Гроднѣ и Слонимѣ. Narbut.

**) У Балинскаго это событіе отнесено къ 1278 году.

зобновилъ укрѣпленія, сдѣлавъ ихъ достаточно сильными, чтобы успѣшнѣе противиться усиліямъ рыцарей, дѣйствія которыхъ, по мѣрѣ возрастанія могущества Литвы, принимали характеръ болѣе рѣшительный и упорный. Въ 1296 году командоръ Зигфридъ (Siegfriede) Рейбергъ напалъ на Гродну съ сильнымъ войскомъ, сжегъ предмѣстья, ограбилъ окрестности, но не могъ взять укрѣпленій. Еще безуспѣшнѣе дѣйствовалъ подъ Гродной, въ томъ же году, Генрихъ Зугшвертъ, который, будучи отраженъ съ значительнымъ урономъ, отступилъ съ поспѣшностью въ Пруссію. Въ 1306 году рыцарь Албертъ Гагель, пользуясь отсутствіемъ храбраго Витенеса (*), занятаго войною съ Польшею, напалъ на Гродну, сжегъ предмѣстья, но отъ крѣпости былъ отбитъ съ урономъ; негодуя на такую неудачу, кенигсбергскій командоръ Эбергардъ Вирнембергъ двинулъ противъ Гродны значительный отрядъ, состоявшій изъ 100 рыцарей и 6,000 конницы. Аттака замка шла неуспѣшно; осажденные, усиленные подкрѣпленіями, сдѣлали рѣшительную вылазку и вступили въ упорный бой, который продолжался цѣлый день, и окончился полною удачею для гарнизона, ибо непріятель въ туже ночь отступилъ за Нѣманъ (**). Въ 1311 г. окрестности Гродны опустошилъ Отто фонъ-Берганъ, а въ концѣ этого же года, великій командоръ Генрихъ фонъ-Плецке собралъ грозное ополченіе съ рѣшительною цѣлью овладѣть Гродной, къ чему подавалъ надежду какой-то литовскій дворянинъ, въ благодарность за освобожденіе изъ плѣна. Предувѣдомленный объ этомъ Витенесъ сдѣлалъ распоряженіе къ упорной оборонѣ крѣпости и подъ ея стѣнами расположился съ многочисленнымъ войскомъ. Неожиданное противодѣйствіе дѣятельнаго государя заставило Плецке отступить, съ неудавшеюся надеждою.

Упорство тевтонскаго ордена къ овладѣнію Гродной заставило великаго князя обратить особенное вниманіе на этотъ стратегическій пунктъ еще и потому, что въ немъ хранились значительные склады военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Испытанному искуству рыцарей, у которыхъ военное дѣло стояло на высокой степени совершенства, надлежало противупоставить болѣе прочныя преграды, а потому Витенесъ и наслѣдникъ его Гедиминъ распространяютъ гродненскія укрѣпленія, усиливаютъ гарнизонъ, и первый, въ концѣ своего правленія, назначаетъ военнымъ начальникомъ Гродны сына псковскаго витязя Довмонта, храбраго и благороднаго *Давида*. Послѣ того всѣ усилія опаснѣйшихъ враговъ Литвы къ овладѣнію Гродной, были парализированы благоразумными и рѣшительными дѣйствіями до самой смерти этого славнаго полководца и админи-

---

*) Витенесъ былъ грозою сосѣдей: въ 24 года своего правленія онъ предпринялъ 11 походовъ въ Пруссію, 5—въ Ливонію и 9 разъ ходилъ въ Польшу. Ярошевичъ т. I, § 24.

**) У другихъ это событіе отнесено къ 1312 году.

стратора, доказавшаго, что при хорошихъ мѣрахъ, литовцо-руссы могли защищаться за укрѣпленіями противъ враговъ, которымъ война была такъ хорошо знакома и которые, благодаря грабежамъ и опустошеніямъ языческихъ земель, основали на берегахъ Балтійскаго моря сильное государство.

По смерти Давида, послѣдовавшей въ 1326 году, удары рыцарей не прекращались и Гродна, въ теченіе еще многихъ лѣтъ, была предметомъ дѣйствій тевтонскаго ордена, на этотъ разъ болѣе успѣшныхъ.

Въ 1328 году, при гросмейстерствѣ Вернерѣ Орселена, отрядъ изъ 60 рыцарей и 3,000 ратниковъ, послѣ трехъ-недѣльной упорной осады, овладѣлъ крѣпостью, собралъ съ города сильную контрибуцію и опустошилъ окрестности на пространствѣ 6 миль въ окружности Гродны. Но въ 1361 г. рыцари безполезно покушались переправиться близъ Гродны черезъ Нѣманъ.

Мы уже видѣли, что въ послѣдніе годы правленія Витенеса и при Гедиминѣ гродненскою областію управлялъ родственникъ послѣдняго, знаменитый Давидъ, извѣстный подъ именемъ гродненскаго комендента (каштеляна) и гродненскаго старосты. При Ольгердѣ эта область входила въ составъ Трокскаго княжества, составлявшаго удѣлъ Кейстута, сынъ котораго Витольдъ, получивъ въ замѣнъ княжества Трокскаго и Жмудскаго—Берестье и Подлясье, избралъ Гродну своею столицею и сталъ именоваться *гродненскимъ княземъ*; эту же область утвердилъ за нимъ и дядя его Ягелло въ 1385 году. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Витольдъ, какъ истый литвинъ, съ недовѣрчивостью и подозрѣніемъ смотрѣлъ на вмѣшательство польскаго короля въ дѣла западной Руси, и хотя уважалъ Ягеллу, какъ своего дядю, дѣйствовалъ съ нимъ за одно въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру и водилъ полки свои вмѣстѣ съ поляками противъ тевтонскаго ордена, но всѣми мѣрами старался дѣла Литвы не смѣшивать съ дѣлами Польши. Такое стремленіе Витольда, видѣвшаго въ Ягеллѣ опаснаго врага своего отечества, и незабытая месть за убійство своего отца, мужественнаго Кейстута, съ одной стороны, а съ другой— ненасытное честолюбіе польскаго короля, произвели междоусобную войну, въ которой Гроднѣ суждено было испытать удары попеременно— сперва отъ Ягеллы, потомъ отъ Витольда. Витольдъ, не надѣясь на свои силы, искалъ помощи у тевтонскаго ордена; отправляясь для этого въ Пруссію, онъ оставилъ въ Гроднѣ сильный литовско-русско-нѣмецкій гарнизонъ, подъ начальствомъ рыцаря Маркварда Зальцбаха (Markwarda Salcbacha). Ягелло подступилъ къ городу съ сильнымъ войскомъ, въ мартѣ 1390 года, и тотчасъ осадилъ крѣпость. Витольдъ, пришедши съ рыцарями на помощь, не могъ подать пособія осажденнымъ, потому что весенній разливъ Нѣмана воспрепятствовалъ переправѣ; между тѣмъ въ крѣпости нѣмцы не поладили съ литовцо-руссами и Гродна сдалась польскому королю Ягеллѣ. Неутомимый Витольдъ въ слѣдующемъ 1391 году,

въ союзѣ съ знаменитымъ гроссмейстеромъ Конрадомъ Валленродомъ, снова осадилъ гродненскую крѣпость и взялъ ее, не смотря на упорную оборону, причемъ значительная часть поляковъ отведена въ плѣнъ въ резиденцію гроссмейстера Мальборгъ (Маріенбургъ), а многіе даже казнены. Въ благодарность за оказанную помощь, Витольдъ позволилъ рыцарямъ поселиться на лѣвой сторонѣ Нѣмана, выстроить тамъ новый замокъ и занять оный нѣмецкимъ гарнизономъ; вновь выстроенный замокъ рыцари назвали Новою Гродной (Neu Garthena) (*). Но въ томъ же году, помирившись съ польскимъ королемъ, Витольдъ былъ вынужденъ, по политическимъ видамъ и по недовѣрчивости къ властолюбивымъ замысламъ ордена, удалить нѣмецкій гарнизонъ, разрушить замокъ Новую Гродну, а въ старомъ — поставить гарнизонъ литовско-русскій. Оскорбленный измѣнчивостью политики великаго князя, гроссмейстеръ направилъ къ Гроднѣ сильное войско подъ предводительствомъ маршала Вернера фонъ-Тетингенъ и командора Вильгельма фонъ-Гельфенштейнъ, которымъ сопутствовали многіе французскіе и нѣмецкіе рыцари. На третій день осады Гродна пала, причемъ погибло до тысячи человѣкъ гарнизона, а 3,000 отведено въ плѣнъ, верхній и нижній замокъ разрушены, городъ сожженъ и окрестности опустошены. По примиреніи съ орденомъ, Витольдъ отстроилъ городъ, возобновилъ укрѣпленія, и, прибывъ въ Гродну въ 1398 году со всѣмъ своимъ дворомъ, многими литовскими вельможами и съ повѣренными гроссмейстера: Вильгельмомъ фонъ-Гельфенштейнъ, Конрадомъ графомъ Квебургъ, Маркквардомъ фонъ-Зальцбахъ и Іоанномъ фонъ-Шенфельдъ, заключилъ 23 апрѣля союзъ, по которому ордену уступлена Самогитія, а границею великаго княжества признана черта, проходящая отъ Саливандера до Нарвы.

Съ концомъ XIV столѣтія прекращается двухвѣковая брань, въ которой Гродна испытывала тяжкіе удары честолюбія, мести и алчности чужеземцевъ; въ началѣ XV вѣка надъ нимъ взошла заря мира, тишины и спокойствія; жителямъ улыбнулась жизнь болѣе привольная, а самый городъ отстраивался и улучшался, такъ что въ концѣ XVIII столѣтія готовъ былъ оспаривать первенство у Вильны. Мрачныя тучи нависли было надъ нимъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій; но бѣдствія, постигшія городъ, на этотъ разъ были непродолжительны и удобоизцѣлимы.

Еще въ 1413 году Гродненское и Трокское княжества образовали Трокское воеводство, которое простиралось по западной границѣ великаго княжества и граничило на югѣ по р. Нарвѣ съ княжествомъ Володимірскимъ, составлявшимъ часть бывшаго королевства Галицкаго, а на западѣ по рр. Нѣманѣ

(*) Вообще въ тевтонскомъ орденѣ Гродна была извѣстна подъ названіемъ Garthena, Garthen, а прилегающая къ нему страна называлась Land Garthen.

и Бобру съ Мазовіей, какъ свидѣтельствуетъ положеніе коммисіи, назначенной въ 1358 году въ Гроднѣ, для опредѣленія границъ Литвы со стороны Мазовіи. Гродненскій уѣздъ (*), составлявшій южную часть Трокскаго воеводства, граничилъ въ 1501 году— на сѣверѣ съ Ковенскимъ уѣздомъ, на западѣ съ Пруссіей, на югѣ по р. Супрасли съ воеводствомъ Подлясскимъ (Подляшскимъ), на востокѣ съ воеводствомъ Новогрудскимъ, на сѣверо-востокѣ съ Лидскимъ уѣздомъ, до р. Ротничанки. Стало быть, Гродненскій уѣздъ въ то время заключалъ нынѣшніе уѣзды Гродненскій и Сокольскій и часть уѣзда Бѣлостокскаго; западная часть его по лѣвому берегу Нѣмана, до границъ Пруссіи, называлась Запущанскимъ трактомъ.

Витольдъ, его наслѣдники на велико-княжескомъ престолѣ и многіе польскіе короли часто пребывали въ Гроднѣ и рѣшали въ немъ важныя государственныя дѣла обоихъ государствъ.

Въ 1414 году Ягелло съ Витольдомъ провелъ въ Гроднѣ Рождество Христово и устранилъ вновь возникшія недоразумѣнія съ великимъ княземъ. Отсюда въ 1416 году Ягелло писалъ къ германскому императору Сигизмунду, жалуясь на орденъ за то, что онъ возмущаетъ его подданныхъ въ Литвѣ, входитъ въ сношеніе съ мятежными вассалами и мѣшаетъ устроить черезъ Нѣманъ переправу, и послалъ въ подарокъ убитаго на охотѣ зубра. Отсюда въ 1418 году, король, въ сопровожденіи королевы Елисаветы, гросмейстера Кухмейстера и многихъ сенаторовъ, отправился по Нѣману на достопамятный съѣздъ въ Веллону; здѣсь въ томъ же году Витольдъ вступилъ въ третій бракъ съ Іуліаніей, въ присутствіи короля, королевы, литовскихъ и польскихъ вельможъ и иностранныхъ гостей. Здѣсь въ 1425-мъ году Ягелло велъ переговоры съ гроссмейстеромъ Кухмейстеромъ, касательно опредѣленія точныхъ границъ между Польшею и Пруссіею; переговоры кончились едва осенью 1426 года на охотѣ.

О частомъ пребываніи въ Гроднѣ наслѣдника Витольда, Свидригайла, доказываютъ договоры и оффиціальная переписка, веденная имъ отсюда съ особою дѣятельностью, въ 1432 году, съ Польшею и орденомъ, результатомъ которой былъ съѣздъ въ *Торнѣ*. Въ заботливости о развитіи торговли, Свидригайло вступилъ въ сношеніе съ иностранцами, особенно съ силезцами, которые доставляли хорошее сукно, и письмами изъ Гродны приглашалъ ихъ въ Литву.

Въ 1432 г. Сигизмундъ Кейстутовичъ (17 октября), вопреки совѣту лучшихъ бояръ, подписалъ актъ подданства и присяги на вѣрность польскому королю.

По смерти Владислава III, погибшаго подъ Варною, поляки въ 1445 году, въ торжественномъ посольствѣ, отправленномъ въ Гродну, предложили Казиміру польскую корону, ко-

(*) Воеводство составляли: Трокскій, Ковенскій, Упитскій и Гродненскій уѣзды.

торую онъ, послѣ убѣдительнѣйшей просьбы пословъ, ходатайства матери своей, четвертой супруги Ягелла, Софіи княжны Ольшанской (*), и многократныхъ совѣщаній съ своими боярами, едва согласился принять. Продолжительное правленіе Казиміра немало способствовало къ улучшенію состоянія Гродны, въ которой онъ провелъ большую половину своего царствованія. Казиміръ, еще будучи великимъ княземъ, признавалъ Гродну вмѣстѣ съ *Дрогичиномъ и Брестомъ* въ числѣ лучшихъ городовъ (celniejsze miasta) великаго княжества, а въ 1444 году даровалъ Гроднѣ магдебургское право. Привиллегія эта обращена въ законъ на бѣльскомъ сеймѣ въ 1564 году, а признанное за Гродной значеніе подтверждено во 2-мъ изданіи Литовскаго Статута. Король этотъ скончался въ Гроднѣ, въ 1492 году 7 іюля, отъ водяной болѣзни.

Король Александръ дозволилъ жителямъ имѣть: ратушу и собственное городское управленіе, свою мѣру, вѣсы, воскобойню и баню, построить мельницу при устьѣ Городничанки; освободилъ отъ пошлинъ продажу вина; подарилъ городу плацы или земли, по лѣвую сторону Нѣмана, съ дозволеніемъ построить тамъ форштадтъ и селиться въ немъ вновь прибывающимъ; учредилъ въ Гроднѣ три однонедѣльныя ярмарки; утвердилъ привиллегію, дарованную городу въ 1444 году отцемъ его Казиміромъ IV, на основаніи которой мѣщане имѣли право покупать земли, сѣнокосы, даже населенныя деревни и пользоваться лѣсомъ и сѣнокосами въ Прутчанской казенной пущѣ.

Въ 1506 году, знаменитый князь Глинскій, осужденный впослѣдствіи поляками на изгнаніе изъ отечества, умертвилъ въ Гроднѣ великаго литовскаго маршала Забржезинскаго въ собственномъ его домѣ. Въ 1522 году постановлено на гродненскомъ сеймѣ не допускать иновѣрцевъ ни къ какимъ государственнымъ должностямъ. Однако Сигизмундъ I, снисходя къ усиленнымъ просьбамъ сенаторовъ и другихъ русскихъ и литовскихъ вельможъ, постановилъ вышеозначенный законъ относить только къ гражданскимъ должностямъ; избраніе же митрополита Руси предоставилъ ихъ собственному усмотрѣнію.

Сигизмундъ I и сынъ его Сигизмундъ II Августъ, еще будучи великимъ княземъ въ 1543 году, пробылъ въ Гроднѣ довольно долгое время и охотился въ пущахъ, въ присутствіи всего литовскаго двора. При немъ въ іюнѣ 1568 года былъ первый генеральный сеймъ чиновъ короны (Польши), Литвы и Руси, достопамятный тѣмъ, что его конституціей во 1-хъ утверждены всѣ права и привиллегіи города Вильны и даровано ему особое преимущество, заключавшееся въ томъ, что виленскіе мѣщане, за усердную службу въ городскихъ должностяхъ, получали право дворянства; во 2-хъ утверждено право дворянства всѣхъ литовскихъ татаръ и въ 3-хъ дарованы дворянству многія права и преимущества, единственно съ тою

(*) Слѣдуя Нарбуту; по другимъ Софія была княжна кіевская.

цією, чтобы подготовить и расположить литовцевъ къ окончательному соединенію съ Польшею, послѣдовавшему въ 1569-мъ году, на генеральномъ сеймѣ въ Люблинѣ.

Особенно же благоволила къ Гроднѣ королева Бона, супруга Сигизмунда I, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ которой находилась гродненская экономія. Она строго слѣдила за порядкомъ и правосудіемъ въ городѣ, правильностью расходованія городскихъ суммъ, за безопасностью отъ пожара, исправностью мостовъ и чистотою въ городѣ. Изъ льготы (przywilei) той же королевы, 25 іюля 1541 года, видно, что въ Гроднѣ, какъ и въ Вильнѣ, кромѣ одного городскаго президента или войта (vocht), всѣхъ чиновъ городскаго управленія, какъ то: бурмистровъ, гласныхъ, сборщиковъ, было по два— одинъ литовскій, другой русскій, чѣмъ доказывается двоякое происхожденіе жителей.

Но блистательнѣйшею эпохою для Гродны было царствованіе Стефана Баторія: здѣсь онъ рѣшалъ государственныя дѣла, принималъ разныхъ пословъ, обдумывалъ планы военныхъ дѣйствій, здѣсь отдыхалъ по окончаніи походовъ, здѣсь часто жилъ, здѣсь и окончилъ свою жизнь этотъ знаменитый король и полководецъ, 12 декабря 1586 года. Стефанъ Баторій первый разъ прибылъ въ Гродну въ 1579 году, потомъ въ 1581 году принималъ здѣсь пословъ Іоанна Васильевича Грознаго, въ 1582— созвалъ сюда совѣтъ сенаторовъ для разсмотрѣнія притязаній Швеціи, въ 1584—рѣшилъ важныя дѣла, касающіяся г. Данцига и принималъ Герберта, посланника королевы англійской; здѣсь тоже, въ 1586-мъ году, королемъ Стефаномъ рѣшено было дѣло рижскихъ жителей, которые не хотѣли принять новаго лѣтосчисленія.

Достопамятнѣйшія благодѣянія короля Баторія для Гродны были: грамотою 5 ноября 1576 года, данною въ Торнѣ, онъ утвердилъ всѣ льготы, дарованныя Гроднѣ его предмѣстниками; постановилъ, чтобы мелкая соль, доставляемая изъ Гданска и Королевца, не шла по Нѣману выше Гродны, для чего учредилъ здѣсь соляной магазинъ и предоставилъ городу право исключительной продажи соли; освободилъ горожанъ отъ платежа поземельнаго, а также отъ уплаты пошлинъ за винокурни и пивоварни, наконецъ король Стефанъ Баторій построилъ на крутомъ возвышенномъ берегу, при впаденіи р. Городничанки въ Нѣманъ, вмѣсто деревяннаго— каменный замокъ, укрѣпилъ его и сдѣлалъ почти неприступнымъ, окруживъ глубокимъ рвомъ (*).

Немаловажныя льготы даровалъ Гроднѣ и Сигизмундъ III Ваза, 2 февраля 1589 года, подтвердивъ его прежнія права и преимущества, увеличивъ всѣ статьи городскаго дохода и осво-

(*) Нынѣ такъ называемый Старой Замокъ, отъ котораго уцѣлѣла только часть стѣны. Впослѣдствіи черезъ прокопъ устроенъ каменный мостъ, соединяющій Старый Замокъ съ Новымъ.

бодивъ отъ военнаго постоя. Постановленіемъ сейма въ Краковѣ, 28-го декабря 1588 года, гродненская экономія (*), съ г. Гродной, назначена столовыми королевскими имѣніями, т. е. доходы съ оной шли на содержаніе королевскаго двора. По повелѣнію короля Сигизмунда III, построенъ въ Гроднѣ на Нѣманѣ деревянный мостъ, которому, по мнѣнію Старовольскаго, не было подобнаго въ Литвѣ и Польшѣ.

Владиславъ VI часто жилъ въ Гроднѣ; въ 1633 году, онъ принималъ венеціянское посольство, а въ 1639 году великолѣпно угощалъ Георгія-Вильгельма, курфирста бранденбургскаго.

Тогда Гродна была красивымъ и многолюднымъ городомъ. Несчастныя событія, разразившіяся надъ Польшею и Литвою при королѣ Іоаннѣ-Казимірѣ, коснулись и Гродны. Здѣсь въ 1653 году, передъ брестскимъ сеймомъ, литовскіе сенаторы совѣщались о мѣрахъ, какія слѣдовало принять противъ враговъ своего отечества. Черезъ два года (1655), царь Алексѣй Михайловичъ, овладѣвъ почти всею Литвою, занялъ Гродну, опустошенную пожаромъ, отъ котораго сгорѣла большая часть города. Вскорѣ пришли въ Литву побѣдоносные шведы, и занимали Гродну четыре года. По окончаніи внѣшнихъ войнъ, изнурившихъ Польшу и разстроившихъ благосостояніе Литвы, городъ возобновлялся медленно. При королѣ Михаилѣ, конституціею 1675 года, Гродна назначена мѣстомъ обыкновенныхъ законодательныхъ генеральныхъ сеймовъ, кромѣ экстраординарныхъ или по необыкновеннымъ-какимъ либо случаямъ созванныхъ, равно кромѣ сеймовъ для избранія короля, которые обыкновенно были въ Краковѣ, а со времени Сигизмунда III въ Варшавѣ.

Въ 1678 г., въ Гроднѣ, подъ предсѣдательствомъ Францiска Сапѣги, былъ первый генеральный сеймъ, на которомъ, между прочимъ, совмѣстно съ россійскими послами, клятвенно утвержденъ андруссовскій договоръ и продолжено перемиріе съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, а также заключенъ съ Россіею союзъ противъ Турціи; однако же послы и сеймовые депутаты разъѣхались, по окончанія сейма, жалуясь, на невыгоды и неудобства помѣщеній города, въ то время еще дурно обстроеннаго. Другой генеральный сеймъ былъ въ 1688 г., въ присутствіи короля Іоанна III, его супруги Маріи-Казиміры, всего королевскаго двора и дипломатическаго корпуса (**), продолжавшійся съ конца января до половины марта, въ безпрестанныхъ спорахъ депутатовъ, которыхъ поддерживали Сапѣги противъ короля и его семейства. Споры и несогласія продолжались пять недѣль; сеймъ былъ перерванъ по интригамъ Домбровскаго и депутаты

(*) Гродненская экономія состояла изъ слѣдующихъ имѣній и фольварковъ: Городница, Новый Дворъ, Лавно, Кринки, Одельскъ, Красникъ, Кузница, Котра, Скидель, Берцелишки, Езіоры, Салаты, Милковщизна, Мосты.

(**) На этомъ сеймѣ присутствовали: папскій нунцій архіепископъ кесарійскій, германскій посланникъ баронъ Зоравскій, французскій—маркграфъ Бетюнъ, брандебургскій—графъ Дона, и посланникъ россійскій.

разъѣхались, не сдѣлавъ никакого постановленія. Напрасно король созвалъ совѣтъ сенаторовъ: страсти бушевали и король долженъ былъ выслушать оскорбительныя объясненія отъ своихъ недоброжелателей. Третій сеймъ въ 1693 г., подъ предсѣдательствомъ Михаила Киршенштейна, также остался безъ всякихъ послѣдствій.

Въ Гроднѣ, въ 1705 году, было свиданіе Августа II съ Петромъ I, который прибылъ сюда съ значительною вспомагательною арміею, согласно заключенному въ 1704 году наступательному и оборонительному союзу противъ Карла XII; договоръ этотъ теперь былъ утвержденъ здѣсь въ такъ называемомъ *великомъ совѣтѣ* (Wielka rada), причемъ приняты строгія мѣры противъ партіи Сапежинской, враждебной королю и дѣйствовавшей за одно съ шведами; постановленія короля Станислава Лещинскаго отвергнуты; опредѣлено количество податей и число войскъ, какое слѣдовало выставить; по недостатку звонкой монеты, разрѣшено чеканить новую и установленъ орденъ Бѣлаго Орла съ девизомъ: Pro fide, lege et rege. Отсюда Петръ I, по окончаніи дѣйствій упомянутаго совѣта, отправился въ Россію, оставивъ вспомогательное войско въ полное распоряженіе союзника.

Между тѣмъ шведскій король Карлъ XII, рѣшась вытѣснить Августа II изъ всѣхъ его владѣній, двинулся въ Литву, въ концѣ декабря 1705 года, изъ Варшавы на Ґранно, Тыкоцинъ и прибылъ къ Гроднѣ 15 января 1706 года. Движеніе это, среди жестокой стужи, было такъ быстро и неожиданно, что союзники едва успѣли сосредоточить въ городѣ 45 баталіоновъ пѣхоты и 6 драгунскихъ полковъ. Армія Карла, не считая войскъ Потоцкаго и Сапеги, состояла изъ 8 пѣхотныхъ, 4 драгунскихъ и 5 кавалерійскихъ полковъ. Карлъ перешелъ черезъ Нѣманъ въ трехъ верстахъ выше Гродны и сталъ на сообщеніяхъ союзной арміи, которая отступила къ Гроднѣ подъ прикрытіе сильныхъ окоповъ, построенныхъ на правомъ берегу Нѣмана, вокругъ всего города, и обоими флангами примыкавшихъ къ рѣкѣ *). Сильная оборона этихъ окоповъ заставила Карла, послѣ рекогносцировки, произведенной 15-го января изъ дер. Девятовцевъ, перевести свою армію на кантониръ-квартиры за 10 верстъ отъ города. Въ такомъ положеніи обѣ арміи оставались всю зиму и терпѣли сильный недостатокъ въ продовольствіи; жители края разбѣжались, закопавъ въ землю всѣ припасы. Шведская армія должна была расширять мало по малу свое квартирное расположеніе, болѣе и болѣе отдаляясь отъ города; наконецъ она была расположена уже въ 40 верстахъ отъ Гродны. Это дало возможность части союзной арміи скрытно уйти изъ своего заключенія. Узнавъ объ отступленіи короля Августа, который увелъ съ собою, не только всю саксонскую кавалерію, но и 4 русскихъ драгун-

*) Остатки этихъ окоповъ можно видѣть за Скидельской заставой, по правой сторонѣ дороги, близь православнаго кладбища.

скихъ полка, Петръ 1-й, находясь въ Дубровнѣ, приказалъ фельдмаршалу Огильви, оставленному въ Гроднѣ съ остатками союзной арміи, не вступая въ бой, найти удобный случай скрытно вывести войска изъ Гродны. Такой случай скоро представился. Когда по вскрытіи Нѣмана, ледъ разломалъ непрочный мостъ, построенный шведами въ мѣстечкѣ Орли, выше Гродны, тогда союзная армія спокойно перешла по мосту, болѣе прочному въ Гроднѣ. Переправа продолжалась три дня. 30 марта Огильви былъ уже на лѣвомъ берегу Нѣмана, оставивъ въ Гроднѣ въ видѣ арріергарда драгунскій полкъ Горбова. Шведскій король, переправясь черезъ Нѣменъ, по вновь построенному мосту, едва 3 апрѣля, не могъ уже нагнать русской арміи, которая безостановочно двигалась черезъ Брестъ за Припеть.

Въ 1708 году, узнавъ о движеніи шведовъ къ Гроднѣ, Петръ I самъ отправился къ этому городу 21 января изъ Дзенціола. Но обманутый ложнымъ извѣстіемъ, что съ Карломъ вся шведская армія, царь двинулся въ Вильну, оставивъ для обороны Гродны и переправы черезъ Нѣманъ бригадира Мюллендорфа съ 3,000 кавалеріи. Устрашенный извѣстіемъ о многочисленности непріятеля, Мюллендорфъ оставилъ городъ въ рукахъ непріятеля, не уничтоживъ даже моста. Но, по приказанію Петра I, Мюллендорфъ атаковалъ внезапно городъ, въ ночь съ 27 на 28 января, и, пользуясь замѣшательствомъ, ворвался безпрепятственно, однако подъ конецъ былъ отбитъ и, приговоренный къ смерти, бѣжалъ къ шведамъ. Въ теченіе наступившаго дня въ Гродну пришла шведская армія.

Такимъ образомъ въ сѣверную войну Гродна привлекла вниманіе двухъ могучихъ государей сѣвера; подъ его стѣнами разыгривалась драма упорная и жестокая, хотя не столько знаменитая, какъ разыгранная въ 1709 году на поляхъ полтавскихъ.

По смерти Карла XII, Станиславъ Лещинскій, потерявъ всю надежду на польскую корону, уѣхалъ за границу, а король Августъ II, утвердившись на престолѣ, въ 1718 году созвалъ генеральный сеймъ въ Гроднѣ, достопамятный тѣмъ, что на немъ уничтожены права иновѣрцевъ (dyssydentów) и нарушена неприкосновенность сеймоваго депутата, изгнаніемъ изъ сейма Петровскаго, депутата великопольскаго (диссидента). Другой замѣчательный сеймъ въ Гроднѣ былъ въ 1726 году, когда, въ присутствіи многихъ иностранныхъ посланниковъ *), разсуждали о назначеніи герцога курляндскаго, въ случаѣ смерти послѣдняго изъ Кетлеровъ, бездѣтнаго Фердинанда. Курляндскіе штаты избрали наслѣдникомъ герцога Морица Саксонскаго **), незаконнорожденнаго сына Августа II; но эти выборы оставлены безъ вниманія, и Курляндія была присоединена къ Польшѣ. На этомъ же сеймѣ постановлено, чтобы особые ком-

*) Французскаго, англійскаго, россійскаго, прусскаго и голландскаго.
**) Впослѣдствіи французскій маршалъ де-Саксъ Maréchal de Saxe.

миссары занялись окончательнымъ раздѣленіемъ литовской Руси на воеводства, съ сохраненіемъ правъ и привиллегій, и обезпечено спокойствіе диссидентовъ.

Уже прежде было замѣчено, что сеймовые депутаты жаловались на тѣсноту помѣщенія въ Старомъ Замкѣ. Жалобы эти повторялись неоднократно, а потому Августъ II приказалъ построить вблизи Стараго, Новый Замокъ, что нынѣ военный госпиталь. Въ Новомъ Замкѣ особенно замѣчательны были обширностію и великолѣпіемъ залы: сенаторская, депутатская, общаго собранія, капелла или дворцовая церковь, а вокругъ этого замка построено много приличныхъ каменныхъ зданій для канцелярій, службъ, сараевъ и конюшень. Сеймъ въ 1768 году назначилъ на нѣкоторыя исправленія замка и на мебель 300,000 злот. польск., и сверхъ того ежегодно на ремонтъ по 10,000 злот. По опредѣленію сейма варшавскаго въ 1775 году, перенесены въ Гродну каденціи главнаго суда или трибунала изъ Минска и Новогрудка. Еще были здѣсь сеймы въ 1778 и 1781 годахъ, на которыхъ сдѣлано много полезныхъ для этого края постановленій. Наконецъ на послѣднемъ гродненскомъ сеймѣ, продолжавшемся съ 17 іюня по 21 декабря 1793 года, утвержденъ второй раздѣлъ Польши и распущена тарговицкая конфедерація. Здѣсь 25 декабря 1795 года, король польскій Станиславъ-Августъ въ гродненскомъ Новомъ Замкѣ подписалъ отреченіе отъ престола и короны польской, а 15 февраля 1797 года выѣхалъ изъ Гродны въ Петербургъ.

Вообще сеймы XVIII столѣтія часто совѣщались относительно обезпеченія городской собственности и сильно заботились о поднятіи упавшаго благосостоянія горожанъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Однако, во второй половинѣ послѣдняго вѣка, Гродна была уже однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Литвѣ и Польшѣ. Такому высокому значенію, выше котораго никогда не достигалъ этотъ городъ, онъ обязанъ знаменитому своему старостѣ Тизенгаузу, подскарбію великаго княжества Литовскаго. Одаренный силою творческаго генія, обширнымъ и высокимъ отъ природы умомъ и благороднѣйшимъ сердцемъ, Тизенгаузъ въ короткое время, въ продолженіе десяти лѣтъ, грязный городъ, въ которомъ смиренно высились вершины христіанскихъ храмовъ и, какъ осиротѣлый, стоялъ королевскій замокъ, изрѣдка посѣщаемый бурными и несогласными сеймами, успѣлъ отстроить и украсить новыми зданіями, вывелъ жителей изъ обычной этому городу будничной апатіи и поставилъ Гродну средоточіемъ промышленности и просвѣщенія всей Литовской Руси. Сперва онъ учредилъ въ Гроднѣ, подъ управленіемъ Якова Бекю, *купеческую контору*, пріобрѣтшую значительный кредитъ за границею, причемъ имѣлось въ виду облегчить обмѣнъ сырыхъ матеріаловъ—хлѣба, пеньки, дерева, поташу, на такіе заграничные матеріалы, безъ которыхъ не могли обойтись гродненскія фабрики. Потомъ открылъ *ветеринарное учи-*

лище, которое подъ руководствомъ доктора и профессора изъ Монпелье, Жильберта, преобразовано было въ *медицинскій институтъ*. При этомъ институтѣ устроены были: отличный *ботаническій садъ*, *библіотека*, *музеумъ естественной исторіи* и *особое отдѣленіе повивальнаго искуства*. Затѣмъ образовалъ *школу землемѣровъ* и *образцовое хозяйственно-административное отдѣленіе*, для приготовленія способныхъ къ сельскому хозяйству управляющихъ. Не ограничиваясь этимъ, Тизенгаузъ учредилъ въ Гроднѣ *кадетскій корпусъ* для воспитанія литовско-русскаго юношества и основалъ *школу строительнаго искусства*. Образованіе въ этихъ заведеніяхъ примѣнено было къ нуждамъ общественнымъ, вмѣсто прежняго іезуитскаго наставленія, гибельнаго для общества. Тизенгаузу Гродна обязана также улучшеніемъ *типографіи*, оставшейся послѣ іезуитовъ, и заведеніемъ словолитни, которая немалое время снабжала и виленскихъ типографщиковъ печатью. Для оживленія Гродны, Тизенгаузъ устроилъ постоянный театръ, открылъ училище балета и составилъ оркестръ, которымъ управляли иностранцы, обучавшіе мальчиковъ и дѣвочекъ, выбранныхъ изъ экономическихъ крестьянъ. Для балета же выписаны были Ледуксъ, братья Петтинети, Каэтанъ и Людовикъ. Чтобы оживить промышленную дѣятельность и торговлю, Тизенгаузъ выписалъ изъ Германіи и Голландіи искусныхъ мастеровъ, а въ той части города, называемой Городницею, гдѣ помѣщены были всѣ означенныя заведенія, въ особыхъ каменныхъ домахъ, подъ руководствомъ извѣстнаго Якова Бекю, устроилъ разныя *фабрики:* а) фабрику тонкаго полотна, особенно скатертей и салфетокъ, съ отличной бѣлильней, устроенной на р. Лососнѣ; б) фабрики лучшаго сукна, холста, кисей, шелковыхъ тканей, шелковыхъ и шитыхъ золотомъ кушаковъ; в) фабрики шляпъ, булавокъ, прядильни шерсти, шелку и бумаги, и г) фабрики экипажей, на подобіе парижскихъ. Сверхъ того, Тизенгаузъ открылъ нѣсколько богоугодныхъ заведеній, а именно: *человѣколюбиваго общества*, *госпитали* для городскихъ жителей и фабрикантовъ и *воспитательный домъ* для подкидышей или дѣтей незаконнорожденныхъ, и устроилъ ботаническій садъ на Городницѣ. Въ саду этомъ въ короткое время были собраны весьма рѣдкія растенія, частію покупкою за границею, частію же посредствомъ подарковъ отъ знаменитыхъ ботаниковъ того времени: Палласа въ Петербургѣ, Жакена въ Вѣнѣ и Солагдера въ Англіи, или мѣною туземныхъ растеній на заграничныя изъ садовъ страсбурскаго и эдинбурскаго. Дѣятельность и предпріимчивость этого знаменитаго мужа, этого истиннаго благодѣтеля города Гродны болѣе и болѣе усиливалась; не проходило мѣсяца, чтобы въ головѣ его не рождалась новая мысль, новый планъ для украшенія города и усиленія въ немъ промышленной дѣятельности и торговли. Неизвѣстно на чемъ остановилась бы предпріимчивость Тизенгауза. Съ его паденіемъ изчезли всѣ учрежденія, которыя съ своимъ разви-

тіемъ могли бы поставить Гродну на высокую степень благосостоянія: фабрики закрыты, фабриканты разъѣхались или остались въ крайней бѣдности, учебныя заведенія уничтожены или перенесены въ разныя мѣста; медицинскій институтъ, со всѣми принадлежностями, въ 1781 году перенесенный въ Вильну, послужилъ основаніемъ медицинскаго факультета при университетѣ; библіотека досталась гродненскому училищу доминикановъ, изъ котораго впослѣдствіи образовалась губернская гимназія; садъ, въ которомъ старательно собирались деревья съ разныхъ странъ Европы и даже изъ Америки, далъ начало ботаническому саду при виленскомъ университетѣ; астрономическіе, механическіе и физическіе инструменты поступили частію въ виленскую обсерваторію, частію же достались губернской гимназіи. Оркестръ и балетъ переведены въ Варшаву, произведя фуроръ даже въ тамошней изысканной публикѣ. Такимъ-то образомъ вдругъ изчезли въ Гроднѣ учрежденія Тизенгауза къ улучшенію сельскаго хозяйства, ремеслъ и мануфактуръ, въ дѣлѣ развитія, просвѣщенія и оживленія торговли, не только Гродны, но и всей страны. Съ тѣхъ поръ упала и самая Гродна, сохранивъ на Городницѣ въ нѣсколькихъ домахъ, потерявшихъ свое прежнее назначеніе, и на берегахъ Лососны (въ 2-ха верстахъ отъ Гродны), въ развалинахъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ, память о предпріимчивости геніальнаго Тизенгауза.

Однако выгодное коммерческое положеніе и слава о прошедшихъ событіяхъ обратили вниманіе нашего правительства на этотъ городъ, ибо вскорѣ, по присоединеніи Гродненской губерніи къ Россіи, въ 1802 году онъ признанъ городомъ губернскимъ.

По недостатку данныхъ, мы не можемъ судить о послѣдующемъ развитіи Гродны до настоящаго времени; можемъ сказать только, что теперь она весьма мало разнится отъ большей части губернскихъ городовъ Имперіи, хотя въ послѣдніе годы сдѣлано много попытокъ для ея улучшенія.

(Матер. для Геогр. и Стат. Россіи).

П. Бобровскій.

XXI.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ „ГОЛОСУ“.

Нѣкоторые люди, извѣстнаго настроенія, ежели бываютъ поставлены въ необходимость похвалить кого-нибудь, или отстаивать чьи-либо интересы, обыкновенно употребляютъ *манеру* хвалить, или отстаивать въ такомъ родѣ: „N. N. очень умный, честный человѣкъ, и безъ всякаго сомнѣнія сдѣлаетъ очень много добра, хотя, впрочемъ, онъ часто выдѣлываетъ такія глупости и гадости, что отъ него никакъ не можно ожидать ничего добраго.“ Или: „вся эта земля, безспорно, принадлежитъ г-ну N; въ его пользу говоритъ не только свидѣтельство всѣхъ современниковъ, но даже историческіе документы,— однакожъ противникъ его, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, объявляющій свои права на эту землю, не менѣе твердъ въ своихъ основаніяхъ, на которыхъ онъ утверждаетъ свои притязанія.“ Это значитъ: чему хочешь, тому и вѣрь, или—помоги Богъ и нашимъ и вашимъ.— Такой именно *манеръ* всегда слѣдуетъ с. петербургская газета „*Голосъ*“, когда говоритъ о русскихъ интересахъ въ столкновеніи ихъ съ польскими интересами; а случаевъ говорить объ этомъ въ нынѣшнее время такъ много, что „Голосъ“ почти въ каждомъ своемъ нумерѣ прибѣгаетъ къ этой *манерѣ*. За такіе свои подвиги, „*Голосъ*“, отъ всѣхъ благомыслящихъ людей, заслужилъ уже названіе „*полонофильской газеты*“, а нѣкоторые называютъ ее даже „*іезуитскою*“, въ смыслѣ лукавства и двоедушія. Оба эти названія не только не противорѣчатъ одно другому, но еще превосходно дополняютъ одно другое.

Такъ-какъ мы теперь пишемъ еще не полное и совершенное обвиненіе „Голоса“ въ его антипатріотическомъ, т. е. въ антирусскомъ направленіи, но только рѣшаемся сдѣлать ему, по-

кажѣсть, маленькое *предостереженіе*, то и беремъ, на выдержку, только два №№ „Голоса“, 265-й и 269-й нынѣшняго (*) 1865 года.

Въ 265 № *„Голосъ“* озаглавилъ свою передовую статью такъ: *„Положеніе дѣлъ въ Югозападномъ Краѣ.“* На эту статью мы теперь и просимъ читателей обратить вниманіе.

На первыхъ строкахъ этой статьи, вниманіе читателя поражается слѣдующимъ мнѣніемъ, *чреватымъ* вопіющими противорѣчіями: *„въ десяти губерніяхъ западнаго края преобла-„дающая масса русскаго населенія задерживается въ своемъ „политическомъ развитіи, въ слѣдствіе того справедливаго „недовѣрія, которое питаетъ правительство къ тамошне-„му одществу польскихъ землевладѣльцевъ, пропитанныхъ, „идеею польской національности.“* А чрезъ восемъ строкъ послѣ того высказывается слѣдующее мнѣніе: *„преобладаніемъ „крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ наиболѣе парализу-„ется развитіе сплошной масеы православнаго населенія на „поприщѣ гражданской жизни.“*— По сведеніи этихъ мнѣній воедино, выходитъ вотъ-что: сплошная, преобладающая масса православно - русскаго народа въ десяти западныхъ губерніяхъ задерживается въ своемъ политическомъ развитіи именно потому, что правительство не довѣряетъ тамошнимъ полякамъ—землевладѣльцамъ. Перестань только правительство не довѣрять тамошнимъ полякамъ, и тамошніе русскіе люди тотчасъ начнутъ *развиваться* и блаженствовать (каково?!!). Ежели правительство *„спаведлиео недовѣ ряетъ* тамошнимъ полякамъ и чрезъ такое справедливое недовѣріе затрудняетъ политическое развитіе тамошняго русскаго населенія, то оно, для блага и развитія этого населенія, должно бы, кажется, рѣшиться даже на *несправедливость*, т. е. должно перестать не довѣрять тамошнимъ полякамъ. Впрочемъ развитіе сплошной массы тамошняго православнаго населенія на поприщѣ гражданской жизни наиболѣе парализуется преобладаніемъ крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ, которымъ— слѣдовательно— не должно довѣрять. Слѣдовательно— само правительство поставлено въ необходимость задерживать политическое развитіе тамошняго русскаго населенія. Куда ни обороти, какъ ни поверни это мнѣніе, а конецъ выходитъ одинъ: пора правительству— дескать— перестать задер-

(*) Статья писана въ прошломъ году; теперь „Голосъ“ пустился въ патріотизмъ. Ред.

живать политическое развитіе русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ, т. е. пора перестать не довѣрять тамошнимъ полякамъ. А чтобъ читатели не подумали, что *„Голосъ“* благопріятствуетъ полякамъ, то вѣдь онъ самъ указываетъ на крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ, какъ на причину, парализующую тамошнее развитіе. Совершенно по-іезуитски! Самъ генералъ іезуитскаго ордена не съумѣлъ бы искуснѣе запутать истину и вывернуться отъ отвѣтственности!

Къ числу энергическихъ мѣръ, для скорѣйшаго политическаго развитія русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ, (говоритъ „Голосъ“) *„относили замѣну всѣхъ польскихъ чиновниковъ русскими.“* Посвятивши всю свою передовую статью обсужденію этой мѣры, *„Голосъ“* прежде всего самъ себя спрашиваетъ: *„что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ; русскіе въ югозападномъ краѣ?“*— Православную вѣру *„Голосъ“* не признаетъ непремѣннымъ условіемъ *русскаго человѣка.* Вотъ подлинныя слова *„Голоса“*: *„Во враждѣ двухъ націо„нальностей* (т. е. польской и русской) *играетъ роль не ре„лигія, а цивилизація. Религія въ этомъ случаѣ была дѣй„ствующимъ элементомъ только въ слѣдствіе своей связи „съ цивилизаціей, и во всякомъ случаѣ служитъ скорѣе сред„ствомъ* (къ чему?.) *нежели цѣлію“.*— Приглашаемъ читателей прислушаться къ іезуитскимъ хитросплетеніямъ въ этихъ словахъ „Голоса“. Религія *была дѣйствующимъ элементомъ* во враждѣ польскаго племени къ русскому; религія *была средствомъ* къ ополяченію русскаго человѣка (припомните унію); и между тѣмъ религія вовсе не имѣла цѣли ополячивать русскихъ, и во враждѣ двухъ національностей вовсе не религія играла роль, но цивилизація... Согласитесь, мастерская игра словъ и путаница понятій! Авторъ *„Роковаго Вопроса“* долженъ сожалѣть, что онъ не научился этому мастерству у *„Голоса“*.

Далѣе *„Голосъ“* говоритъ, что законъ 30хъ годовъ, требовавшій, чтобъ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ (православнаго лица съ латинскимъ) были воспитываемы въ православной вѣрѣ, „имѣлъ печальныя слѣдствія, отразившіяся неблагопріятно на „ходѣ польскаго вопроса особенно въ западныхъ провинціяхъ.“ Эти печальныя слѣдствія, по мнѣнію „Голоса“, суть слѣдующія: „число смѣшанныхъ браковъ уменьшилось“ (и слава Богу!); „польскій элементъ пріобрѣлъ большую замкнутость, приводя„щую къ разрозненности и безъ того враждебныя національности“ (а развѣ лучше было бы, если бы польская національность открыто поглотила русскую?!); „въ тѣхъ же семействахъ, гдѣ

„по разсчету устроялись смѣшанные браки, всегда былъ ущербъ „для православія, что лучше всего можетъ быть доказано мно„жествомъ дѣлъ въ западномъ краѣ по совращенію изъ право„славія въ католицизмъ.“— Ежели смѣшанные браки были причиною многихъ случаевъ совращенія изъ православія въ р. католицизмъ, то надобно радоваться, что, въ слѣдствіе закона 30-хъ годовъ, число такихъ браковъ уменьшилось. А потому мы, во имя здраваго смысла, спрашиваемъ у „Голоса“: для чего онъ— уменьшеніе смѣшанныхъ браковъ называетъ „печальнымъ слѣдствіемъ??“ „Голосъ“ далѣе поправился слѣдующимъ образомъ: „наконецъ, совращенія эти (изъ православія въ латинство) не „всегда имѣютъ религіозный (?) характеръ: есть много право„славныхъ (разумѣется, только по имени), не оставившихъ своей „вѣры, но подвергшихся политическому совращенію..“— Очевидно, что религіозный индифферентизмъ, происходящій иногда отъ смѣшанныхъ браковъ, „Голосъ“ не считаетъ равносильнымъ совращенію въ папизмъ, хотя самъ же обвиняетъ такихъ индифферентистовъ, говоря, что „ополяченный русскій не ставитъ ни въ грошъ сочувствія ко всему русскому.“— Какъ бы то ни было, но „Голосъ“, при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ въ пользу то того, то другаго враждебнаго лагеря, справедливо, однакожъ, признаетъ всѣхъ ополяченныхъ русскихъ не способными занимать мѣста русскихъ чиновниковъ въ югозападномъ краѣ,— и мы въ этомъ совершенно согласны съ нимъ.

Устранивши, какъ и слѣдуетъ, ополяченныхъ русскихъ отъ права быть русскими чиновниками въ югозападн. краѣ, „Голосъ“ принялся за тамошнее православное духовенство. По мнѣнію „Голоса“ „тутъ выходитъ, къ сожалѣнію, другая крайность. „Духовный элементъ— чисто кастовый и малочисленный, и по „своему образованію (слушайте! слушайте!) далеко не пригоденъ „для современной служебной дѣятельности. Къ тому же, по не„счастію, этотъ элементъ находится въ такомъ озлобленномъ „состояніи противъ поляковъ (такъ вотъ оно-что!), что участіе „его въ административной дѣятельности, при извѣстной систе„мѣ управленія (т. е. при какой? договаривайте!), скорѣе мо„жетъ принести вредъ, нежели пользу. Подтвержденіемъ это„му можетъ служить органъ этой партіи (?), Югозападный Вѣст„никъ.“— Слѣдовательно, по мнѣнію „Голоса“, замѣщать должности русскихъ чиновниковъ въ югозападномъ краѣ лицами, вышедшими изъ сословія тамошняго православнаго духовенства „если еще не совершенно не возможно, то по крайней мѣрѣ рано.“—

Ну, ужъ это несносное православное духовенство! Далось оно знать полякамъ и полонофиламъ! Какъ острая кость, стоитъ у нихъ въ горлѣ! На что уже „Голосъ“ умѣетъ по-іезуитски сдерживать себя и скрывать свою ненависть, но и онъ не вытерпѣлъ,— поперхнулся. Въ словахъ „Голоса“ о негодности духовнаго элемента въ государственной службѣ въ югозап. краѣ сколько мыслей, столько и лжи, пропитанной враждою. Во первыхъ: наше православное духовенство — вовсе не замкнутая каста; изъ него выходили у насъ и министры, и генералы, и теперь очень много по всей Россіи чиновниковъ, высшихъ и низшихъ, въ многоразличныхъ родахъ службы: неужели редакція „Голоса“ не знаетъ объ этомъ?— Во вторыхъ: по своему образованію, чиновники изъ духовнаго состоянія не только пригодны для служебной дѣятельности, но еще пригоднѣе многихъ другихъ, получившихъ образованіе не въ духовныхъ училищахъ. Нигилизмъ, разъѣдающій молодыя силы нашего юношества въ свѣтскихъ училищахъ, который уже не составляетъ секрета, но ежедневно вызываетъ вопли и жалобы противъ себя,— нигилизмъ (ничтожество, рѣшительная неспособность ни къ чему доброму) еще, слава Богу, почти не коснулся нашихъ духовныхъ училищъ,— и изъ нихъ постоянно выпускаются добрые юноши, способные ко всякой государственной службѣ. Само собою разумѣется, что воспитанникъ духовной семинаріи или академіи (равно какъ и университета) съ перваго дня службы не можетъ сейчасъ же управлять высшими административными мѣстами, подобно Ивану Александровичу Хлестакову, „управлявшему (у Гоголя) Департаментомъ“; но дайте ему присмотрѣться къ дѣлу и немножко попривыкнуть, тогда вы сами согласитесь, что лучшаго чиновника трудно сыскать. Подтвержденіе этому вы можете видѣть на всемъ пространствѣ Россіи, въ разныхъ мѣстахъ и родахъ службы. Не ужели редакція „Голоса“ и объ этомъ не знаетъ?.. Въ третьихъ: что касается вообще православнаго духовенства въ югозападномъ краѣ, то всѣ честные и просвѣщенные современники уже единогласно признали, а исторія записала на своихъ страницахъ, что это почтенное духовенство было единственнымъ оплотомъ русской національности въ томъ краѣ, и что оно только одно своею просвѣщенною ревностью и самоотверженіемъ спасло и доселѣ спасаетъ тотъ край отъ ополяченія: не ужели и это не извѣстно „Голосу“?.. Ахъ, какъ же онъ далеко отсталъ и отъ современности, и отъ исторіи!— Если православное духовенство не умѣетъ, или не хочетъ

болтать по-французски, какъ болтаютъ сплошь и рядомъ всѣ поляки и полонофилы, выдающіе себя за просвѣщенныхъ людей, такъ это еще не доказываетъ того, будто оно не образовано. Если наше духовенство не можетъ въ своихъ домахъ представить вамъ такого комфорта, какимъ отличаются богатыя жилища латинскихъ ксендзовъ, то и этого нельзя назвать необразованностью; это скорѣе — бѣдность, не дѣлающая, впрочемъ, никакого безчестія нашему духовенству, но даже дѣлающая ему честь. — Въ четвертыхъ: „Голосъ“ называетъ православное духовенство югозападнаго края „озлобленнымъ противъ поляковъ и потому неспособнымъ къ административной дѣятельности, въ которой оно (по словамъ „Голоса“) скорѣе принесло бы вредъ, нежели пользу.“ А въ подтвержденіе этого, онъ указываетъ на „органъ этой партіи, Югозападный Вѣстникъ.“ — Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, несносный этотъ Вѣстникъ! Зачѣмъ онъ печатаетъ эти несносные документы и матеріалы противъ польской пропаганды. Эхъ, недобрый Вѣстникъ! Ну, кто просилъ тебя рыться въ архивахъ, выкапывать и обнародывать всѣ эти документы о древней русской національности западнаго края? Зачѣмъ ты первый въѣлся въ протеже „Голоса“ терзалъ и терзаешь его разностороннимъ образомъ и невыпускаешь изъ своихъ когтей невинной жертвы и доселѣ?!. Вотъ ты, недуманно — не гаданно, и попалъ въ „органы“ какой-то, вовсе неизвѣстной тебѣ „партіи“! — „Голосу“ трудно угодить: ополяченные русскіе не годятся быть русскими чиновниками потому, что они будутъ сочувствовать полякамъ и помогать имъ въ ихъ революціонныхъ затѣяхъ; а лица изъ православно-духовнаго сословія не годятся потому, что, по своему озлобленію противъ поляковъ, будутъ преслѣдовать всѣ польскія затѣи и обнаруживать все зло польской пропаганды. — Въ слѣдствіе чего, „Голосъ“, какъ будто съ добрымъ намѣреніемъ, продолжаетъ такъ: „Остается прибѣгнуть къ помощи русскихъ, пріѣзжающихъ на службу (въ югозападный край) изъ внутреннихъ губерній.“ „Голосъ“ какъ будто хвалитъ эту мѣру и какъ будто сочувствуетъ ей; но хвалитъ по-своему, съ слѣдующею оговоркой: „оптовой наплывъ этихъ людей (т. е. русскихъ чиновниковъ, пріѣзжихъ изъ внутреннихъ губерній) скорѣе можетъ произвести замѣшательство въ дѣлахъ, нежели принести пользу.“ Что же касается мировыхъ посредниковъ изъ этихъ „людей“, то „въ этомъ отношеніи полученный результатъ далеко не соотвѣтствовалъ сдѣланнымъ отъ правительства пожертвованіямъ.“ Въ какой мѣрѣ справедливы эти слова „Голоса“, мы не знаемъ,

не полагаемъ, что въ семьѣ не безъ урода,— и вѣроятно, между чиновниками пріѣзжими изъ внутреннихъ губерній было нѣсколько неспособныхъ и ненадежныхъ, были, то есть, жалкія и непріятныя исключенія изъ нормы. Сказать же такъ голословно о неспособности всѣхъ ихъ, какъ говоритъ „Голосъ“, это—по нашему мнѣнію—болѣе нежели дерзость. Многіе чиновники, изъ пріѣзжихъ въ югозападный край на службу, могутъ потребовать у „Голоса“ отчета въ такомъ голословномъ нареканіи на всѣхъ ихъ.—Но „Голосъ“ предупредилъ этихъ чиновниковъ, и доконалъ ихъ слѣдующимъ искуснымъ образомъ: „Въ рукахъ „поляковъ доселѣ еще остается сильное орудіе (скажите лучше: оружіе), имѣющее извѣстную цѣну въ глазахъ административныхъ властей. Это— вѣчныя жалобы на то, что въ судебныхъ мѣстахъ берутъ взятки.“— „Голосъ“, какъ видите, прямо не говоритъ, будто русскіе чиновники, пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній, берутъ взятки, но косвенно, самымъ искуснымъ, подлинно-іезуитскимъ образомъ, какъ будто даже обвиняя поляковъ, набрасываетъ на этихъ пріѣзжихъ чиновниковъ тѣнь взяточничества... Правда, мастерски?!! Конецъ концовъ: не годятся для югозападнаго края всѣ эти чиновники „пріѣзжіе изъ „внутреннихъ губерній!! „Голосъ“ доказалъ это по всѣмъ правиламъ іезуитской казуистики.— Бѣдная наша администрація!—

Подлинно бѣдная! Ну, что она будетъ дѣлать? гдѣ она возметъ для югозападнаго края способныхъ, честныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ?.. Какіе же вы, читатели, недогадливые! Для этого есть одно, самое вѣрное и благонадежное средство, рекомендуемое „Голосомъ“: Надобно оставить въ томъ краю попрежнему поляковъ— чиновниковъ, которые несравненно способнѣе, умнѣе и полезнѣе всѣхъ вашихъ, и пріѣзжихъ и непріѣзжихъ, русскихъ чиновниковъ. Эту послѣднюю, свою задушевную мысль „Голосъ“ проводитъ такъ хитро и искусно, что и придраться къ нему, кажется, не возможно. Онъ постоянно будто сердитъ на поляковъ и бранитъ ихъ, и постоянно будто стоитъ за русскіе интересы; но смотри— то тамъ, то здѣсь и прорвется у него задушевное желаніе водворить по-прежнему въ югозападномъ краѣ польскихъ чиновниковъ. Вотъ—что онъ говоритъ объ этомъ, употребляя грамматическую форму прошедшаго времени вмѣсто желаемаго будущаго: „Высшая мѣстная администрація по необходимости должна была удержать нѣкоторыхъ поляковъ на службѣ, въ особенности тѣхъ, которые ей „были хорошо извѣстны, или на которыхъ она могла положиться.“

„По нѣкоторымъ вѣдомствамъ, какъ на примѣръ по министер„ству финансовъ, многія мѣста и даже важныя (казначейскія) „находились еще не давно въ рукахъ поляковъ; но опытъ пока„залъ, что казна нигдѣ (и въ варшавскомъ государственномъ „казначействѣ и многихъ другихъ?!!) отъ того не потерпѣла у„щерба; къ тому же и замѣнить всѣхъ чиновниковъ казначействъ „пріѣзжими изъ Россіи, при скудости содержанія, нѣтъ ника„кой возможности.“ — „Польскіе чиновники (замѣтьте: уже не „казначеи, но вообще чиновники), обзаведшись домами и дру„гимъ хозяйствомъ по городамъ и ихъ окрестностямъ, въ служ„бѣ, и даже при маломъ жалованьи, видятъ для себя подспорье „въ жизни, и потому дорожатъ этими мѣстами.“ (Еще бы!) Ну, скажите на милость: для чего такихъ прекраснѣйшихъ чиновниковъ замѣнять „пріѣзжими русскими людьми“?!.. Притомъ же, пускай себѣ администрація, сколько хочетъ, хлопочетъ о замѣнѣ польскихъ чиновниковъ русскими людьми, но само дѣло, устами „Голоса“, говоритъ вотъ-что: „Въ нѣдрахъ самыхъ „присутствій польскій элементъ получилъ прочное основаніе, въ „слѣдствіе выборнаго начала; не мало способствуетъ этому и „то обстоятельство, что выборныя лица изъ поляковъ знакомы, „лучше пріѣзжихъ изъ Россіи чиновниковъ, и съ прежними мѣ„стными законами, и съ самою исторіей процессовъ, продолжаю„щихся иногда десятки лѣтъ.“ — Ну, можно ли послѣ этого промѣнять этихъ достойнѣйшихъ чиновниковъ — туземцевъ на какихъ-нибудь „пріѣзжихъ русскихъ?“ Еще ли не ясно вамъ доказано, что поляки — чиновники въ югозападномъ краѣ не замѣнимы, необходимы, преполезны?!. Остается только желать и ожидать, чтобъ эти чиновники, въ знакъ своей благодарности, воздвигли памятникъ „Голосу“, на примѣръ, хоть колонну изъ *цукерекъ съ повидломъ*, — на верху колонны прилично было бы помѣстить хамелеона (разумѣется, сахарнаго) неуловимаго цвѣта, съ постоянно — перемѣняющимися оттѣнками, а по четыремъ сторонамъ пьедестала — отчеканить лапидарнымъ стилемъ такую надпись: „Голосъ за насъ, отъ насъ, для насъ.“

Въ 269 номерѣ „Голоса“ (29 Сент. 1865 года), подъ рубрикою Библіографіи, напечатана рецензія недавно — изданной книги: „Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ.“ С. П. б. 1865. — Всѣ просвѣщенные русскіе, разсматривавшіе и читавшіе эту книгу, единогласно признаютъ ее капитальнымъ изданіемъ, самымъ современнымъ и самымъ полезнымъ. Это — историческій протестъ

Россіи, предъ лицомъ всей Европы, противъ беззаконныхъ притязаній поляковъ, къ западно-русскому краю. Эта книга такъ же разъясняетъ и обезоруживаетъ общественное мнѣніе Европы касательно польскаго вопроса, какъ знаменитыя дипломатическія ноты князя Горчакова. И что же? Можетъ быть, вы думаете, „Голосъ" уважилъ и пощадилъ эту книгу? Ничуть не бывало! Онъ вотъ какъ отнесся къ ней. Всѣ эти документы, по словамъ „Голоса", „не представляютъ какой-либо небываной но„вости, и тѣ взгляды (?) о древнемъ русскомъ господствѣ въ „областяхъ, подпавшихъ подъ владычество Польши, которые бы„ли высказаны въ послѣднее время нашими публицистами, какъ „напримѣръ гг. Кояловичемъ и Гильфердингомъ, не представ„ляютъ въ сущности ничего новаго и самобытнаго." Такъ неужели всѣ эти документы и взгляды и не стоютъ никакого вниманія потому только, что они для васъ не составляютъ новость По вашей логикѣ выходитъ такъ: „для меня не ново, слѣдовательно ни для кого не годится,"— такъ ли?.. Въ доказательство недостатка новости и самобытности во всѣхъ этихъ документахъ и взглядахъ, „Голосъ" между прочимъ приводитъ вотъ-какое странное свидѣтельство: „когда въ 1772 году Екатерина II „въ письмѣ своемъ къ королю Станиславу— Августу Понятов„скому заявляла о древнихъ правахъ Россіи на Литовско-русское „княжество, то король не отвергалъ, въ отвѣтномъ своемъ пись„мѣ, этихъ правъ, но только спрашивалъ: почерпнуты ли эти „права во мракѣ временъ отдаленныхъ, въ эпоху случайныхъ „переворотовъ, которые создавали, разрушали, и передавали го„сударства изъ рукъ въ руки на короткое время? и далѣе за„мѣчалъ, что если допустить эти права, то тремъ державамъ, „домогающимся отъ Польши разныхъ областей, пришлось бы „самимъ уступить Польшѣ нѣкоторыя, принадлежащія имъ обла„сти (sic!)"— Читатели видятъ, что этотъ анекдотъ объ отвѣтѣ короля польскаго Екатеринѣ II-й вовсе не служитъ и не можетъ служить доказательствомъ тому, что изданные теперь Археографическою Коммисіей „Документы" не представляютъ ничего новаго и самобытнаго; для чего же этотъ анекдотъ приведенъ „Голосомъ"? Очевидно— для того, чтобы заподозрить права Россіи на русско-литовское княжество, и подорвать довѣріе къ „Документамъ" на эти права. Не надобно и удивляться, если поляки, имѣя въ русской журналистикѣ такого адвоката за свои мнимыя права на югозападный край Россіи, не скоро еще разстанутся съ безразсудною идеей о возстановленіи Польши въ

предѣлахъ 1772 года.—Послѣ того, „Голосъ" вспомнилъ о сумасбродномъ полякѣ *Духинскомъ*, который „положительно не признаетъ русскихъ славянами и считаетъ азіатцами,"— а вспомнилъ объ этомъ „Голосъ" для того, чтобы къ сумазброду Духинскому приравнять—знаете ли, кого изъ нашихъ достойнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ науки? Профессора Бодянскаго!! Вотъ въ чемъ дѣло: простой народъ въ Польшѣ, именующій себя поляками, и происходящій дѣйствительно отъ славянъ, не считаетъ пановъ своихъ поляками, и не называетъ ихъ этимъ именемъ, но величаетъ ихъ „ляхами",— такъ что слова „полякъ" и „ляхъ"—совсѣмъ не одно и тоже по понятію поляковъ—простолюдиновъ (*). По ихъ понятію, полякъ— славянинъ, а ляхъ— не славянинъ, но потомокъ древней азіатской орды, вторгшейся когда-то въ Польшу и завладѣвшей его,— хоть бы сарматъ. Народную память трудно переспорить. Г. Бодянскій, на основаніи народныхъ историческихъ преданій и другихъ памятниковъ, доказалъ, что ляхи (не поляки, а ляхи!) собственно не славяне, но азіатскіе выходцы, только переродившіеся подъ вліяніемъ окружавшаго ихъ славянства. И досталось же за это г. Бодянскому отъ „Голоса"!— Сравнялъ его... съ *Духинскимъ*!!!

По мнѣнію „Голоса", „вопросъ о національности западнаго края Россіи можетъ быть понимаемъ на западѣ Европы иначе, нежели въ Россіи, гдѣ отличительными признаками русской народности считается православная вѣра и русскій языкъ „(а развѣ иначе можетъ быть?!) Поэтому (достопамятныя слова „Голоса!") ежели мы почему-либо (?!) считаемъ нужнымъ „доказывать былое и настоящее господство русской народности „въ Западномъ Краѣ, то мы можемъ это дѣлать съ своей собственной точки зрѣнія (?), и не должны нисколько удивляться, если на Западѣ, гдѣ— какъ мы сказали— религія и языкъ „не представляютъ главныхъ условій національнаго единства— „доказательствамъ нашимъ не отдадутъ должной справедливости." То есть: „документамъ" о русской національности югозападной Россіи не повѣрятъ??! Не повѣрятъ тому, что Россія непремѣнно русское государство??! Нѣтъ, ужъ, кажется, слишкомъ чрезъчуръ заговорился почтеннѣйшій „Голосъ"!

(*) Это мнѣніе, съ указаніемъ на народное убѣжденіе и историческія свидѣтельства, мы высказали первые во 2-й книжкѣ Вѣстника юго-западной Россіи за 18$^{62}/_{63}$ годъ. Ред.

„Документы“ и предисловіе къ нимъ, съ изложеніемъ сущности исторіи юго-западнаго края, напечатаны съ французскимъ переводомъ en regard; поэтому „Голосъ“ справедливо догадывается, что эта книга „предназначена не столько для русскихъ, сколько для иностранныхъ читателей.“ И дѣйствительно, кажется, такъ. Самъ же „Голосъ“ сказалъ, что для русскихъ читателей нѣтъ ничего „новаго“ въ этихъ документахъ; а иностранцы не только не знаютъ этихъ документовъ, но и вообще плохо знакомы съ русскою исторіей. Казалось бы, „Голосъ“ долженъ былъ похвалить переводъ документовъ на французскій языкъ;— напротивъ того, онъ осуждаетъ и это, говоря: „нельзя не пожалѣть о такомъ невниманіи издателей къ русскимъ читателямъ, такъ какъ „многіе изъ нихъ, незнакомые съ языками латинскимъ, польскимъ „и французскимъ, не въ состояніи будутъ ознакомиться съ большею частью документовъ.“ Помилуйте! на что же русскимъ читателямъ „ознакомливаться съ этими документами, когда всѣ эти документы, по вашимъ же словамъ, „не представляютъ какой—либо новости,“ слѣдовательно—уже знакомы русскимъ читателямъ?!!.. Лучше признайтесь, что вы хотѣли бы сказать вотъ какъ: нельзя не пожалѣть, что эти документы переведены на французскій языкъ потому, что теперь вся Европа узнаетъ объ исконныхъ, естественныхъ правахъ Россіи на западный край, и увидитъ лицомъ къ лицу всю нелѣпость польскихъ притязаній къ этому русскому краю.

Изданные нынѣ археографическою коммисіей „документы“ собраны г. Кояловичемъ. Онъ же написалъ и изслѣдованіе, въ видѣ предисловія къ документамъ. Ну, какъ же послѣ того оставаться „Голосу“ равнодушнымъ къ г. Кояловичу, надѣлавшему столько зла *польскому вопросу*! Невозможно! Вотъ „Голосъ“ и возсталъ противъ нашего ученаго, и возсталъ обыкновеннымъ своимъ, іезуитскимъ образомъ: „г. Кояловичъ, набившій въ послѣд„нее время руку по вопросу о западномъ краѣ (какъ учтиво и „благородно сказано!), въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ краѣ „не сказалъ ничего новаго. Конечно, для иностранцевъ изслѣ„дованія г. Кояловича покажутся, пожалуй, новымъ ученымъ „трудомъ, но едва ли они признаютъ его удовлетворительнымъ.“ „Конечно, подобный трудъ заслуживаетъ почтенія, но онъ бу„детъ гораздо лучше, если не будетъ связанъ съ политически„ми вопросами, а пойдетъ своимъ путемъ, какъ обыкновенное „научно—историческое изслѣдованіе.“ Опять, во имя здраваго смысла, просимъ редакцію „Голоса“ объяснить: какъ это сдѣ-

лать, и—даже можно ли сдѣлать, чтобъ научно-историческое изслѣдованіе о политичискихъ судьбахъ какого-либо народа не было связано съ политическими вопрсcами?!!?!

Чтобы наконецъ совсѣмъ подорвать довѣріе къ изданнымъ „документамъ“ и къ изслѣдованію г. Кояловича о западно-русскомъ краѣ, „Голосъ“ не посовѣстился забросать ихъ вотъ—какою грязью: „вообще весьма трудно въ эпоху плачевной борь-„бызаниматься учеными изслѣдованіями, которыя имѣлибъ „цѣлью установить извѣстный (?) взглядъ на эту борьбу съ по-“литической точки зрѣнія. При этомъ условіи, человѣка сама-“го безпристрастнаго (напримѣръ, г. Кояловича) заподозрятъ или “въ преувеличеніи, или въ умолчаніи, или въ искаженіи какихъ—ли-“бо фактовъ; да, чего добраго, и онъ самъ легко можетъ впасть „въ односторонность“.... Въ переводѣ затаенной тенденціи этихъ словъ на общепонятный языкъ, это значитъ вотъ-что: „не ручаемся, дескатъ, мы за то, чтобъ изданные нынѣ „документы“ не были какъ-нибудь искажены, и именно не въ пользу поляковъ. А какъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ вынуты изъ архива уніатскихъ митрополитовъ, хранящагося при св. Сунодѣ, и г. Кояловичъ увѣряетъ въ ихъ несомнѣнной достовѣрности, то „Голосъ“ вотъ—какъ поражаетъ и эту достовѣрность: „намъ ка-„жется, однако, что многіе (кто?) будутъ имѣть право не согла-„ситься съ мнѣніемъ г. Кояловича, особенно имѣя въ виду, что „копіи напечатанныхъ г. Кояловичемъ актовъ относятся къ той „порѣ, когда въ польскихъ областяхъ вопросъ о диссидентахъ „стоялъ на первомъ планѣ, и когда по поводу этого вопроса по-„литическія и личныя статьи были въ самомъ сильномъ разгарѣ“.... Приглашаемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей потрудиться вмѣстѣ съ нами,—авось общими силами не успѣемъ ли отыскать какую-нибудь логическую связь въ этихъ мысляхъ „Голоса“: слушайже, пожалуста! „Вопросъ о диссидентахъ на первомъ планѣ; политическія и личныя статьи (можетъ быть, страсти) въ самомъ сильномъ разгарѣ... Слѣдовательно—свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ, содержащіяся въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени, подлежатъ подозрѣнію въ достовѣрности“.... Послѣ этого—кому же и чему вѣрить?!!

Вообще—недобросовѣстность, двоедущіе, іезуитское лукавство и отъявленное полонофильство „Голоса“ такъ уже надоѣли многимъ читателямъ, что они рѣшаются просить редакцію „Голоса“ перемѣнить, ежели можно, такое вредное направленіе своей газеты. Политическій преступникъ *Черняке*, разстрѣлянный въ Казани

IV.

СВЕРЖЕНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА ВЪ ВИЛЬНѢ *).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ОЛЬГЕРДА,

въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Варвара Тимофѣевна Челнокова, дѣвица, дочь новгородскаго купца, торгующаго въ Вильнѣ.

Иванъ Яковлевъ, прикащикъ Челнокова, лѣтъ 20-ти, изъ литвиновъ.

Виколътъ, молодой видный бояринъ царедворецъ, язычникъ изъ знатныхъ бояръ литовскихъ.

Князь Өеодоръ Крюкъ, молодой бояринъ русинъ.

Неизвѣстный бояринъ.

Криве.

Жрецъ 1-й.

Жрецъ 2-й.

Вайделотъ.

А.
Б. } Вайделоты.
В.

Илюша, юродивый-русинъ.

Гаврило, латникъ.

Вайделотки, вайделоты, жрецы, бурты, гусляры,—народъ, латники, трубачи, оруженосцы, тѣлохранители великокняжескіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ.

Между первымъ дѣйствіемъ и вторымъ проходитъ годъ.

---

*) Сюжетъ заимствованъ изъ древней Печерской рукописи въ Псковѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

На Зарѣчьи.

Простой садъ,—нѣсколько кустовъ рябины, черемухи и прочихъ мѣстныхъ растеній; скамейка, заборъ и калитка, въ глубинѣ сцены. За заборомъ, въ туманѣ, видны: Замковая гора съ верхнимъ замкомъ,—Лысая гора и Гедиминова. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(При открытіи занавѣса свищетъ соловей).

Варвара. *(Выходитъ тихо и задумавшись).* Свищи, щелкай соловьюшко!... Тебѣ привольно здѣсь... У тебя есть крылушки,—полетишь ты, куда глаза глядятъ,—поешь ты, когда хочешь... Ты на волюшкѣ... Тебѣ нѣтъ запрету ни въ чемъ... Вьешь гнѣздушко, гдѣ выберешь. Только дѣвичья жизнь не на волюшкѣ... И любить нельзя и глядѣть нельзя. А хоть и полюбишь, такъ не на радость.—Узнаютъ люди, узнаетъ родной батюшка, узнаетъ родная матушка, запрутъ тебя подъ двѣнадцать замковъ, и прощайся тогда съ волюшкой, съ другомъ миленькимъ... Изсохнешь, завянешь въ душной горенкѣ, исплачешься слезами горючими по своемъ сердешинькомъ!... Вѣдь до сватьбы-то грѣшно любить!? Грѣшно-не грѣшно, а вотъ я взяла, да и сорвала сердце,—полюбила... Да еще кого?—Нехристя, язычника... Охъ, Господи помилуй!... Что тутъ дѣлать? чѣмъ тутъ горю пособить?... Ни чѣмъ не пособишь!... Бѣда моя! полюбила я его моего красавчика писанаго больше жизни своей, по сердцу пришлись его рѣчи сладкія, его очи черныя, его походка богатырская; нѣтъ мнѣ, дѣвицѣ, покоя ни днемъ, ни темной ночью: изнываетъ все мое сердечушко,.. все по немъ, все по немъ!... Точно на грѣхъ мой батюшка изъ Новгорода въ Вильну переѣхалъ... А въ Новгородѣ жила я покойно, въ церкви Божіей, у святой Софіи, молилась усердно. Изъ теремка своего на Ильмень озеро глядѣла безъ кручинушки... А здѣсь?... О, Господи помилуй—Господи помилуй!... Вѣдь за чѣмъ я сюда-то вышла?... Чтобъ повидать его... поклониться ему... Сама же просила придти сегодня... Что ужъ тутъ много толковать!...

Попрошу-ка я его перекреститься въ нашу вѣру; коли любитъ меня, перекрестится... а коли не любитъ? *(молчаніе)*. О, Господи помилуй!.. Нѣтъ лучше не скажу... Пожалуй, разсердишь его... А какъ же передъ Богомъ то отвѣчать?... Вѣдь Онъ видитъ все... Онъ видитъ, какъ я сижу съ язычникомъ... цѣлуюсь съ нимъ!... Нѣтъ, пусть что будетъ, то и будетъ, а скажу... Если любитъ, такъ согласится, не любитъ, и не надо!... Изведу я себя зельемъ лютымъ, а женой язычника не буду... *(Свищетъ соловей)*. Господи! что со мной сталося?... Прежде и соловьюшко не такъ жалобно пѣлъ, и ясное солнушко свѣтлѣе выглядывало, а теперь!... *(Задумывается)*. Только и радости, что его увидишь—слово вымолвишь... поцѣлуешься... А сердечушко такъ и ёкаетъ,—такъ и ёкаетъ, словно выскочить хочетъ... А ну какъ увидятъ наши?... Нѣтъ, кому увидать? Батюшка съ матушкой пошли въ церковь... Нянюшка дома молится. Чу! кто-то словно идетъ! *(прислушивается и смотритъ въ сторону)*. Нашъ прикащикъ Иванъ Яковлевъ идетъ... Зачѣмъ это?.. Ахъ! Господи, какъ же тутъ быть-то!.. Вѣдь онъ помѣшаетъ..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Варвара и Иванъ Яковлевъ.

Иванъ Яковлевъ. *(Входя, кланяется)* Молодой хозяйкѣ-красавицѣ низкій поклонъ... Добраго здоровья желаю . . .

Варвара *(стыдливо)*. Благодарю покорно, Иванъ Яковлевичъ. За чѣмъ это ты въ садъ-то пожаловалъ?

Иванъ Яковлевъ. Да такъ, хозяюшка... красавица... Вѣточку черемухи сорвать для снадобья...

Варвара. Для какого же это снадобья?

Иванъ Яковлевъ. Отъ тоски злодѣйки, отъ кручинушки... Извела меня красна дѣвица, опостылѣлъ мнѣ Божій свѣтъ.

Варвара. Кто же эта красная дѣвица? какого она роду?... крещеная, или не крещеная?

Иванъ Яковлевъ. Крещеная...

Варвара. Дѣвица или вдова?

Иванъ Яковлевъ. Дѣвица, да такая красавица, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ... Весь исходи, а такой другой не сыщешь.

Варвара. Такъ зачѣмъ же дѣло—то сталося?... женись на ней.

Иванъ Яковлевъ. Женись?! Легко сказать—женись... И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ...

Варвара. Чтожъ такъ?...

Иванъ Яковлевъ. Не любитъ она меня,—вотъ что! А любитъ другова,—нехристя, великокняжескаго рыцаря, Викольта.

Варвара. *(Вздрогнувъ)*. Викольта!?...

Иванъ Яковлевъ. *(Пристально смотря на нее)*. Да, Викольта...

Варвара. Викольта!... Викольта!... Какъ же это такъ?... Ктожъ она?... Говори скорѣй, Иванъ Яковлевъ, кто она?...

Иванъ Яковлевъ. Да не въ обиду тебѣ будетъ сказано, красавица распрекрасная,... это ты...

Варвара. *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ отъ него)*. Я?... я?... Ахъ, Боже мой!.. что это ты говоришь, Иванъ Яковлевичъ?...

Иванъ Яковлевъ. Да ужъ сердись — не сердись, а видитъ Богъ правду молвилъ... Изнылъ по тебѣ... Заколдовала ты меня чѣмъ нибудь, сожгли меня твои очи ясныя, погубили меня твои брови темныя!

Варвара. Ахъ, грѣхъ... грѣхъ; не говори ты этого!...

Иванъ Яковлевъ. Грѣхъ нехристя любить, а меня нѣтъ!... Роду я хоть не знатнаго, да за то богатаго; служу у отца твоего не ради денежной корысти, а ради ученья, какъ торговлю вести съ заморскими купцами. Изъ себя статенъ, пригожъ... Коли молвишь ласковой рѣчью, да согласіемъ,—въ тотъ часъ къ твоему батюшкѣ пойду просить благословенія.

Варвара. Ахъ, нѣтъ... нѣтъ!... Отойди ты отъ меня!.. Дѣвушкѣ грѣхъ любить...

Иванъ Яковлевъ. А Викольта любишь?!..

Варвара. *(Забывшись)*. Ну да, люблю... *(Спохватившись)*. Ты вѣдь батюшкѣ не скажешь... нѣтъ, не скажешь?... Да?

Иванъ Яковлевъ. Сохрани меня Господи! Что я ворогъ тебѣ—что ли?... Да я за тебя готовъ головушку свою буйную сложить, а не токмо, чтобы тебѣ сдѣлать разладицу какую...

Варвара. Спасибо тебѣ, Иванъ Яковлевичъ... спасибо!...

Иванъ Яковлевъ. Не начёмъ, моя красавица... Эхъ, была-не-была, повидалися... Дай хоть рученьку твою бёденькую поцёловать.

Варвара. На! (*протягиваетъ руку*) да уходи отсюда, а то, не ровенъ часъ, кто увидитъ, бёда будетъ!

Иванъ Яковлевъ. (*Цѣлуетъ нѣсколько разъ*). Еслибъ воля была, умеръ бы, а не ушелъ отсюда, да ужъ что дѣлать!.. Эхая ручка то,—настоящая янтарная, а ноготки-то что жемчугъ твой!... А ужъ какъ бы я тебя, мою лебедку, любить-то сталъ... голубить!... Варвара Тимофѣевна! взмилуйся надо мной! вѣдь совсѣмъ погибаю. Брось ты этого нехристя, полюби меня, а за сватьбой остановки не будетъ!..

Варвара. Ахъ, что ты говоришь, Иванъ Яковлевичъ!. Я и слушать то боюсь. Ну какъ это можно двухъ любить?... ну гдѣ это видано? Нѣтъ, уйди... уйди лучше!...

Иванъ Яковлевъ. Да зачѣмъ двухъ? меня одного полюби, а его разлюби... Вѣдь емуже жениться на тебѣ твои родители не позволятъ...

Варвара. Онъ вѣру нашу приметъ...

Иванъ Яковлевъ. Хорошо какъ приметъ, а коли нѣтъ? тогда что будетъ?... А меня по крайности маленькаго твой батюшка вывезъ отсюда да окрестилъ въ Новгородѣ.— Я ужъ такъ привыкъ къ Новгороду, словно къ родной сторонкѣ... Сейчасъ умереть, не вру!

Варвара. Иванъ Яковлевичъ, не мути ты сердце красной дѣвицы, пожалѣй ты ее безталанную!... Уйди отсюда, прошу тебя!...

Иванъ Яковлевъ. (*Сквозь слезы*) Не печалься, хозяйка-красавица... уйду... уйду далеко!... Со свѣта бѣлаго уйду; жизнь не мила мнѣ теперь:.. И такъ ужъ я изстрадался, измучился... Ни днемъ, ни ночью покою не зналъ... Загубила ты меня... Пропадай, моя головушка буйная, непобѣдная!— Уйду я въ темный боръ... къ звѣрямъ лютымъ,—пусть растерзаютъ меня по кускамъ!... А не то, брошусь въ рѣку Вилію... Прощай же, красавица писаная... (*кланяется и хочетъ идти*)!

Варвара. Что ты это?! что ты это вымолвилъ? Богъ съ тобой!... Очнись, перекрестись, постой... постой!... не губи своей душеньки изъ—за меня грѣшницы, живи ты у батюшки, или уѣзжай ты въ Новгородъ; можетъ статься приглянется тебѣ другая... Заживешь ты съ ней припѣваючи, меня не

вспоминаючи... А руки на себя накладывать грѣхъ большой... Твоя душенька въ смолѣ будетъ горѣть... Лучше помолись ты Богу... Онъ услышитъ тебя и помилуетъ.

Иванъ Яковлевъ. (*Приходя въ себя*) Охъ, Господи милостивый!... И вѣрямь, я согрѣшилъ окаянный... (*Крестится*) Дьявольское навожденіе!... Нѣтъ не бойся, Варвара Тимофѣевна, не сдѣлаю я ничего надъ собой... Буду жить, да тужить по тебѣ... да на твое счастье съ другимъ радоваться... А посля, можетъ, въ монастырь уйду... Не бери моихъ словъ ты на сердце, не услышишь ты болѣ ничего отъ меня... И поминку не будетъ про рѣчи сегоднишнія. Буду рабъ твой и холопъ молчаливый (*кланяется*). Не гнѣвись на меня за мои рѣчи глупыя... Прощай (*кланяется еще ниже и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Варвара одна.

Варвара. (*Посмотрѣвъ ему вслѣдъ*). Ушелъ. Ишь что выдумалъ, грѣховодникъ!... Топиться изъ за меня!... Вѣдь грѣхъ то мнѣ будетъ... (*слышенъ звонъ колокола*). Звонятъ!... звонятъ въ Пятницкой церкви... ко всеночной... молиться будутъ, а я то что дѣлаю... что я дѣлаю?... Вышла повидать своего милаго... нехристя... О, Господи помилуй!—(*Садится*). Чтожъ это онъ долго нейдетъ?... Вѣдь онъ говорилъ: какъ заблаговѣстятъ въ колоколъ, такъ я и тутъ, а вотъ ужъ и отзвонили, а его нѣтъ какъ нѣтъ. (*Задумывается*). Придетъ не обманетъ... (*поетъ*).

Какъ во теремкѣ,
Какъ въ высоконькомъ,
У окошечка,
У косящата,
Сидитъ дѣвица,
Сидитъ красная,
Сидитъ слезы ронитъ,
Мила дружка поджидаетъ:
Ты приди, милый мой,
Миленькой сердешненькой!

(*Въ это время слышенъ ударъ въ ладоши. Варвара встаетъ и отвѣчаетъ тѣмъ же. Хлопанье повторяется за заборомъ.—Варвара робко идетъ къ калиткѣ, отодвигаетъ щеколду, отходитъ на прежнее мѣсто и хлопаетъ вторично. Изъ калитки выходитъ Викольтъ, за нимъ князь Ѳ. Крюкъ. Во время этого дѣйствія до разговора свищетъ соловей*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Варвара, Викольтъ и князь Ѳ. Крюкъ..

Викольтъ *(къ Крюку).* На твой глазъ, князь, я надѣюсь... Въ твою волю отдаюсь.... Посмотри, что бы кто насъ не подкараулилъ....

Крюкъ. Бояринъ, положись на меня... Одно слово: кто только глазъ къ забору приставитъ, такъ въ глазъ вонзится этотъ мечъ. *(Смотритъ на Варвару).* А она, бояринъ, что твоя лебедь бѣлая!... Взаправду говорилъ ты мнѣ, что она красавица... краше Мильды ковенской.. Ну дай вамъ Богъ миръ да любовь... Иди же здоровайся, а я пойду сторожить васъ. Въ случаѣ чего, ты, бояринъ, только свисни, а я какъ тутъ буду. (*Скрывается*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, безъ князя Ѳ. Крюка.

Викольтъ *(Подходитъ къ Варварѣ Тимофѣевнѣ).* Здравствуй, Варя.... здравствуй, моя голубка бѣленькая! *(снимаетъ шлемъ).* Позволь поцѣловаться....

Варвара. (*Кланяется ему).* Здравствуй, Викольтъ, здравствуй, мой желанный! *(цѣлуются)* Стосковалась я по тебѣ, мой миленькой!....

Викольтъ. Не тоскуй, моя дорогая.... не почемъ кручиниться, все будетъ по нашему... Я твой, ты моя, и никто насъ не разлучитъ,— развѣ только одна смерть... Пусть лучше булатный мечь мой, купавшійся въ крови польской, ливонской и татарской иступится; пусть пищаль моя, отправившая на тотъ свѣтъ сотни грабителей — крестоносцевъ испортится, а ужъ не покину я тебя до могильнаго кургана....

Варвара. (*Со вздохомъ*). Да, до могильнаго кургана!.... Ахъ, Викольтъ, Викольтъ! Вѣдь подъ курганъ — то кладутъ только нехристей язычниковъ....

Викольтъ. Такъ ты объ этомъ задумала горевать? Ахъ, Варя, Варя!.... Хоть я и не принялъ еще христіанства, но давно позналъ Бога живаго, сотворившаго человѣка и весь видимый міръ.... Я давно чувствую омерзѣніе къ нашему бездушному истукану Перкуну, къ нашимъ ужамъ освященнымъ.... Я давно узналъ все заблужденіе идолопоклонства.... Отецъ Несторъ, духовникъ покойной княгини Маріи Ярославовны, наставилъ меня на путь истинный; онъ просвѣтилъ мои очи мысленныя—и я вѣрю въ вашего христіанскаго Бога....

Варвара. Вѣришь, а не крестишься?...

Викольтъ. Я приму крещеніе!... Дай время!... А теперь нельзя еще.... Великій князь Ольгердъ, хотя давно отсталъ отъ идолопоклонства, хоть и покровительствуетъ христіанамъ, хотя жена его была христіанка и дѣти христіане, хоть каждый день я съ радостью вижу обращенныхъ въ православную вѣру, хотя монастыри православные умножаются съ каждымъ днемъ въ нашемъ великомъ княжествѣ еще со временъ Миндовга; но все таки суевѣріе народное не со всѣмъ ослабѣло.... Криве-кривейтъ и старшіе жрецы все еще имѣютъ великую власть надъ народомъ. Хотя дворъ великокняжескій и состоитъ больше чѣмъ на половину изъ христіанъ православныхъ,— но родъ мой знатный.... Отецъ мой Ренгольдъ (1)— заклятый язычникъ... тѣла моихъ предковъ сожигались всегда въ долинѣ Святаго Рога... Стоитъ только мнѣ заикнуться о крещеніи и меня жрецы вытребуютъ у великаго князя и замучатъ, какъ вытребовали извѣстныхъ трехъ—праведныхъ царедворцевъ, принявшихъ православную вѣру, и замучили.... На простой народъ жрецы не смотрятъ,— они боятся за знатныхъ бояръ литовскихъ.... Но не печалься, Варя,— великій князь женится на тверской княжнѣ Іуліаніи Александровнѣ, и тогда, повѣрь, что язычество падетъ совершенно; послы ужъ поѣхали съ дарами въ Тверь — челомъ бить тверскому князю...

Варвара. Викольтъ!... желанный ты мой! Ты говоришь, что не вѣришь языческимъ богамъ, а самъ не крѣпокъ духомъ... Будь твердъ, укрѣпись въ вѣрѣ нашей и положись на Бога. Какъ же другіе-то — знатные бояре литовскіе переходятъ въ нашу вѣру, а ты боишься,—и кого?— Служителей бронзовыхъ болвановъ, огня и ужей!

Викольтъ. Не упрекай меня, Варя, въ слабости! Я не трусъ.... Но я теперь не одинъ, я боюсь... что бы насъ не разлучили съ тобой.

Варвара. Ты боишься этого? Ахъ, ты маловѣрный!... Какой же ты христіанинъ, когда для тебя я дороже истинной вѣры!.. По твоимъ рѣчамъ видно, что нашей сватьбѣ не бывать никогда....

Викольтъ. Какъ не бывать?

(1) Не должно смѣшивать Ренгольда съ Рингольдомъ (литовскимъ княземъ), существованіе котораго подлежитъ большему сомнѣнію — хотя Стрыйковскій составилъ подробно повѣствованіе его царствованія (Авт.)

Варвара. Да такъ.... Я лучше изведу себя зельемъ лютымъ, а ужъ женою язычника не буду.... А нѣтъ, порѣши ты меня горемычную однимъ разомъ: вынь свой мечь обоюду—острый; да ударь ты мнѣ прямо подъ сердце, али сними мою головушку несчастливую; легче мнѣ будетъ тогда.

Викольтъ. Да что ты, Варя! — я приму христіанство....

Варвара. Нѣтъ, Викольтъ.... нѣтъ, желанный мой!... Изъ твоихъ рѣчей я вижу, что тебѣ не хочется принять нашу вѣру... За чѣмъ же ты смутилъ тихій покой красной дѣвицы.... изсушилъ ее, обманулъ ее,— загубилъ ее!...

Викольтъ. Варя! образумься.... Что ты говоришь? Я обманулъ тебя?... Да въ умѣ ли ты? Я люблю тебя!...

Варвара. Не вѣрю.... не вѣрю!...

Викольтъ. Люблю, клянусь честью этого боярскаго знака (1) *(показываетъ на знакъ, который виситъ на груди)*.

Варвара. Что это за клятва твоимъ знакомъ? на немъ и креста вѣту-ти....

Викольтъ. Клянусь пепломъ моихъ предковъ....

Варвара. Нѣтъ, все не такъ! Твои предки грѣшники... постой! ты видишь *(показываетъ рукой на лѣво)* вотъ этотъ крестъ на святой церкви-Прасковіи-пятницы?

Викольтъ. Вижу... ну что жъ?

Варвара. Клянись имъ—животворящимъ, что ты по охотѣ, а не для меня примешь православіе.... Но знай Викольтъ, если обманешь, то Господь накажетъ тебя съ небеси...

Викольтъ. *(Поднимаетъ руку)*. Клянусь!...

Варвара. Клянись, что ты истинно вѣруешь въ Бога христіанскаго?

Викольтъ. Клянусь!

Варвара. Клянись, что ты меня любишь?

Викольтъ. Клянусь!

Варвара. *(Съ любовью смотритъ на него)*. Ну—вотъ теперь, мой желанный, позволь поцѣловать тебя сладко—сладко....

Викольтъ. Охотно *(цѣлуются)*.

(Въ это время пролетаетъ воронъ).

Варвара. Ахъ!...

Викольтъ. *(Оглядываясь)*. Чего ты испугалась?

Варвара. Боюсь сказать тебѣ, ты гнѣваться будешь...

---

(1) Эти знаки давались боярамъ за отличіе. Экземпляръ такой хранится въ Виленскомъ музеѣ.

Викольтъ. Ахъ, Варя!— Развѣ ты не знаешь, что для тебя у меня нѣтъ гнѣва?

Варвара. Примѣта больно нехорошая...

Викольтъ. Какая?

Варвара. Да вотъ, мой миленькій, когда мы съ тобой цѣловалися, пролетѣлъ черный воронъ.... не къ добру это!...

Викольтъ. Да бѣлыхъ — то вороновъ и не бываетъ. Объ чемъ тутъ тужить!... это бабьи сказки, моя дорогая.

Варвара. Ахъ, нѣтъ.... нѣтъ не къ добру это!... Вотъ тоже знахарка у насъ была, такъ мнѣ ворожила: налила она воды въ ковшъ, положила на него двѣ лучинки—крестъ на крестъ — и начала что-то причитывать, да какъ ахнетъ... крѣпко испугалась—я и спрашиваю ее,—что, молъ, такое вышло?... худо, говоритъ.... Пропадешь ты, говоритъ, дѣвонька за мила дружка....

Викольтъ. Я тоже прежде вѣрилъ въ звѣзды, а теперь вѣрю только въ твои глаза (*цѣлуетъ ее*). Не кручинься, Варя, все будетъ хорошо.

Варвара. Нѣтъ, мой сердешниинькой!... Ужъ видно мы не на радость съ тобой слюбилися!

Викольтъ. На радость да на счастье, милая Варя. Я вотъ такъ бы все и сидѣлъ подлѣ тебя, такъ бы всю жизнь и любовался на твои щеки алыя, на твою косу черную... Для тебя я все сдѣлаю, что прикажешь... (*молчаніе*). Да вотъ, что я сейчасъ придумалъ.... Зашлю ка я на послѣ-завтра къ твоему батюшкѣ свата, храбраго витебскаго князя Θеодора Петровича Крюка, любимца великаго князя Ольгерда, — вотъ что со мной сейчасъ пришолъ... пусть онъ попроситъ твой рученьки, а окрещусь я, съ Божіимъ благословеніемъ, завтра....

Варвара. Богъ да благословитъ тебя, мой желанный! кстати же завтра праздникъ угодника Божьяго Николая.... Ты вотъ Николаемъ и назовися.

Викольтъ. Охотно.... да и креститься то буду въ Николаевской церкви.... Вѣдь я ужъ и молитвъ знаю много наизусть....

Варвара. Ну вотъ, дай за это я тебя благословлю (*благословляетъ его крестнымъ знаменіемъ*). Да будетъ надъ тобой милость Бога, который просвѣтилъ твой разумъ... Ну теперь иди, успокойся... да приготовься къ великому таинству... И я пойду домой, затеплю лампаду, буду молиться за своего

Николая... за милаго-желаннаго Колиньку, что бы Богъ послалъ ему всякаго благополучья (*цѣлуетъ его нѣсколько разъ*); прощай, до завтра! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Викольтъ одинъ.

Викольтъ (*посмотрѣвъ ей въ слѣдъ*). Чистое небесное созданье! Да она непорочнѣе всякой Вайделотки (*благоговѣйно подымаетъ глаза къ небу и становится на одно колѣно*). Ты, Господи, создавшій все изъ ничего и могущій все, однимъ маніемъ, обратить въ ничто, прими меня въ лоно твоей православной церкви, укрѣпи меня въ заповѣдяхъ твоихъ!... Благодарю Тебя, Господи, что Ты осѣнилъ меня новымъ свѣтомъ и посылаешь мнѣ подругу—ангела хранителя. (*Викольтъ надѣваетъ шлемъ и идетъ къ забору*). Князь Өеодоръ Петровичъ! гдѣ ты?

Крюкъ (*появляясь въ калиткѣ*). Я здѣсь, бояринъ... Все ли благополучно?

Викольтъ. Все, князь!... Мы великое дѣло порѣшили! Я завтра принимаю крещеніе!

Крюкъ. Для мила дружка и сережко изъ ушка.... понимаю, бояринъ!...

Викольтъ. Нѣтъ, князь, не грѣши,— я по своей охотѣ.... не грѣши!...

Крюкъ. Доброму дѣлу святой часъ, бояринъ; я, пожалуй, крёстнымъ буду.

Викольтъ. Да еще и сватомъ.

Крюкъ. Значитъ на сватьбѣ пировать, сладкіе меды распивать.... хвалю, бояринъ (*оба скрываются, выходитъ Иванъ Яковлевъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Иванъ Яковлевъ одинъ.

Иванъ Яковлевъ. Экое сердце у меня ретивое! Какъ разгорится, такъ ни чѣмъ не угомонишь. Не вытерпѣлъ, окаянный, согрѣшилъ, подслушалъ ихъ рѣчи!... завтра креститься хочетъ, опосля и женится!... И прощай, Варя, прощай мое счастье! (*думаетъ*). Да вѣдь крещеныхъ-то и безъ него много.... Вѣдь русская половица-то велика,—широко раскинулась-то, дальше мѣдникскихъ воротъ.... А въ ней живутъ христіане православные... Да и литовцевъ-то, почитай,

половина окрещенныхъ здѣсь въ нашу вѣру есть (*забывшись*). Дьяволъ-то такъ и шепчетъ, такъ и наушничаетъ!... Иди, говоритъ, ты въ долину Рога къ набольшему попу поганскому, криве-кривейту, скажи ты ему, что знатный бояринъ литовскій завтра креститься будетъ, онъ и не попуститъ этого.... Варя тогда твоя будетъ (*очнувшись*). Господи, обороня меня!... Что я только затѣваю, грѣховодникъ?! Вѣдь нужно радоваться, что язычникъ обращается въ нашу вѣру, а я что хочу дѣлать?.. Да вѣдь съ сердцемъ-то никакъ не сообразишь; ишь какъ оно прыгаетъ!... А коли я не скажу?... Такъ она будетъ его женой, его подругой милой.... Эхъ, Иванъ, Иванъ!... видно не въ рубахѣ родился на бѣлый свѣтъ... Индо тошнехенько становится (*думаетъ*). Гм!... Пойду, — право пойду, скажу.... лучше пускай обрушится на меня гнѣвъ Божій, а ужъ небывать ей женой Викольта... Эхъ-ма! Изъ за этого маленькаго кусочка мяса, который въ лѣвомъ боку—вотъ здѣсь стучитъ, столько бѣдъ и напастей бываетъ у людей!... Вотъ я теперь задумалъ такое дѣло, на которое не всякій и татаринъ рѣшился бъ. (*Махаетъ рукой и идетъ.— Звонъ колоколовъ. Онъ быстро останавливается, крестится, задумывается, потомъ махаетъ съ отчаяньемъ рукой и уходитъ*).

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ зданіи Криве-кривейта, 2 окна, — очень узкія, съ желѣзными рѣшетками. Справа желѣзная дверь, между оконъ лежитъ толстое бревно, къ которому прикованъ за обѣ руки Викольтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Викольтъ, Вайделотъ и Жрецъ 1-й.

Викольтъ. (*Прикованный, спитъ, костюмъ его и лице совершенно измѣнились. Викольтъ бредитъ во снѣ*). Варя.., Варя!... дорогая моя!...

Вайделотъ. Онъ бредитъ во снѣ?!

Жрецъ 1-й. Вотъ ужъ годъ, какъ онъ здѣсь и каждый разъ, когда спитъ, бредитъ этимъ нечестивымъ именемъ христіанки...

Вайделотъ. Ты, братъ мой, говорилъ ему, что отецъ его умеръ, и что завтра будетъ сожиганіе его тѣла предъ святымъ неугасимымъ Зничемъ?

Жрецъ 1-й. Говорилъ, да онъ ничего не сказалъ мнѣ на это; но замѣтно выразилъ неудовольствіе и что-то проворчалъ...

Вайделотъ. Что же онъ въ разговорахъ съ тобой раскаевается въ своемъ заблужденіи?

Жрецъ 1-й. Нѣтъ, братъ мой; онъ не слушаетъ меня и читаетъ вслухъ христіанскія молитвы... Водитъ какъ то кресто-образно головой своей... и часто плачетъ...

Вайделотъ. Нечестивый!... Да будетъ проклятіе надъ нимъ нашихъ боговъ!

Жрецъ 1-й. Любезный братъ!... Въ послѣднее время наши боги стали глухи къ нашимъ мольбамъ... Христіанство ростетъ,—наша вѣра слабѣетъ. Съ каждымъ всходомъ яснаго солнца изъ великаго Новгорода, изъ великаго Пскова, изъ Тверскаго княжества прибываютъ христіанскіе священники, строятъ церкви и монастыри; литвины цѣлыми сотнями принимаютъ ихъ вѣру... Да и самъ великій князь Ольгердъ, женившись на тверской княжнѣ, построилъ при своемъ замкѣ домовую церковь... Поговариваютъ, что и вѣру ея принялъ... При дворѣ—и рѣчи и письмена ведутся на русскомъ языкѣ... почти всѣ царедворцы—крещеные. При дворѣ нѣтъ ни одного криве, ни одного сигоноты. Ольгерду вездѣ сопутствуютъ русскіе чернецы, дружина его состоитъ вся почти изъ русиновъ,—почти всѣ знатные бояре литовскіе перекрестились и переженились на русскихъ... Народъ литовскій съ недовѣріемъ слушаетъ теперь нашего верховнаго жреца, ко двору его не принимаютъ... Вѣрно прогнѣвали мы святаго Перкуна...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Жрецъ 2-й.

Жрецъ 2-й. (*Входитъ, запыхавшись, смотритъ на Викомьта, потомъ обращается къ жрецамъ*) Горе!... горе намъ!. (*Показываетъ свертокъ бумаги*) За этого... (*показываетъ на Викомьта*) нечестивца намъ приходится дорого поплатиться... Я посланъ къ вамъ отъ Криве-кривейта...

Вайделотъ. А что такое, нашъ братъ, случилось?

Жрецъ 2-й. (*Развертываетъ свертокъ*) Великій князь Ольгердъ, возвратившись съ битвы, разослалъ гонцовъ на всѣ четыре стороны, съ такими грамотами. Слушайте (*читаетъ*): Мы, великій князь Литвы и Руси Ольгердъ, оповѣ-

щаемъ нашимъ подданнымъ и чужестранцамъ: полякамъ, ливонцамъ, татарамъ всѣмъ и каждому, кому доведется читать нашу грамоту. Буде гдѣ либо окажется, назадъ тому около года, пропавшій безъ вѣсти нашъ любимецъ, храбрый и доблестный бояринъ Викольтъ, въ тяжкомъ ли заточеніи, въ плѣну ли, или на волюшкѣ, мы дадимъ за него выкупъ большой. Коли у поляковъ найдется, дадимъ за него пять тысячъ плѣнныхъ, коли у ливонцевъ пять тысячъ плѣнныхъ и сто дорогихъ звѣриныхъ кожъ, коли у татаръ, дадимъ десять тысячъ плѣнныхъ и сто золотыхъ монетъ. Коли нашъ подданный его отыщетъ, то великими щедротами его осыплемъ, не жалѣючи богатыхъ даровъ. Буде же изъ нашихъ подданныхъ кто его скрываетъ и томитъ въ тяжкой неволѣ, то лучше пусть покается намъ и привезетъ его живаго и невредимаго. А коли кто не захочетъ открыться, плутовство и кривду какую учинитъ боярину, а после намъ вѣдомо будетъ, то весь нашъ гнѣвъ и немилость обрушится на него. Будетъ онъ въ опалѣ нашей казненъ смертельно... (*Перестаетъ читать и смотритъ то на вайделота то на жреца*). Намъ угрожаетъ разореніе, изгнаніе, если узнаютъ, что онъ у насъ цѣлый годъ въ цѣпяхъ томился...

Вайделотъ. Да на какую потребу его цѣлый годъ мы держали?... Сжечь бы его тогда на кострѣ, на радость нашимъ богамъ, и дѣло бы съ концомъ... А то теперь купайся за него!... Еще не прошло двухъ сотъ лѣтъ, какъ изъ далекихъ Пруссъ, отъ своего моря, нѣмецкая погань выгнала сюда Криве-кривейто, жреца жрецовъ, судію судей,—а теперь выгонятъ и отсюда, и придется бѣжать въ Жмудь,—въ дремучіе лѣса...

Жрецъ 1-й. А нѣтъ, такъ къ Кейстуту, въ Троки...

Жрецъ 2-й. Да, пожалуй, и до этого дойдетъ дѣло... Но нужно съ этимъ поганцомъ порѣшить (*показываетъ на Викольта*). Великій нашъ судья приказалъ его до захода солнца отправить ядомъ... (*къ жрецу 1-му*) И такъ, братъ нашъ, исполни волю Криве-кривейта!... Вотъ ядъ (*подаетъ мѣшочекъ*) Не говори ему объ этомъ, а насыпь въ питье, если пить захочетъ, или въ кушанье, если ѣсть захочетъ. Да сыпь побольше... Пусть онъ нечестивый околѣетъ въ страшныхъ судорогахъ... Пусть предсмертныя его мученія будутъ жертвой богамъ нашимъ... пусть тѣло его разорвется на мелкія части!... А какъ издохнетъ, завязать его въ мѣшокъ, да тем-

ной ночью вынести на берегъ и бросить въ Вилію... Пускай быстрая волна умчитъ его въ Нѣманъ, а оттуда на дно морское, и мы спасены...

1-й Жрецъ. Святую волю Крвеи-кривейта я исполню, братъ мой...

2-й Жрецъ. Не даромъ нашъ братъ Гинтовтъ говорилъ намъ, что онъ видитъ въ движеніи сѣверной звѣзды предзнаменованіе для насъ дурное... Но вы еще не знаете, братья мои, что завтра будетъ со святой нашей рощей... Плачьте, рыдайте... молите боговъ нашихъ, да изольютъ они весь гнѣвъ свой на Ольгерда и всѣхъ христіанъ!... Завтра, съ первымъ разсвѣтомъ утренней зари, мы должны очистить и покинуть святую рощу, должны взять все, что намъ священно въ ней... Но если не успѣемъ въ этомъ, насъ выгонитъ дружина Ольгерда.

Вайделотъ. Но какъ мы возмемъ наши вѣковые дубы?

2-й Жрецъ. Ихъ не дадутъ намъ... Ольгердъ приказалъ срубить ихъ и изъ нихъ, на святомъ мѣстѣ, выстроить церковь. Такая же участь постигнетъ завтра святую рощу, какая постигла, лѣтъ двадцать тому назадъ, бога Рагутиса... (1) О, лейтесь—лейтесь ручьями слезы!... Плачьте вѣрные поклонники боговъ Перкуна и Атримпоса!... Пусть эти слезы будутъ вмѣсто чистой жертвы богу Пеклусу, на погибель нечестивыхъ христіанъ! (*Уходитъ съ Вайделотомъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, безъ жреца 2-го и вайделота.

Жрецъ 1-й. Рыдайте всѣ вы, жрецы, вайделоты и вайделотки... служители Перкуна!... Оплакивайте свои тяжкіе грѣхи, которыми вы прогнѣвали боговъ!—Вы достойны наказанія великаго... Въ долинѣ Рога, въ святомъ урочищѣ, гдѣ горитъ нашъ отецъ Зничъ, гдѣ приносились жертвы,—вы сдѣлали вертепъ разврата... Каждый изъ васъ находится въ порочныхъ связяхъ съ вайделотками; каждый годъ рѣка Вилія принимаетъ въ свои воды и выбрасываетъ плодъ вашего разврата... Гнѣвъ нашихъ боговъ справедливъ!... Намъ нечего

(1) Литовксій Вакхъ. Капище его было уничтожено по приказанію великой княгини Маріи Ярославлевны, а на томъ мѣстѣ воздвигнута церковь Пятницкая и была многое время придворной. Впослѣдствіи она долгое время была въ жалкомъ запустѣніи, а унія довела ее до развалинъ, изъ которыхъ въ настоящее время заботами графа Михаила Николаевича Муравьева—явилась—во всемъ великолѣпіи. (Авт.)

роптать на глухоту нашихъ боговъ... Намъ нечего жаловатися, что народъ литовскій якшается съ русинами и охотно перенимаетъ отъ нихъ обычаи и вѣру... и не слушаетъ болѣе у жертвенника предсказаній и рѣчей Криве-кривейта... Намъ нечего жаловаться, что Ольгердъ, вотъ ужъ много лѣтъ, не прислалъ ни одной благодарственной и очистительной жертвы вѣчному Зничу... не бываетъ у насъ и уничтожаетъ капища въ Вильнѣ... Мы сами довели его до этого... Эхъ! не то было при покойномъ великомъ князѣ Гедиминѣ!... Тотъ хоть и покровительствовалъ христіанамъ, да и насъ не забывалъ... За то и тѣло его сожгли мы съ честью... Онъ теперь на небесномъ конѣ разъѣзжаетъ... Пойдти приготовить для этого нечестивца питье сладкое (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Викольтъ одинъ.

Викольтъ. (*Бредитъ во снѣ*) Нѣтъ... нѣтъ!... я останусь съ тобой... Ахъ!... (*Просыпается*). Я еще здѣсь... (*Качаетъ головой, смутно обводитъ глазами всю комнату*). Въ этой душной тюрмѣ... куда ясное солнце едва проглядываетъ слабымъ лучемъ своимъ, гдѣ холодно и сыро! (*Смотритъ на себя*). Еще желѣзныя оковы рѣжутъ мои руки... Еще ржавчина входитъ въ кровь и въ кости!... Уже ли я еще долго промучусь такъ?... Боже христіанскій! я вѣрю въ Тебя... молюсь Тебѣ!... Услышь меня, некрещеннаго, но знающаго Тебя!... Ты видишь мои страданія, муки; возьми меня скорѣй въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ людской ненависти!... гдѣ душа не рвется отъ горести на части и думы не морщатъ чела!... Могила мнѣ дастъ отдыхъ послѣ мучительнаго заключенія... Силы меня оставляютъ, хотя духомъ я еще крѣпокъ... Викольтъ!... Викольтъ! Я не узнаю тебя: ты ли тотъ храбрый витязь, отъ меча котораго валились грудами скверные латинцы, крестоносцы, ливонцы, меченосцы, ляхи?! Ты ли тотъ неустрашимый и смѣлый вождь малой рати, бросавшійся въ многочисленныя полчища татаръ и обращавшій ихъ въ бѣгство?... Стыдъ и горе!... Отчего я не умеръ съ честью на ратномъ полѣ, въ бою, отъ вражеской руки?!... Я бы теперь не томился въ тяжелой неволѣ, прикованный къ этому бревну... Не вижу людей, кромѣ этихъ нечестивыхъ жрецовъ,—моихъ мучителей... Ахъ, Варя, Варя!... гдѣ ты теперь? Ты, быть можетъ, страдаешь не меньше меня... (*Вздыхаетъ*) Только

и радости теперь у меня осталось, что во снѣ... Въ каждомъ снѣ вижу ее, блѣдною, печальною; должно быть, бѣдная, страдаетъ... Вотъ и сегодня видѣлъ ее, говорилъ съ ней, цѣловался съ ней,... летали мы вмѣстѣ надъ какимъ-то большимъ городомъ... Бывалъ я и въ латинскихъ и разныхъ нѣмецкихъ городахъ, но такого не видывалъ. Церквей много, очень много!... И всѣ въ золотыхъ вѣнцахъ горятъ... Потомъ видѣлъ я будто бы латинцы-крестоносцы разоряютъ церкви,—жгутъ.... А церкви какъ будто сами изъ земли выходятъ, да краше прежнихъ. Народъ какой-то собрался на улицахъ, зашумѣлъ—выгналъ латинцевъ изъ города... Звонъ пошелъ большой... У всѣхъ радостныя лица... Гляжу я на городъ, и вижу горы такія же, какъ въ нашей Вильнѣ... только лѣсу нѣтъ дремучаго, да хоромъ такихъ нѣтъ высокихъ и каменныхъ... Гляжу—и рѣчка течетъ между горъ въ большую рѣку... Ну точь въ точь Вильна... Что же это?... Не ужели Вильна такъ скоро перемѣнилась? спросилъ я Варю... А она ничего не сказала, только головой качнула и полетѣла отъ меня... Тутъ я что-то закричалъ, да и проснулся...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Викольтъ и Жрецъ I-й.

Жрецъ 1-й. (*Входитъ съ кувшиномъ въ рукахъ, смотритъ на Викольта. Въ сторону*). Проснулся (*къ Викольту*)... Вотъ тебѣ, доблестный рыцарь Викольтъ, питье... Можетъ хочешь испить послѣ сна?.

Викольтъ. Не хочу...

Жрецъ 1-й. Ну такъ пускай кувшинъ стоитъ здѣсь... коли захочешь пить, онъ будетъ у твоего изголовья...

Викольтъ. Поставь...

Жрецъ 1-й. (*Ставитъ кувшинъ возлѣ изголовья*) Можетъ ѣсть хочешь?—я принесу...

Викольтъ. Не хочу...

Жрецъ 1-й. (*Въ сторону*) Коли не станетъ ѣсть да пить, такъ придется вѣрно задушить его. (*къ Викольту*) Я принесъ тебѣ надгробную слезницу (*показываетъ пузырекъ*), которая почти полна слезъ плакальщицъ по твоемъ покойномъ отцѣ и которую завтра положатъ въ урну вмѣстѣ съ пепломъ покойнаго. Ужели ты не хочешь прибавить къ нашимъ общимъ свою слезу?!...

Викольтъ. Не хочу...

Жрецъ 1-й. (*гордо*) Да что я безумный предлагаю тебѣ... тебѣ-невѣрному отступнику!... Твоя слеза не достойна смѣшиваться съ слезами праведниковъ... Надъ тобой виситъ проклятіе твоего отца и бога Перкуна и богини Праурими.

Викольтъ. (*Съ улыбкой*) За то не лежитъ проклятіе отъ богини Мильды...

Жрецъ 1-й. Нѣтъ, и она прокляла тебя за любовь къ невѣрной...

Викольтъ. Не горячись, вѣрный служитель небывалаго Бога... Лучше выпей вотъ этой воды... Успокоишься тогда.

Жрецъ 1-й. (*Лукаво*) Я-то спокоенъ, мнѣ нечего печалиться; вотъ тебѣ слѣдовало бы этой водой успокоиться...

Викольтъ. Меня успокоитъ не вода, а смерть. Но не радуйтесь, изувѣры, моей кончинѣ! Со смертью, власть ваша на домной кончится. Если бездыханный трупъ мой будетъ въ рукахъ вашихъ, за то душа будетъ не ваша и полетитъ она не къ вашимъ деревяннымъ и каменнымъ богамъ, а предстанетъ предъ истиннымъ Богомъ, предъ Царемъ всѣхъ царей... предстанетъ она предъ Тѣмъ, Кто ее сотворилъ *по* образу и подобію Своему... И скоро настанетъ время, когда за мои страданія Онъ, правосудный, сотретъ васъ съ лица сей земли...

Жрецъ 1-й. Умолкни, нечестивый грѣшникъ; а не то я задушу тебя... (*Дѣлаетъ движеніе къ Викольту*).

Викольтъ. Какъ я тебѣ за это буду благодаренъ!... Чтожъ остановился? начинай?... я въ твоей власти...

Жрецъ 1-й. (*Бросается на него*) Задушу, проклятый!.. издыхай ты, какъ...

(*Въ это время за сценой слышенъ шумъ и грозный голосъ князя Крюка: «Отпирай старый чортъ эту дверь)»*.

Викольтъ. О, Боже милостивый!... Голосъ Крюка?.. Прочь! скверная тварь; (*отталкиваетъ ногой жреца 1-го*). Слышишь? за мной пришли; (*кричитъ*) князь! я здѣсь... сюда!..

Жрецъ. Нѣтъ, я не отдамъ тебя живаго! (*снова бросается на Викольта; происходитъ упорная борьба. Дверь распахивается входитъ князь Ѳ. Крюкъ, Иванъ Яковлевъ и много латниковъ съ сѣкирами*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и князь Крюкъ, Иванъ Яковлевъ и много латниковъ.

Князь Ѳ. Крюкъ. Онъ—здѣсь!...

Викольтъ. Помогите!... спасите... меня душатъ!

К. Крюкъ. Поздно, бездѣльникъ, вздумалъ шутки шутить!... Пошолъ же къ чорту, окаянный! (*закалываетъ мечемъ жреца 1-го, который, застонавъ, падаетъ*) Викольтъ, голубчикъ мой! Насилу я тебя нашелъ!... Благодарю Господа, что во время поспѣлъ я на твое спасеніе!... Молодцы мои ухорскіе!... сбивайте съ рукъ боярина цѣпи... (*два латника сбиваютъ цѣпи*) Ишь, окаянные душегубцы! какъ крѣпко приковали!... Ну - вотъ такъ... Позволь, бояринъ, я помогу тебѣ привстать... Чай давно не стаивалъ на ногахъ? (*поднимаетъ его*). Да, дай поцѣловаться (*они обнимаются и цѣлуются. Викольтъ качается*) Что, видно тяжело стоять?... Павелъ, Иванъ, держите боярина!...

Викольтъ. (*Опираясь на руки латниковъ*) Тяжело и душно... Князь-Ѳеодоръ Петровичъ, какъ Господь тебя надоумилъ отыскать меня?... А я ужъ не чаялъ видѣть тебя!..

К. Крюкъ. Да и я тебя тоже.—Ка бы не Богъ, вразумляющій грѣшниковъ на покаяніе (*бросаетъ гнѣвный взглядъ на Ивана Яковлева, который плачетъ*). Павелъ! принеси изъ сѣней пень дубовый, я видѣлъ его тамъ,—пусть бояринъ сядетъ (*Павелъ уходитъ*).

Викольтъ. А Варя, князь... жива,—здорова?

К. Крюкъ. Не кручинься по ней, бояринъ! Она жива, ты ее скоро увидишь... (*Павелъ приноситъ дубовый пень и ставитъ*). Садись, Викольтъ, успокойся!...

Викольтъ. (*Садится*) Что она вспоминаетъ меня?

К. Крюкъ. Еще бы! Чуть было въ монастырь не ушла... Отецъ ей и келью хотѣлъ строить...

Викольтъ. Такъ пойдемте скорѣе къ ней... къ моей дорогой!...

К. Крюкъ. Погоди, бояринъ, отдохни. Хотя съ сердцемъ-то и не легко сладить, а все-таки ты успокойся спервоначала, —да раскажи мнѣ, какъ и когда здѣсь ты очутился?... А потомъ я тебѣ разскажу, какъ узналъ о тебѣ.

Викольтъ. Въ тотъ же вечеръ, князь, когда мы были у Вари... ты помнишь? (*князь утвердительно качаетъ головой*) пошолъ я домой, на пути зашелъ къ отцу Нестору,

объявилъ о моемъ желаніи креститься, онъ благословилъ меня, прочелъ я у него предъ кіотомъ молитвы и отправился домой. Прихожу къ себѣ въ покои, легъ спать,—не спится, сердце чуть не выпрыгнетъ. Проворочался я съ боку на бокъ до первыхъ пѣтуховъ... потомъ слышу отворилась дверь, вошелъ мой отецъ съ десятью вайделотами... Я не зналъ, что и подумать... Говори, окаянный сынъ, сказалъ мнѣ отецъ, ты принимаешь завтра христіанскую вѣру? Принимаю, отвѣчалъ я твердо... Ну такъ берите его, тащите эту тварь, сказалъ отецъ мой вайделотамъ; тѣ бросились на меня, я началъ искать свой мечь, но его уже не было на стѣнѣ; меня обезоружили, связали мнѣ руки, ноги, завязали глаза, заткнули мнѣ ротъ... и понесли... Съ тѣхъ поръ я томился здѣсь на цѣпи...

Иванъ Яковлевъ. (*Плачетъ*) Ахъ, я окаянный предатель!...

К. Крюкъ. Ну—теперь, бояринъ, очередь за мной; сей часъ разскажу тебѣ все... Вотъ дай съ этой тварью покончить. (*Подходитъ къ жрецу*) Околѣлъ, коршунъ! (*къ латникамъ*) Эй, добрые молодцы мои! вытащите на дворъ эту сѣдую крысу, эту мышь поганую; пусть плакальщицы заводютъ по немъ, пусть этотъ старый плутъ Криве-кривейто принесетъ эту падаль въ жертву богамъ своимъ! (*латники выносятъ тѣло жреца 1-го*).

Викольтъ. Такъ Варя... моя милая Варя здорова?

К. Крюкъ. Здорова, благодареніе Богу!.. Но позволь мнѣ разсказать тебѣ, бояринъ, какъ я нашелъ тебя.

Викольтъ. Охотно, князь.

К. Крюкъ. Вотъ, видишь ли: какъ пропалъ ты,—нѣту день, два, три... вотъ цѣлая недѣля прошла, а тебя нѣтъ какъ нѣтъ! Задумали мы думу крѣпкую, куда это Викольтъ пропалъ?... Великій князь Ольгердъ велѣлъ искать тебя,—а я отъ тоски—не ѣмъ, не пью, не сплю... И пиво не въ пиво, и медъ не въ медъ!... Ищемъ—ищемъ, а тебя все не находимъ. Закручинились всѣ по тебѣ... Тутъ отецъ Несторъ и говоритъ намъ: вѣрно онъ уѣхалъ, говоритъ, въ великій Псковъ—вѣру нашу принимать. Онъ, говоритъ, сказывалъ мнѣ о крещеніи, заходилъ ко мнѣ. У насъ на сердцѣ не много полегчало... А тутъ сватьба подошла,—великій князь женился на княжнѣ тверской... Мѣсяцъ цѣлый пировали-ликовали, проводили гостей тверскихъ. Начали молодыхъ потѣшать забавами, да

охотой... Княжна тверская не охотница до забавъ людскихъ,— больно богомольна! Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ повѣнчалась, а ужъ монастырь Троицкій выстроила для монашеской братіи, (1) да домовую церковь сдѣлала въ верхнемъ замкѣ.—Ну, мы, признаться тебѣ, въ этой радости-то, о тебѣ, бояринъ, и призабыли. Потомъ заслышали мы, что въ нашу землю татары забрели... Великій князь Ольгердъ собралъ рать... Затрубили въ рога, пошли первоначально мы съ дружиной за Мѣдникскія ворота,—знаешь у Остраго конца?... Отецъ Несторъ, со всѣмъ православнымъ соборомъ, отслужилъ намъ съ водосвятіемъ молебенъ Корсунской Божіей Матери,—помнишь, бояринъ, что мы въ Корсуни-то у татаръ отбили?... Еще великій князь Ольгердъ покойной супругѣ своей отдалъ, а теперашняя великая княгиня Іуліанія Александровна Троицкому монастырю *въ даръ принесла*... Монахи поставили ее на Мѣдникскія ворота, окропили насъ святой водой, мы приложились къ иконѣ, поплакали досыта и—бывали таковы! Пыль такую отъ конскихъ копытъ подняли, что словно нашла туча градовая... Настигли татаръ... пошла свалка... татары побѣжали, мы за ними, да до самаго Чернаго моря добрели, въ Золотой ордѣ были... Богачества сколько привезли! страсть!... Тамъ мы и зимовали... А когда возвращались домой, на пути грабителей-крестоновцевъ встрѣтили, они было намѣревались безъ насъ въ Вильну въ гости пожаловать,— да не удалось,—поколотили мы ихъ порядкомъ,—плѣнныхъ литовцевъ нашихъ отбили, которыхъ они успѣли насильно въ латинскую вѣру перекрестить, а тѣ, понимаешь, бояринъ, какъ только очутились у насъ, и давай въ рѣкѣ смывать это крещеніе латинское... *Мы, говорятъ, будемъ сами креститься въ русскую вѣру, а въ этой оставаться не хотимъ*... И вотъ, на дняхъ только мы въ Вильну воротились. Я какъ пріѣхалъ, и спрашиваю о тебѣ; а тутъ какъ на грѣхъ—ни тпру-ни-ну, ни кто ничего о тебѣ не знаетъ, не вѣдаетъ. Великій князь какъ узналъ, что твой и слѣдъ простылъ, разослалъ грамоты. А меня, понимаешь, горе взяло... Ужъ дюжо думалъ, а ничего не надумалъ; былъ и у Варвары Тимофѣев-

---

(1) Въ Твери—есть древняя церковь Бѣлая-Троица за рѣкой Тьмакой, изъ которой провожали Іуліанію Александровну въ Вильну. Въ этой церкви, гласитъ преданіе, она дала обѣтъ — по пріѣздѣ въ Вильну построить церковь во имя Троицы. (Авт.)

ны,—насилу къ ней меня допустили; тоскуетъ, бѣдная, сидитъ молча, пригорюнившись, либо мечется изъ угла въ уголъ, словно ищетъ кого; ничего тоже не знаетъ... Эхъ—ма! дай, думаю себѣ, съѣзжу-ка въ Керново; тамъ говорятъ вѣдьма-колдунья есть,—не знаетъ ли она чего о тебѣ? Грѣшный человѣкъ, поѣхалъ; пріѣзжаю туда, сворачиваю во дремучій боръ, ѣду по тропинкѣ; вдругъ слышу не подалеку кто-то блажью реветъ... точно рѣжутъ кого; я свернулъ коня съ тропинки, пробираюсь между молодымъ ельникомъ, осинникомъ—прямо на крикъ; выѣзжаю на поляну, гляжу на травѣ, растянувшись навзничь, вотъ этотъ соколикъ (*показываетъ на Ивана Яковлева*) роетъ землю и бьется головой... Что ты за человѣкъ? спросилъ я его... Онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на меня дико, да и повалился мнѣ въ ноги... Грѣшный, говоритъ, я, окаянный!... Пришиби, говоритъ, меня только выслушай! Я говоритъ, загубилъ Викольта... У меня и глаза забѣгали. Я, говоритъ, донесъ на него Криве-кривейту, что онъ вѣру нашу хочетъ принять; боярина, говоритъ, схватили... Можетъ и душеньку загубили,—а можетъ томятъ въ тяжкомъ заточеньи... За что же ты, говорю, душегубецъ, донесъ-то на него, изъ какой корысти?... Не изъ корысти, говоритъ, а по досадѣ... Онъ, видишь, бояринъ, служилъ въ прикащикахъ у отца Варвары Тимофѣевны; Варя ему больно приглянулась, а онъ-то ей—вишь—нѣтъ... Да какъ узналъ онъ, что тебя она любитъ, ну и не стерпѣлъ,—пошелъ ябедничать... Хотѣлъ я его злонаманника на томъ же мѣстѣ пришибить, да ужъ такъ спустилъ, не знаю почему... Ну вотъ, я думаю, мѣшкать нечего,—велѣлъ ему идти за мной въ Вильну, прибыли въ Вильну, я сей часъ къ великому князю, разсказалъ ему все. Онъ приказалъ вытребовать тебя у Криве-кривейто. Я взялъ два десятка своихъ молодцовъ-удальцовъ, да къ этому старому плуту... Запирается; не знаю, говоритъ, не вѣдаю, и его (*показалъ на Ивана Яковлева*) не призналъ. Врешь, думаю я. Дружки мои, обыскивайте всѣ строенія, всѣ клева, всѣ подземелья, всѣ амбары... Ну, вотъ и нашли, слава Тебѣ, Царю небесный!... Дай еще обнять тебя и поцѣловать! (*Обнимаются и цѣлуются*).

Иванъ Яковлевъ. (*Въ рыданіяхъ бросается въ ноги Викольту*). Батюшка, бояринъ!... Сними, ты, съ меня тяжкій грѣхъ; не замолить мнѣ его никогда... Ужъ я и въ Кіевъ-то къ святымъ угодникамъ печерскимъ ходилъ молиться

и въ Новгородѣ Великомъ былъ, и въ Москвѣ, и во Псковѣ былъ... все по напрасну! и руки-то на себя я накладывалъ, такъ и смерть не беретъ... Два раза вѣшался,—обрывался; три раза горло надрѣзывалъ,—всегда мѣшали.. Уходилъ въ темный боръ къ звѣрямъ лютымъ, звѣри мимо меня ходили, а не трогали окаяннаго.. Ни о чемъ не думалось мнѣ, только о твоей душенькѣ, бояринъ!... Дрожалъ я, аки листъ осиновый, не отъ холоду, а отъ недуга душевнаго.. Стоналъ я не отъ боли, а отъ кары Божіей... Не подымалъ я очей своихъ на ясное солнце не отъ слѣпоты, а отъ укора совѣсти; обѣгалъ людей, не отъ боязни, а отъ стыда... Бояринъ добрый! взмилуйся надо мной!... Убей ты меня изъ своихъ рукъ, только развяжи ты меня съ грѣхомъ великимъ, чтобы мать сыра земля меня не отвергла... (*Захлебывается въ рыданіяхъ*).

Викольтъ. Встань!... Проси Бога, чтобы Онъ простилъ тебя... А я тебя отъ всей души прощаю...

Иванъ Яковлевъ. (*Хватаетъ его за руку и цѣлуетъ*) Бояринъ добрый!... дай Богъ тебѣ всю свою жизнь не знать ни горя, ни печали!... Снялъ ты съ моей грѣшной души камень тяжелый... Легко мнѣ теперь стало!... Открылся для меня опять свѣтъ Божій!... Безъ кручинушки теперь пойду я къ великому князю Ольгерду, понесу я ему свою повинную головушку на плаху... Пусть по дѣяніямъ моимъ окаяннымъ воздастся казнь позорная!...

Викольтъ. Не хочу я, чтобы за меня христіанская кровь пролилась; не будешь ты казненъ... Я самъ буду челомъ бить великому князю о помилованіи тебя...

Иванъ Яковлевъ. Нѣтъ, добрый бояринъ!.. На что мнѣ теперь жизнь?... Не мила она будетъ... И такъ я намаялся, настрадался... Лучше пусть порѣшатъ со мной... Хотя душа моя и въ аду будетъ, да по крайности тѣло приметъ мать сыра земля... А жить для мученій, да для людскихъ издѣваній не хочу... Вѣдь что я сдѣлалъ окаянный; вы только подумайте, люди добрые!

К. Крюкъ. Ну, да что ужъ тутъ калякать-то по-пусту!... Бояринъ тебя простилъ, какъ повелѣваетъ слово евангельское.. Ну такъ нечего распинаться-то... Теперь тебѣ нужно всю жизнь Господа замаливать о прощеніи... Онъ прощаетъ грѣшниковъ, съ вѣрою раскаевающихся.

Иванъ Яковлевъ. Охъ! не замолить мнѣ грѣшному мой тяжкій грѣхъ!...

К. Крюкъ. Захочешь духомъ смириться, да плоть свою заморить, да съ теплой молитвой обратиться къ Богу, такъ замолишь... А теперь спервоначала иди-ка ты къ Варварѣ Тимофѣевнѣ, выпроси у нее прощеніе, да оповѣсти что Викольтъ живъ и здоровъ... И тебѣ, молъ, красавица кланяется... Сегодня, молъ, къ тебѣ будетъ, только въ замокъ къ великому князю сходитъ да передѣнется. А коли тебя не допустятъ къ ней, возми моихъ двухъ латниковъ... Павелъ иди съ Гаврилой за нимъ!... Скажите, что онъ посланъ отъ меня!..

Иванъ Яковлевъ. (*кланяется*) Твоей милости, княже, слушаюсь... (*Входятъ латники, которые вынесли тѣло жреца*).

Викольтъ. Скажи ей отъ меня низкій поклонъ!...

Иванъ Яковлевъ. (*кланяется въ ноги*) Слушаю, добрый бояринъ!... Дай тебѣ, Мати Пресвятая, всякаго счастья да благополучія; миръ да любовь съ Варварой Тимофѣевной!... Спасибо и тебѣ князь (*кланяется въ ноги князю*), что воскресилъ ты мою душеньку погибшую... Да пошлетъ Господь Богъ вамъ, храбрые доблестные бояре, всякаго благополучія! (*кланяется и уходитъ съ двумя латниками*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же безъ Ивана Яковлева и двухъ латниковъ.

К. Крюкъ. (*къ Викольту*) Дай еще обнять тебя Викольтъ! (*обнимаетъ*) ты поступилъ съ этимъ предателемъ по христіански... За смерть платить смертью слѣдуетъ... Но когда ты слава Богу здоровъ, и живъ, такъ—пусть и онъ живетъ,—авось замолитъ за себя. (*Къ латникамъ*) Ну что же вы, дружки мои, выкинули на дворъ эту погань, которую я въ тартаръ отправилъ?

Гаврило. Выбросили, князь!... Смѣхъ да и только!... Какъ увидали эти окаянные своего собрата мертвымъ, такъ только и видали мы ихъ пятки.—Откуда, подумаешь, прыть взялась?... Всѣ попрятались и зничъ свой бросили, тотъ теперь погасъ...

К. Крюкъ. Завтра взвоютъ они не такъ! Радуйся, бояринъ! завтра изъ святой рощи ихъ выгонятъ, а на томъ мѣстѣ церковь заложатъ. А какъ узнаетъ великій князь, что ты у нихъ сидѣлъ-то цѣлый годъ, такъ, пожалуй, и съ этого

главнаго гнѣзда дубьемъ погонитъ... Ну, бояринъ, чай ужъ отдохнулъ?... Теперь пойдемъ до моего терема. У меня переодѣнешся, доспѣхи надѣнешь, да къ великому князю пойдемъ челомъ бить...

Викольтъ. Готовъ, князь! только меня жажда мучитъ; вели твоимъ латникамъ подать вонъ тотъ кувшинъ съ водой... я напьюсь...

К. Крюкъ. Подайте кувшинъ съ водой боярину. (*Латникъ подаетъ Викольту*).

Викольтъ. (*Пьетъ*) Изнемогъ я здѣсь совсѣмъ!.. Вотъ и прѣсная вода кажется горькой... (*отдаетъ кувшинъ латнику*) Погоди, князь, дай перевести мнѣ духъ... А то еще тяжело дышать... Еще не могу опомниться что я не на волѣ.

К. Крюкъ. Какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай!...

Викольтъ. (*Схватывается за животъ*) Князь... Өеодоръ! что-то тошно мнѣ!... подводитъ животъ!... Сдается мнѣ, что въ водѣ зелье было... я отравился... рѣжетъ!..

К. Крюкъ. Съ нами крестная сила! Господи, помилуй насъ!... Гаврило! бѣги что есть духу въ нижній замокъ притащи живѣе грека врача великокняжескаго!... Да скажи ему, чтобы онъ отъ зельевъ разныхъ, отъ травъ и кореньевъ волшебныхъ, захватилъ снадобья... (*латникъ поспѣшно уходитъ*) Ахъ, проклятые душегубцы!...

Викольтъ. Отравили... Отравили!... Жжетъ... горитъ!.. Князь, будь братомъ... пошли за священникомъ, пусть окреститъ меня, дабы я умеръ христіаниномъ!... Да пошли за Варей!... Хоть глазкомъ на нее бѣдную взгляну въ послѣдній разъ!... Охъ! охъ!...

К. Крюкъ. Наше мѣсто свято! Иванъ! бѣги за отцомъ Несторомъ... попроси скорѣй его сюда, — требу совершить!... (*Латникъ Иванъ уходитъ*) А ты, Игнатій, бѣги за Варварой Тимофѣевной Челноковой! она живетъ на русской половицѣ... Забѣги спервоначало къ ея отцу въ гостинный дворъ, онъ торгуетъ... (*Входитъ Варвара, Иванъ Яковлевъ и два латника*) Викольтъ! Господь услышалъ твою молитву!... Варвара Тимоѳеевна сама пришла...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Те же и Варвара, Иванъ Яковлевъ и два латника.

Варвара. Гдѣ онъ мой голубчикъ?... гдѣ мое красное солнушко?...

Викольтъ. Варя! (*порывается къ ней*).

Варвара. Викольтъ! (*падаютъ другъ другу въ объятія*).

К. Крюкъ. Она ничего не вѣдаетъ... бѣдная!...

Варвара. Не во снѣ ли мнѣ мерещится мое счастье, моя радость... мой желанненькой!... (*Цѣлуетъ его*).

Викольтъ. (*Болѣзненно опускается на пень*) Варя... милая моя!... Ты ничего не знаешь... Охъ!.. Дай мнѣ всмотрѣться въ твои очи передъ смертью!... Я умираю!... Вѣдь меня отравили... отравили зельемъ смертельнымъ!...

Варвара. (*Оторопѣвъ*) Отравили?... отравили?... Какъ отравили?!.. (*смотритъ дико и пристально на Викольта*). И впрямь отравили... злодѣи!... (*плачетъ*) О, Господи, помилуй!.,. Чтожъ это такое?!.. За что же ты, Господи, меня наказываешь... Молилась я Тебѣ, просила я Тебя увидать моего суженаго... Ты услышалъ мою молитву, зачѣмъ же Ты теперь его у меня отнимаешь, на вѣки съ нимъ разлучаешь.

Викольтъ. Варя, милая Варя!.. Не тужи!.. Молись Богу, чтобы въ томъ лучшемъ мірѣ мы увидались съ тобой... Охъ, душно!.. горитъ!... Варя, благослови ты меня... крестнымъ знаменіемъ!... Охъ!...

Варвара. (*Благословивъ его*) Не на радость мнѣ безталанной батюшка съ матушкой жизнь дали!... Не даромъ я молодешенька тосковала, не понапрасну видно кукушечка жалобно куковала!... пролетѣлъ надъ нами черный воронъ!.. Улѣтаетъ мой сердечный другъ далеко!... (*Рыдаетъ*).

К. Крюкъ. (*Къ Ивану Яковлеву*) Что Іуда предатель!... Видишь теперь слѣды дьявольскихъ твоихъ козней?... Бѣги отсюда, нечестивецъ!... Иди, говорятъ,—пока я тебя не разрубилъ!... Э! да что я говорю! что въ смерти твоей!... Нѣтъ, пусть кара Божія постигнетъ тебя какъ Каина... Вонъ!... вонъ, жидъ скверный! (*Иванъ Яковлевъ, качаясь, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же безъ Ивана Яковлева, потомъ Грекъ Врачъ.

К. Крюкъ. Разорвись мое сердце на мелкія части!... Викольта скоро не будетъ съ нами!...

Варвара. (*Благоговѣйно*) Онъ будетъ здѣсь (*показываетъ на сердце*),--здѣсь—у меня... Я уловлю его душу... Мы съ нимъ соединимся и никогда не разлучимся... Я пойду въ монастырь оплакивать его, молиться за него, а послѣ смерти (*показываетъ на небо*) мы будемъ оба тамъ... Тамъ, гдѣ нѣтъ людской зависти, злобы и неправды (*Въ изнеможеніи опускается на полъ и плачетъ. Входитъ Грекъ съ ларчиками*).

К. Крюкъ. (*къ Греку врачу*) Боярина Викольта отравили зельемъ смертельнымъ поганые жрецы. Онъ еще живъ... Коли ты спасешь его, половину моего имѣнія съ угодьями я отдаю тебѣ... Принесъ ли снадобья.

Грекъ-врачъ. Принесъ, князь!.. А гдѣ же то зелье и въ чемъ дали ему?

К. Крюкъ. Вотъ въ водѣ (*подаетъ кувшинъ*); но немѣшкай врачъ, время дорого...

Грекъ-врачъ. (*Смотритъ въ кувшинъ*) У меня есть, князь, снадобье противъ всякаго зелья... Вотъ я попробую, коли оно отъ моего корешка побѣлѣетъ, то благородный рыцарь Викольтъ жить будетъ, а коли нѣтъ, такъ смерть неминучая (*Беретъ изъ ящика, съ которымъ пришелъ, свертокъ и сыплетъ въ кувшинъ, изъ котораго выливаетъ на полъ не много бѣлой жидкости*) Слава Небу! Викольтъ спасенъ! Пусть выпьетъ изъ этого пузырька настоеннаго корешкомъ (*подноситъ пузырекъ къ Викольту*) и живъ будетъ...

Варвара. Спасенъ!?.. Спасенъ, ты говоришъ?!.. Господи! возврати мнѣ Викольта!...

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Святая Роща.

Въ глубинѣ сцены деревянный заборъ, со входомъ безъ воротъ. Возлѣ входа стоитъ четырех-угольный столбъ, на которомъ поставлена каменная ступа, въ ней пылаетъ огонь (*вѣчный зничъ*). По срединѣ сцены возвышеніе, съ ступеньками. На возвышеніи дубовый толстый пень, на которомъ поставленъ идолъ „Перкунусъ“, въ рукахъ у него—въ правой—молніи, въ лѣвой—головни. На право лежатъ дрова, на лѣво догорающій костеръ. За заборомъ, на темпомъ фонѣ, видѣнъ дремучій лѣсъ. На сценѣ полусвѣтъ. Блещетъ молнія, гремитъ громъ...

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Криве, жрецы, вайделоты, вайделотки, гусляры, бурты и народъ.

Криве. (1) (*Въ рукахъ у него двойная кривуля. Онъ стоитъ противъ идола и что-то шепчетъ ему,—дѣлая руками таинственные жесты. Потомъ обходитъ кругомъ идола, кланяется и беретъ изъ рукъ идола головню, зажигаетъ ее у алтарика «вѣчнаго знича» и становится на прежнее мѣсто, къ нему подходятъ сперва вайделотки, потомъ всѣ присутствующіе,—онъ раздаетъ имъ головни. Потомъ Криве становится лицомъ къ идолу*). Святые боги!... Перкунасъ! встрѣчай въ свой домъ вѣчной радости и веселья своего служителя и нашего брата, который съ этого костра ѣдетъ къ тебѣ по орлиной дорогѣ (2) на небесномъ конѣ!... Вы, грозные Атримпосъ и Пеклосъ (3), пошлите моръ и язву на убійцъ его, нечестивыхъ христіанъ!...

(Становится на колѣно и что-то шепчетъ).

Вайделотки. (*Обходятъ идола, окружаютъ жертвенникъ «знича» и подкладываютъ топливо. Двѣ изъ нихъ, золотыми щипчиками, мѣшаютъ огонь; другія двѣ, послѣ ихъ, подходятъ къ алтарику съ золоченными пузырками, изъ которыхъ льютъ поочередно какую-то жидкость, отчего вспыхиваетъ пламя розовое и бѣлое...*

---

(1) Жрецъ и судія: у Криве кривуля или жезлъ былъ вверху съ двумя раздѣленіями на подобіе вилъ.

(2) Млечный Путь.

(3) Атримпосъ—богъ морей и рѣкъ; Пеклосъ-богъ зла. *Литовская мифологія.*

Хоръ вайделотовъ.

„Ты пылай огонь священный
„Яркимъ пламенемъ всегда“.

Гусляры и бурты. (*Гусляры играютъ на цитрахъ, а бурты поютъ лелованіе*).

„Лело... лело... лело... лело... лело!... (Bis).

Хоръ вайделотовъ.

„Освящай насъ правовѣрныхъ,
„Чисто любящихъ тебя“.

Гусляры и бурты.

Лело... лело... лело... лело... лело!... (Bis).

Всѣ вмѣстѣ.

„Ты пылай огонь священный,
„Яркимъ пламенемъ всегда
„Освящай насъ правовѣрныхъ,
„Чисто любящихъ тебя“.

Лело... лело... лело... лело... лело...

Криве. (*Подходитъ къ костру и кладетъ въ него головню*). Ты слышишь, нашъ братъ, по тебѣ наше лелованіе?... (1) Радуйся и веселися, боги встрѣчаютъ тебя у входа своего вѣчнаго царства...

(Гусляры играютъ, бурты повторяютъ лелованіе).

Криве. Тебя убили вчерась скверные христіане;—но за кровь твою наши боги отомстятъ имъ...

(Гусляры играютъ, бурты повторяютъ лелованіе).

Криве. Мы по тебѣ плачемъ и рыдаемъ, твои добродѣтели восхваляемъ...

(Гусляры играютъ, бурты повторяютъ лелованіе).

Криве. (*Наклоняется къ костру и что-то шепчетъ. Ему подаютъ двѣ посудины, одну съ яствомъ, другую съ напиткомъ. Попробовавъ того и другаго, онъ выбрасываетъ по немногу въ костеръ, а посудины отдаетъ*) Да будетъ тебѣ

(1) Лелованіе,—это значитъ ублаженіе, — припѣвъ во время обрядовъ. (Крашевскій).

вѣчно, братъ, тамъ такъ же сладко, какъ это явство и пріятно, какъ этотъ нашъ покъ улусъ (1). (*Всѣ подходятъ къ костру и кладутъ въ него головни*).

Хоръ вайделотовъ.

„Поѣзжай, нашъ брате...
„На небесномъ конѣ...“

Гусляры и вурты...

Лело... лело... лело... лело... (Bis).

Хоръ вайделотовъ.

„Твой покой на златѣ,
„На богатомъ сѣдлѣ“.

Гусляры и вурты.

Лело... лело... лело... лело... (Bis).

Всѣ вмѣстѣ.

„Поѣзжай, нашъ брате...
„На небесномъ конѣ...
„Твой покой на златѣ...
„На богатомъ сѣдлѣ“.

Лело... лело... лело... лело... лело!...

(Вайделотки берутъ кувшины съ водой и заливаютъ костеръ).

Криве. Ну прощай, нашъ братъ, вѣрный поклонникъ нашихъ боговъ (*къ вайделотамъ*). Давайте урну (*ему подаютъ урну и лопатку,—форма которой похожа на желѣзный продолговатый ковшъ, съ отверстіемъ въ боку; имъ онъ сгребаетъ пепелъ и перезженныя кости и кладетъ въ урну*). Ступай, нашъ братъ, съ этаго несчастнаго свѣта, который полонъ всякихъ мерзостей и зла! Ступай на вѣчную радость туда, гдѣ тебя обижать не станутъ ни хищный ляхъ, ни поганый крестоносецъ, ни дикій татаринъ, ни коварный русинъ... Проси нашихъ боговъ, чтобъ они истребили всѣхъ христіанъ, гонителей нашихъ, и уготовь для насъ твоихъ братьевъ веселыя вѣчныя обители! (*Беретъ слезницу изъ рукъ вайделота, приставляетъ ее къ глазамъ своимъ и что-то шепчетъ, потомъ подноситъ слезницу сначала къ вайделоткамъ, а послѣ ко всѣмъ присутствующимъ. Всѣ приставляютъ ее къ глазамъ своимъ*).

(1) Улусъ литовское пиво или брага.

Хоръ вайделотовъ.

„Плачемъ и рыдаемъ
„Тебя вспоминаемъ!

Бурты и гусляры.

Лело... лело... лело... лело... лело!... (Bis).

Хоръ вайделотовъ

„Не оставь насъ, брате
„Въ покояхъ на златѣ“.

Бурты и гусляры.

Лело... лело... лело... лело... лело!... (Bis).

Всѣ вмѣстѣ.

„Плачемъ и рыдаемъ
„Тебя вспоминаемъ,
„Не оставь насъ, брате,
„Въ покояхъ на златѣ!“

Лело... лело... лело... лело... лело!...

Криве. (*Обойдя всѣхъ, обращается къ вайделоту, который держитъ урну*). Задѣлай слезницу! (*Вайделотъ передаетъ урну Криве, а самъ начинаетъ задѣлывать слезницу. Криве держитъ урну и что то шепчетъ надъ ней. Всѣ присутствующіе начинаютъ бормотать,—стучать ножами и проч. визжать, кривляться и вертѣться. Слышно завыванье вѣтра, раскатъ грома*).

Криве. Ты слышишь, нашъ братъ?... Самъ Гардеольдъ (1) тебя встрѣчаетъ на своей колесницѣ?!... Слышишь какъ его дѣти бурно мчатся къ тебѣ?!... Слышишь ли, какой вопль поднимаютъ Дугны (2), Роганы и Мейдзоны... Иди же смѣло въ обитель вѣчнаго счастья и проси боговъ нашихъ о казни всѣхъ христіанъ за смерть свою!

Вайделотъ. (*Подаетъ слезницу Криве*). Готово, отецъ нашъ!

Криве. (*Кладетъ въ урну и обращается ко всѣмъ присутствующимъ*). Волю боговъ возвѣщаю вамъ: живите такъ же, какъ жилъ нашъ покойный братъ Вруба; умирайте такъ, какъ умеръ онъ! Смерть такая пріятна нашимъ богамъ. На насъ теперь гоненіе, и мы должны бороться съ нечестивыми.

---

(1) Богъ бурн и вѣтровъ.
(2) Дугны, водные а Роганы и Мезойны лѣшія дивы.

Если будетъ нужно, сожгите всѣ богатства и пожитки, готовтесь умереть, какъ достойные служители Перкуна! У насъ отнимаютъ и эту послѣднюю святую рощу и даютъ только одну божницу—въ стѣнахъ Криве-кривейто, гдѣ вчера нечестивые христіане осквернили чертоги нашего верховнаго жреца убійствомъ брата нашего, котораго мы сейчасъ леловали и сожгли на святомъ кострѣ. Но время приближается,—скоро пробьется сквозь тѣнистыя священныя дерева роковая утренняя заря, послѣ которой мы оставаться здѣсь не можемъ (*обращается къ вайделоткамъ*). Вы, дѣвы непорочности, служительницы вѣчнаго знича, поклонницы богини Прауриме,—берите этотъ святой камень, гдѣ пылаетъ божественный огонь, несите его съ лелованіемъ въ стѣны нашего верховнаго жреца Криве-кривейта, — онъ приказалъ поселиться вамъ съ тамошними вайделотками. (*Къ вайделотамъ*). Четверо изъ васъ, братья мои, останьтесь здѣсь, окропитесь водой небесной и принесите въ послѣдній разъ жертву хлѣбную святому Перкуну; въ честь его подожгите всю рощу со всѣхъ концовъ и всѣ наши опустѣлыя строенія, потомъ поставьте его на святыя носилки и чрезъ подземный ходъ, что у святаго дуба, перенесите въ стѣны криве-кривейта,—гдѣ будетъ святое сожиганіе тѣла Ренгольда,—отца проклятаго отступника Викольта, за котораго вчера убитъ нашъ братъ Вруба, (*къ буртиникамъ и проч.*). А мы, братья, пойдемъ за непорочными дѣвами во слѣдъ, съ прахомъ нашего брата (*передаетъ урну одному изъ вайделотовъ*), котораго похоронимъ въ кривомъ градѣ, близь нашего отца Знича. (*Кланяется на четыре стороны*). Прощай, святая роща!... Прощайте, святыя деревья!... Плачь вся природа!... Загорайтесь костры священныя!... Потрясись земля и поглоти въ свои нѣдра всѣхъ христіанъ!... О, Пеклусъ... Пеклусъ!... пошли въ Вильну черную птицу, которую зовутъ лютой смертью... Пусть она замахаетъ надъ ней своими страшными крыльями и клювомъ своимъ вольетъ язву въ уста гонителей нашихъ. (*Обращается къ народу*). Начинайте лелованіе и пойдемте!

Вайделотки. (*Подходятъ къ каменной ступѣ, снимаютъ ее, ставятъ на носилки и поютъ*).

„Ты пылай огонь священный,
„Яркимъ пламенемъ всегда
„Освящай насъ правовѣрныхъ
„Чисто любящихъ тебя“. (*Уходятъ*).

БУРТЫ И ГУСЛЯРЫ. (*Несутъ урну*).

„Плачемъ и рыдаемъ
„Тебя вспоминаемъ,
„Не оставь насъ, брате,
„Въ покояхъ на златѣ“.

(*Уходятъ. Раскатъ грома*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

На сценѣ ВАЙДЕЛОТЪ и А. Б. В.

ВАЙДЕЛОТЪ. (*Беретъ кувшинъ, и дубовой вѣткой окропляетъ себя и другихъ. Потомъ всѣ перепоясываются бѣлыми поясами и, сдѣлавъ изъ дубовыхъ листьевъ 4 вѣнка, кладутъ на свои. головы и кланяются по 3 раза, что то нашептывая, — явственно только слышно: Перкунусъ... Атримпусъ... Пеклусъ*).

ВАЙДЕЛОТЪ. Давайте хлѣбъ и соль! (*Ему подаютъ*). Зажигайте жертвенникъ (*одинъ изъ вайделотовъ подаетъ маленькій котелокъ, кладетъ туда топливо и зажигаетъ его головней. Когда старшій вайделотъ разноситъ хлѣбъ и бросаетъ его съ солью въ котелокъ, то трое входятъ на возвышеніе и держатъ котолокъ. Старшій вайделотъ кланяется идолу, беретъ котелокъ и ставитъ на голову идола, потомъ всѣ сходятъ и падаютъ ницъ*).

ВАЙДЕЛОТЪ. О, боги! внемлите нашему моленью, спасите насъ отъ гоненія нечестивыхъ христіанъ!

А. Святой Перкунусъ! затми лучезарное солнце, да не проглянетъ оно вѣчно сквозь грозныя тучи на Вильну!

Б. Святой Атримпусъ! повели морямъ и рѣкамъ выступить изъ береговъ своихъ и потопить гонителей нашихъ.

В. О, Пеклосъ... Пеклосъ!... Выдь изъ своего подземнаго царства и накажи зломъ скверныхъ христіанъ! (*Ударъ грома и молнія*).

ВАЙДЕЛОТЪ. Умолкни всякая тварь, дышущая на землѣ!... Ударьте громы, лейтесь слезы небесныя!... О, святой Перкуне!... Тебѣ приносимъ мы жертву, услышь наши стоны и вопли! Порывистой молніей обрати въ прахъ и уголь всѣ дома христіанскіе и всѣ божницы ихъ. Сокруши ихъ, непризнающихъ твоего божества, громомъ! (*Молнія ударяетъ прямо въ идола съ страшнымъ трескомъ. Истуканъ, на мгновенье обдаетъ голубой огонь, потомъ онъ валится съ пня,*

который тоже разваливается на четыре части. Вайделоты въ ужасъ падаютъ).

Вайделотъ. (*Становясь на комьна*). Молитесь... молитесь братія!—Божество съ небомъ соединяется. (*Слышенъ звукъ рожка. Всѣ въ смятеніи отступаютъ къ забору*). О, горе намъ!... Конецъ насталъ!... Спасайтесь братія!... давайте носилки!.. Это рожокъ великокняжеской дружины; она перебьетъ насъ. (*Звукъ рожка повторяется*). Носилки... носилки... братія!... (*Ударъ грома и рожекъ. А. Б. В. въ испугѣ убѣгаютъ*). Трусы проклятые, убѣжали, меня одного оставили!... Будетъ вамъ отъ Кривс-кривейты. Ну какъ я одинъ понесу?... Чего добраго наткнешься на дружину, отобьетъ его... да и меня на тотъ свѣтъ отправитъ... Развѣ въ подземелье пока спрятать?... послѣ можно... (*Рожокъ слышенъ не въ далекомъ разстояніи*). Уже близко невѣрные... Ну, святой Перкунъ, ты соединился съ небомъ, — проявиже свое божество въ гнѣвѣ и покарай смертельнымъ недугомъ нечестивцевъ намѣревающихся осквернить твой храмъ. (*Рожокъ слышенъ очень близко. Вайделотъ поспѣшно уходитъ; на сценѣ свѣтаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена нѣсколько времени пуста, потомъ вбѣгаетъ Илюша.

Илюша. (*Вбѣгаетъ съ рожкомъ, прыгаетъ и прихлопываетъ въ ладоши*). Кшми... кшми!... Спугнулъ... разбѣжались... гу, гу, гу, да, да, да,.. меня испугались... (*Смотритъ на идола*) Э!... Э!... Кшми... кшми... что это ты дядя разлегся?... Али недужится?... али пивка выпилъ?... а?... Али глухъ сталъ?... Али спишь?... Такъ я разбужу (*Трубитъ ему*). Не слышишь? оглохъ?... проснись, говорятъ тебѣ, посмотри, вотъ дубровушка, точно матушка. Новымъ свѣтомъ облачилася... Ну спи, отдохни... Пора отдохнуть!... Я тебѣ пѣсеньку спою... (*поетъ*).

„Чурбанъ,
„Болванъ,
„Баюшки баю...
„Баюшки баю...

Что? вѣрно не по нутру тебѣ эта пѣсенька, а? ась? громче говори, не слышу... кшми... кшми. . (*хлопаетъ и кривляется*). Не гнѣвись на меня... не боюсь, не страшно. (*Плюетъ ему*

въ глаза), го... го... го... да.. да... да... Отдохни, отдохни, голубчикъ, и я отдохну; усталъ! бѣжавши ужъ я думалъ, что опоздалъ—анъ ни кого нѣтъ, кромѣ твоей милости, дядя... (*Отходитъ къ дровамъ и ломится*). Вотъ мы по тебѣ поминки устроимъ... только, дядя, плакать не станемъ... а можетъ и заплачемъ такъ не по тебѣ... Да... да... да... не по тебѣ... (*Слышенъ въ отдаленіи раскатъ грома*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илюша и Иванъ Яковлевъ.

Иванъ Яковлевъ. (*Входитъ, озираясь кругомъ*). Куда я это забрелъ окаянный. Никакъ въ капище?... Ну такъ и есть!... У дьявола... Вонъ онъ и самъ лежитъ... Ни кого нѣтъ здѣсь!?... Страшно, батюшки, страшно!... Все кто то шепчетъ мнѣ... что-то страшное, про муку вѣчную, про смолу кипучую... Въ ушахъ свистъ то такой... въ глазахъ все покойники мерещатся... Проклятый я... душегубецъ!.. Ужъ коли Богъ и люди отступились, не уже-ли и дьяволъ отступится?.. Попытаюсь, а вось онъ покончитъ со мной скорѣе другихъ (*развязываетъ поясъ и дѣлаетъ петлю на шеѣ*).

Илюша. Въ такое время и дьяволъ прячется... кшми... кшми... Его и съ фонаремъ теперь не найдешь.

Иванъ Яковлевъ. (*Испугавшись, отступаетъ къ забору*). Ай... Кто тутъ?... Кто тутъ?...

Илюша. (*Вскакиваетъ и прыгаетъ*). Не кричи, Ванюша... не кричи... а не то неравно дядю разбудишь (*показываетъ на идола*) Прибьетъ тебя... го... го... го... да... да... да!...

Иванъ Яковлевъ. Это ты, Илюша?... За чѣмъ ты!

Илюша. Кшми... кшми... А ты зачѣмъ?...

Иванъ Яковлевъ. Я?... да... такъ...

Илюша. А я такъ, Ванюша, не такъ... не такъ... Вотъ небо очищается, тучи разбѣгаются, загорится зорюшка, проглянетъ красно солнышко, обольетъ оно своимъ свѣтомъ добрыхъ людей, которые придутъ сюда... А ты не добрый Ванюша... кшми... кшми... нѣтъ... нѣтъ!... Ты Бога прогнѣвилъ... И тебя Богъ забылъ... да... да... да...

Иванъ Яковлевъ. По дѣламъ мнѣ окаянному...

Илюша. Ты вѣдь грѣшникъ?!...

Иванъ Яковлевъ. Охъ, батюшка! грѣшникъ... великій грѣшникъ!...

Илюша. Кшми... кшми... Такъ за чѣмъ же ты, Ванюшка, петлю-то дѣлаешь... Али воробьевъ хочешь ловить?...

Иванъ Яковлевъ. *(Мутно обводитъ глазами).* Петлю?... какую петлю?...

Илюша. А что въ рукахъ-то у тебя...

Иванъ Яковлевъ. *(Отворачивается отъ него).* Да такъ... поясъ мой, хочу на немъ покачаться... провѣтриться... чтобы тѣло съ душенькой разсталося...

Илюша. *(Тихо подходитъ къ Ивану Яковлеву и трубитъ изъ рожка подъ самое ухо).*

Иванъ Яковлевъ. Ай!... охъ!... охъ!... *(бѣжитъ къ забору).*

Илюша. Что ты испугался, Ваня?... Чего ты боишься?.. Звуковъ моего рожка?... Это вѣдь еще не небесный рожокъ... Вотъ какъ затрубятъ на небеси, тогда пугайся! .. А теперь, Ванюшка, молись Богу... молись Богу... да, да, да... молись Богу... А на дьявола плюнь... Кшми... кшми... плюнь на него!... Вотъ такъ *(плюетъ на идола).*

Иванъ Яковлевъ. Не замолить мнѣ прощенія во грѣхахъ моихъ... Вѣдь грѣхъ—отъ великъ.

Илюша. Господь то пришелъ на землю не для праведниковъ, а для грѣшниковъ... Молись и ты... Да постранствуй по святымъ мѣстамъ... Сходи къ намъ въ Кіевъ.

Иванъ Яковлевъ. Вѣдь чрезъ меня вчерась душенька погибла Викольта... Охъ, горе мое!... Вѣдь я проклятой...

Илюша. Анъ не погибла... кшми... не погибла... Викольтъ живъ... да, да, да... живъ. Вчерась окрестился... святыхъ таинъ пріобщился... да на Варенькѣ женился... да, да, да... на Варварѣ Тимофѣевнѣ... Го, го, го!.. И тебя, Ванюша простилъ.... я знаю... простилъ кшми... я знаю... я вѣдаю... Его теперь Николаемъ величаютъ.

Иванъ Яковлевъ. Батюшка, Илья Кузмичь!... Божій ты человѣкъ!... Не томи напрасно, а скажи ты мнѣ поистинѣ... Не уже-ли живъ Викольтъ?... Вѣдь его вчерась отравили... Зельемъ напоили...

Илюша. Богъ его спасъ, Ванюша... Богъ спасъ... онъ живъ... да, да, да... живъ, здоровъ... Тебя не проклинаетъ, а частенько вспоминаетъ.

Иванъ Яковлевъ. Неужели?!... Батюшка, Илья Кузмичъ, рабъ Божій! (*кланяется въ поясъ*). Видно самъ Богъ послалъ тебя на мое спасенье... Вѣдь я руки хотѣлъ на себя наложить, окаянный... удавиться хотѣлъ... А теперь, пусть что будетъ, то будетъ... Пойду я опять къ боярину Викольту, упаду я ему на землю, буду просить его неизмѣнно, что бы онъ простилъ меня, потомъ надѣну сумку свою и пойду я въ обитель къ угодникамъ, поступлю въ монастырь... буду плакать и молиться... за добрыхъ людей, а кольми паче за себя... (*кланяется и хочетъ идти*).

Илюша. Постой, Ванюша, помѣшкай!... Ты погляди на небо!—видишь, какъ ясно сдѣлалось? Зорынька загорѣлась. (*Вдали слышна музыка*) Слышишь музыка играетъ?... Дружина князя идетъ... И Викольтъ, въ православіи Николай, придетъ, и Варя придетъ, всѣ придутъ.., молиться будемъ... рубить дубы будемъ, церковь строить будемъ... (*сквозь слезы*) радоваться будемъ. И ты не уходи...

Иванъ Яковлевъ. Но какъ я буду смотрѣть на честныхъ людей?...

Илюша. Глазами, Ванюша... глазами... Вѣдь ты еще не ослѣпъ... Бѣда слѣпымъ быть, а зрячимъ не бѣда... да, да, да... не бѣда...

(*Входятъ трубачи, за ними латники, съ сѣкирами и мачугами, потомъ царедворцы, тѣлохранители, рыцари. Викольтъ въ бѣломъ дорогомъ костюмѣ и красныхъ сапогахъ, съ крестомъ на шеѣ, Варвара, кн. Крюкъ, неизвѣстный бояринъ съ хоругвью въ рукахъ, на которой блеститъ золотой крестъ. Разный народъ. Войско и народъ не входятъ въ капищѣ, а остаются за заборомъ у входа*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Крюкъ. (*къ народу и войску*) Православный народъ! Великій князь самъ скоро сюда прибудетъ, со всѣмъ своимъ дворомъ и духовенствомъ, а теперь, православные выслушайте грамоту великаго князя... Вотъ бояринъ ее прочтетъ...

Неизвѣстный бояринъ. (*Развертываетъ свертокъ и читаетъ*). Вѣдомо да будетъ каждому, что мы великій князь Литвы и Руси Ольгердъ,—во святомъ крещеніи Александръ, заботясь о спасеніи душъ человѣческихъ, ввѣренныхъ неутомимому попеченію нашему, повѣлеваемъ уничтожить въ этой рощѣ языческое капище, очистить и освятить это мѣсто и

изъ бѣлаго камня и вѣковыхъ дубовъ выстроить церковь въ честь Пречистыя Богоматери, для дома молитвы нашей и нашихъ подданныхъ литвиновъ и русиновъ и гостей русскихъ, нашихъ старшихъ братьевъ, отъ которыхъ мы приняли и вѣру, и обычаи, и языкъ—на погибель идолопоклонству, которое просимъ Бога со всѣмъ искоренить въ нашей странѣ и водворить христіанство *(перестаетъ читать и обращается къ присутствующимъ)*. И такъ, православные христіане, вознесемъ молитву къ Богу! Будемъ просить Его, что бы Онъ не попустилъ навѣтовъ вражьихъ на церковь православную отъ рукъ ляховъ, ливонцевъ, крестоносцевъ, татаръ... И пусть два брата по крови, языку, будутъ братьями и по вѣрѣ! *(Преклоняется на одно колѣно и держитъ хоругвь)*.

К. Крюкъ. Аминь!...

(Войско, народъ и всѣ присутствующіе благоговѣйно преклоняютъ колѣни).

С. Калугинъ.

Вильна 1866 года.

Конецъ.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЕНГЕРСКИХЪ РУСИНОВЪ *).

До 1850 г. животворный духъ народности не проникалъ въ нашу угорскую Русь. И хотя нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ священниковъ и одушевляло чувство народности и любовь къ своему племени; однакожъ подъ нравственнымъ и физическимъ гнетомъ, не могъ нашъ народъ являть никакихъ знаковъ народной жизни. Пропитанные въ школахъ и общественной жизни латино-мадіарскимъ духомъ,— наши священники безсознательно несли ярмо духовной неволи. Во время мадіарскаго мятежа въ 1848 и 1849 годахъ, почти всѣ русскіе наши священники явились весьма ревностными пособниками мадіарскому дѣлу, другіе по нуждѣ и по натиску обстоятельствъ. Тѣ, которые съ цѣлымъ сердцемъ прильнули къ мадіарамъ, проповѣдями, уговариваніями возбуждали народъ русскій къ мятежу, являясь во главѣ вооруженныхъ гражданъ. У прочихъ народовъ Венгріи, Сербовъ, Словаковъ и Румыновъ, менѣе или болѣе, уже возбуждено было народное чувство и самопознаніе; потому они взялись за оружіе противъ мадіаръ, желавшихъ поработить и уничтожить всякую туземную народность, и на могилѣ Славянъ и Румыновъ основать мечтательное свое государство отъ Карпатъ до Адріатическаго моря! Одинъ только простой русскій народъ, будучи бѣдною, темною и безсознательною массой, хотя и не слишкомъ горячился за дѣло мадіаровъ, но и не возставалъ противъ нихъ. Мукачевскій епископъ Поповичъ былъ ревностнымъ приверженцемъ мадіаровъ, и не только всѣ приказанія и наставленія

*) Мы весьма рады, что венгерскіе русскіе такъ свободно владѣютъ обще русскимъ литературнымъ языкомъ. Еслибъ имъ подражали разные К. Д. и другіе, то на львовскомъ сеймѣ не смѣли бы поляки сказать русскимъ, что у нихъ нѣтъ выработаннаго литературнаго русскаго языка, который можно было бы избрать оффиціальнымъ сеймовымъ языкомъ.

Въ письмѣ, при которомъ мы получили эту статью, авторъ ея вотъ что пишетъ, между прочимъ.... При семъ увѣдомляю Васъ, что у насъ въ Венгріи, нѣтъ русскихъ, оставшихся вѣрными православію, за то вѣрю, что Вы намъ, хотя и унитамъ, не откажете въ своей любви;—тѣмъ болѣе, что всѣ наши лучшіе люди, усердно любящіе свою народность, убѣдились въ томъ, что унія только поработила насъ и отняла отъ насъ автономію.... Впрочемъ я постараюсь обширно и искренно познакомить Васъ съ состояніемъ нашей церкви... и проч...

Мукачевъ 25 января 1866 г.

народнаго мадiарскаго правительства вѣрно исполнялъ и подчиненное себѣ духовенство къ дѣятельному участiю въ защитѣ свободы и независимости края воззывалъ; но и самъ-своимъ личнымъ усердiемъ прiобрѣлъ себѣ славу отличнаго патрiота у мадiаровъ. Многiе изъ воспитанниковъ—богослововъ поступили въ войско, будучи обнадежены епископомъ, что, по окончанiи войны, опять будутъ приняты въ число духовенства; что со многими и сталось послѣ мятежа. Что возбуждало бл. памяти епископа такъ ревновать въ пользу мятежа: искреннее ли сочувствiе мадiарамъ, понудительныя ли обстоятельства, или онъ, въ случаѣ удачнаго рѣшенiя мятежа, видѣлъ залогъ улучшенiя участи нашего народа?— Это не вполнѣ извѣстно.

По усмирѣнiи мятежа, отправлена была депутацiя, состоящая изъ 6 мужей, и представила вѣнскому правительству желанiя руссиновъ, въ которыхъ просила обезпечить права своей народности заведенiемъ русскаго языка въ школы и присутственныя мѣста въ странѣ, заселенной чистымъ русскимъ народомъ, и также соединенiя венгерской Руси съ галицкою въ одинъ русскiй край. Депутацiя была принята ласково и все обѣщано русскому народу, въ силу конституцiи и равноправности, данной отъ 4 марта 1849 года всѣмъ австрiйскимъ народамъ. Но эта конституцiя и австрiйская народная равноправность, вынужденная грознымъ требованiемъ обстоятельствъ,— по кратковременности своей и малочисленности образованныхъ русскихъ людей, не могла принесть желаемаго блага нашему народу. Но все таки исходъ 1849 и 1850 году, мы можемъ назвать эпохою въ скудной лѣтописи нашей народной жизни. Многiе изъ русскихъ получили службу, чего прежде, когда дворянинъ лишь могъ занимать должность, и при томъ мадiаръ-латинской или протестантской вѣры,— не бывало. Священникамъ нашимъ назначено жалованье, дополнительное до 300 гульденовъ, въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ не выручалось этой суммы съ доходовъ прихода. Въ ужгородской гимназiи катехизисъ и нѣкоторые другiе предметы преподавались на русскомъ языкѣ; но это русское преподаванiе, за исключенiемъ катехизиса и грамматики русскаго языка, въ одинъ годъ прекратилось. Ученики гимназiи ужгородской уже не были принуждены ходить въ латинскую церковь, а ходили въ свою русскую каждый день и по воскресеньямъ. Въ семинарiи, отъ 1853 до

1858, все богословскія науки преподавались, вмѣсто латинскаго языка, на русскомъ языкѣ. Но латинскій митрополитъ Остригомскій, которому подчинены двѣ наши русскія епархіи, просилъ нашего епископа Поповича,— велѣтъ запретить русское преподаваніе и замѣнить его латинскимъ. Епископъ извинялся слабымъ знаніемъ латинскаго языка воспитанниковъ своихъ, не получившихъ, при настоящемъ слабомъ преподаваніи его въ гимназіяхъ, достаточнаго упражненія въ немъ; вслѣдствіе чего воспитанники теперь одинъ только годъ обучаются латинскому языку. Отъ 1850 года епископомъ Поповичемъ, вмѣсто мадіярскаго, введенъ русскій языкъ при епархіальномъ управленіи въ Ужгородѣ (Ungvar); въ которомъ городѣ наши мукачевскіе владыки отъ 1777 года имѣютъ свое мѣстопребываніе. Сгараніемъ Адольфа Добрянскаго, по должности пребывавшаго тогда въ Ужгородѣ, имена улицъ были названы не только по мадіарски и по нѣмецки, но и по русски. Эти русскія названія улицъ чрезмѣрно кололи глаза мадіарамъ, и при данной свободѣ 1860 года первою заботою мадіаръ было — замѣнить ихъ чисто мадіарскими. Явились начатки и литературнаго движенія, въ главѣ котораго стоялъ Александръ Духновичъ (1865) канонивъ Пряшевской епархіи, издавшій въ 1850 году маленькій мѣсяцесловъ и 1851 году «Поздравленіе Руссиновъ»,— тоненькій сборникъ стиховъ и прозы. Сверхъ того издавалъ онъ русскій букварь, молитвенники и мѣсяцесловы. Кромѣ незабвеннаго у насъ отца Духновича, Андрей Балудянскій, канонивъ мукачевской капитулы, глубокоученый мужъ, павшій жертвою неусыпнаго трудолюбія, издалъ церковную исторію, въ коей онъ, на сколько лишь возможно уніату, защищаетъ права восточной церкви и неприкосновенность, святость обряда ея. Издалъ онъ свою церковную исторію на трехъ языкахъ—на латинскомъ, польскомъ на мадіарскомъ, и въ 1852 г. на русскомъ; это послѣднее изданіе исполнено въ болѣе пространномъ объемѣ. Уваженія и признательности достойны и труды прилежнаго труженика нашего въ вертоградѣ Христовомъ Андрея Поповича, издавшаго букварь, учебникъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, а въ этомъ году «Великій Сборникъ» пѣсней церковныхъ на весь годъ, съ картинами праздниковъ, *«какъ»* (по словамъ предисловія) *«памятникъ церковному языку, спасшему русскую народность отъ погибели.»* Эти дѣятели наши заслуживаютъ тѣмъ большаго признанія и благодарности, что

издавая книги, они не только кладутъ на олтарь своей народности, но и имуществомъ своимъ жертвуютъ во благо церкви и народа, такъ какъ рѣдко покрываются,— при изданіи у насъ русской книги,— даже издержки печатанія. Изъ пламенной любви къ народу, занимаются еще у насъ литературными трудами: Александръ Павловичъ священникъ пряшевской епархіи; Николай Гомичковъ русскій учитель при ужгородской гимназіи, издавшій учебникъ вѣроученія; Александръ Гомичковъ, издававшій на 1864 и 1865 годы мѣсяцесловы, Анатолій Кралицкій—іеремонахъ, помѣщающій свои статьи въ галицко-русскихъ повременныхъ изданіяхъ, Иванъ Рѣпаевъ, издавшій «*народное господарство* (хозяйство)» и Кириллъ Сабовъ, издавшій учебникъ грамматики русской, подъ заглавіемъ: *Грамматика письменнаго Русскаго языка,* съ краткимъ русско-мадіарскимъ словаремъ.

Но всѣ эти предпріятія и усилія передовыхъ нашихъ людей, преимущественно труды незабвеннаго Духновича, хотя относительно и способствовали первоначальному нашему народному движенію; но все таки не могли всецѣло разсѣять мертвящаго равнодушія и нерѣдко противодѣйствія большей части нашего духовенства, съ какимъ оно относилось къ народному дѣлу. Мало было такихъ, которые проникнуты были русскимъ духомъ; большая же часть священниковъ и немногихъ свѣтскихъ образованныхъ людей— были ослѣплены блескомъ мадіаризма и вмѣстѣ съ мадіарами ожидали лучшихъ временъ! Семейства нашимъ священниковъ до того омадіяризованы, что русскій языкъ совсѣмъ изгнанъ изъ круга ихъ. Особенно женскій полъ нашихъ священниковъ на столько чуждъ нашей церкви и народности, что даже и молитвы свои не совершаетъ на языкѣ нашей церкви. Наши священники, не покупая рѣдко являющуюся у насъ русскую книгу, въ тоже время ревностно покровительствовали деньгами, добытыми трудомъ и потомъ русскихъ людей, мадіарской литературѣ, такъ что мадіары нашихъ священниковъ стали величать отличными сынами отечества и апостолами мадіарской письменности. Епископъ Поповичъ хотя и любилъ свою народность, и въ частныхъ случаяхъ возбуждалъ свое духовенство въ любви къ народности, но не смѣлъ показаться открытымъ поборникомъ русской народности, боясь потерять свою репутацію предъ мадіарами.

Поднятъ былъ у насъ и вопросъ народнаго образованія;

издано мною распоряженій свѣтской и духовной властей о заведеніи сельскихъ школъ. Но частію по нерадѣнію приходскихъ священниковъ, частію же по слабому содѣйствію должностныхъ лицъ,— народное образованіе очень мало подвинулось у насъ. И въ тѣхъ школахъ, которыя были уже устроены,— ученіе шло не удовлетворительно, безсмысленно. Обыкновенно чтеніемъ, изученіемъ истинъ вѣры и затверживаніемъ молитвъ ограничивалось все школьное образованіе нашего народа. По выходѣ изъ школы, кое-что научившіеся скоро позабыли и читать, такъ что и нынѣ не много такихъ поселянъ, кои бы знали читать, а еще меньше писать. Причины такого дурнаго состоянія нашихъ народныхъ школъ: не образованность и не способность нашихъ дьячковъ, занимающихъ во многихъ селахъ должность учителей, скудное жалованье ихъ отъ поселянъ, нерасположеніе простолюдиновъ къ грамотности и непосыланіе дѣтей въ школу зимою, за не имѣніемъ обуви и теплой одежды, а лѣтомъ—по причинѣ употребленія дѣтей въ полевыхъ работахъ,— неимѣніе учебниковъ и проч.

Такъ какъ молодежь, по воспріимчивости своей природы, легко усвояетъ себѣ новыя идеи,— то и наша учащаяся молодежь стала мало по малу одушевляться чувствомъ народности. Съ 1857 года въ ужгородской семинаріи, въ которой воспитанники двухъ нашихъ епархій получаютъ богословское образованіе,— духъ русскій началъ водворяться; всѣ лучшіе воспитанники были на сторонѣ русской народности и съ великимъ усердіемъ предавались изученію русскаго языка, по нѣмецко-рускимъ грамматикамъ Шмида, Павловскаго и Больца. Воспитанники даже хотѣли между собою учредить общество, съ цѣлью самообразованія и усовершенствованія себя въ русской письменности. Но всѣ ихъ усилія, за недостаткомъ поддержки со стороны наставниковъ и настоятелей, и даже по противодѣйствію ихъ,— были, къ несчастію, уничтожены.

Въ епархіи мукачевской, за принятіемъ лишнихъ воспитанниковъ, такъ размножилось число духовенства, что окончившіе курсъ богословія и рукоположенные молодые священники, только по истеченіи 5, 6 лѣтъ отъ рукоположенія, могли получить приходы. Это зло, впрочемъ, послужило къ добру нашему народу. Консисторіею 1861 года установлено нормальное число духовныхъ воспитанниковъ, и стипендіи, употребляемыя на содержаніе ихъ,— розданы свѣтскимъ юношамъ, окончившимъ курсъ гимназіи и отправлющимся въ универси-

тетъ, или въ академіи, для слушанія законовѣденія. Этою благомудрою мѣрою многіе изъ нашихъ учащихся частію принуждены были идти въ свѣтское званіе, частію же, получивъ денежное пособіе, могли и бѣднѣйшіе—продолжать свое научное образованіе. Такимъ образомъ, если Господь сохранитъ эту надежду—молодежь нашу отъ мадіарской заразы,—мы будемъ имѣть и свѣтскую интеллигенцію, малочисленность которой у насъ крайне поразительна.

Въ Пряшевѣ же, усердными жертвами тамошняго духовенства, основано воспитательное заведеніе, подъ именемъ «св. Іоанна Крестителя,» въ которомъ бѣдные и даровитые мальчики,— въ настоящее время болѣе 30, учащіеся въ гимназіи, получаютъ жилище, столъ и одежду, или совсѣмъ безплатно, либо за самую малую плату.

Но обратимся отъ этой внутренней, мрачной работы нашихъ народныхъ дѣятелей ко внѣшней, политической жизни нашего народа.

Не безъ скорбнаго воспоминанія прошумѣли для насъ годы 1861 и 1865,, когда и мы старались избрать представителей народныхъ на сеймъ пештянскій. Но какъ 1861 года, такъ и въ истекшемъ 1865, намъ лишь горькая неудача досталась въ удѣлъ. Въ 1861 году полмилліонный нашъ народъ, не смотря на законъ, въ силу котораго на 30 тысячь душъ приходится одинъ посолъ,—мы имѣли на сеймѣ только трехъ представителей, изъ которыхъ одинъ, передовой поборникъ нашихъ народныхъ правъ, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій, безпричинно былъ отвергнутъ сеймомъ. Послѣ распущенія сейма, Добранскій отнесся съ воззваніемъ къ мукачевской консисторіи, чтобы она, вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, дала ему, или кому нибудь другому,—уполномоченіе представить вѣнскому правительству желанія русскаго народа и выхлопотать обезпеченіе правъ народности нашей. Но консисторія, не находя такое уполномоченіе и представленіе сходнымъ съ духомъ конституціи, и боясь нареканій мадіаровъ, отвергла предложеніе Добранскаго, довольствуясь посланіемъ къ императору австрійскому просьбы о томъ, что бы онъ предложилъ будущему сейму, въ королевскихъ пропозиціяхъ, желанія угорскихъ (венгерскихъ) русиновъ, для обезпеченія ихъ народныхъ правъ, наравнѣ съ другими національностями.

Время, протекшее между 1861 и 1865 годами, нѣсколько благопріятствовало намъ. Правительсто видя упорную неуступчивость мадіаровъ на сеймѣ 1861, не хотѣвшихъ и одною сотою пожертвовать изъ своихъ законовъ въ пользу единой Австріи,—стало, для противодѣйствія мадіарамъ,—угождать прочимъ немадіарскимъ народностямъ. Такъ, заведены въ ужгорской гимназіи, для русскихъ учениковъ, двѣ русскія каѳедры для исторіи и для русскаго языка. Многимъ чиновникамъ русскаго происхожденія даны высшія мѣста; два русина были назначены начальниками комитетовъ морамирашскаго и ужанскаго, и что удивительнѣе, одинъ изъ нихъ, Александръ Негребецкій, возвышенъ въ санъ наджупона ужанскаго комитета, въ какомъ достоинствѣ русскій человѣкъ у насъ еще никогда не бывалъ. За это возвышеніе Негребецкаго мадіары чрезмѣрно злились, и теперь еще злятся, и клеветами, доносами и всякими, злобою внушенными, мѣрами стараются низвергнуть его съ этого высокаго сана, на которомъ они никакъ не могутъ терпѣть русскаго плебея, сына русскаго священника.

Но правительственная политика выжиданія не могла устоять противъ страдательнаго дружнаго отпора мадіаровъ. Видя, что мадіары своею сосредоточенною силою, богатымъ дворянствомъ, многочисленнымъ образованнымъ сословіемъ,—составляютъ, при слабомъ еще развитіи прочихъ народностей, ядро и силу Венгріи, правительство покинуло не мадіарскій народъ и бросилось въ объятія мадіаровъ, для достиженія предположенной цѣли устройства, безъ ущерба Австріи, государственныхъ отношеній Венгріи къ Австріи. Эта примирительная политика относительно мадіаровъ и предоставленіе имъ всего административнаго вліянія, была главною причиною того, что на настоящимъ сеймѣ русины имѣютъ только одного истинно-русскаго посла А. И. Добрянскаго, а словаки, коихъ считается больше 2-хъ милліоновъ, не имѣютъ ни одного представителя! Мадіары, въ пользу которыхъ, при выборѣ сеймовыхъ пословъ, усильно дѣйствовала мѣстная администрація, воспользовались всякими нечистыми средствами для устраненія русинами назначенныхъ пословъ и для избранія своихъ. Не было мѣры подкупамъ, обманамъ, коварствамъ, угощеніямъ, употреблены для достиженія цѣли даже убійства и кровопролитія. Что бы достигнуть цѣли, мадіары клеветали на нашихъ священниковъ, возбуждали противъ нихъ про-

стой народъ, говоря, что попы для того хотять избрать русиновъ въ послы, чтобы чрезъ нихъ умножить свои доходы на счеть простаго народа. Такими уловками мадіары въ березницкомъ избирательномъ округѣ до того довели нашъ простой народъ, что онъ отвергъ русскаго кандидата посла и избралъ мадіарскаго чиновника, который ложными и неисполнимыми обѣщаніями привлекъ народъ на свою сторону. Въ другихъ же округахъ, гдѣ нашъ народъ твердо стоялъ за своихъ кандидатовъ, какъ въ Берегахъ и Севлюши, нашихъ избирателей не допустили даже къ мѣсту избранія. На кроткій и безоружный нашъ народъ нападали съ ружьями, саблями, желѣзными вилами, дубинами и полѣнами (1), нападали на тотъ народъ, который, по сознанію самихъ же мадіаровъ, всегда братски относился къ нимъ и ни когда не возставалъ противъ нихъ.

Такое дикое отрицаніе нашихъ гражданскихъ правъ, всецѣло разочаровало въ братолюбіи и либеральности мадіарской и нѣкоторыхъ мадіароманов нашихъ. Положено было отправить депутацію въ Вѣну съ просьбою о защитѣ насъ отъ грубыхъ насилій мадіаровъ и огражденіи нашихъ гражданскихъ правъ. Но узнавъ, что теперь правительство, въ видахъ примиренія, потакаетъ мадіарамъ и что мы ни чего не успѣемъ, мы отказались даже отъ мысли о депутаціи.

Послѣ такихъ пораженій при выборахъ сеймовыхъ пословъ, мы убѣдясь во внутреннемъ безсиліи нашемъ, стали помышлять о необходимости образованія народа и пробужденіи въ немъ чувства сознательной народности. Но, по причинѣ крайней бѣдности нашего народа, лишеннаго всякаго богатаго, вліятельнаго сословія, и по небрежности большей части духовенства, намъ все таки трудно добиться прочныхъ успѣховъ. Еще въ 1861 году пряшевскимъ преосвященнымъ Іесифомъ Гаганцемъ, сдѣлано было воззваніе къ епископу мукачевскому объ основаніи литературнаго общества, съ цѣлью издавать книги для сельскихъ училищъ и народа. Правила общества, названнаго именемь св. Василія великаго, были составлены въ Ужгородѣ и посланы на утвержденіе правитель-

(1) О насиліяхъ этихъ смотри весьма любопытную и грустную корреспонденцію въ „современную лѣтопись" 1866 года. № 2, стран. 6, 7 и 8, подъ заглавіемъ: „Избіеніе русскихъ" и проч. Статья эта помѣщена и въ концѣ, предыдущей книжки Вѣстника.

ства. Правила уже болѣе полугода подтверждены и присланы обратно въ Ужгородъ; но настоящій блюститель епархіи, избранный капитулою послѣ смерти епископа Поповича, въ 1864 году, для управленія епархіей, не знаю по какимъ благовиднымъ причинамъ, не открываетъ общества и доселѣ. А между тѣмъ потребность литературнаго общества весьма чувствуется у насъ: мы не имѣемъ даже для народныхъ училищъ нужнухъ книгъ, съ 1858 года послѣ прекращенія «Церковной газеты», издаваемой Иваномъ Раковскимъ, не имѣемъ ни какого литературнаго органа, столь необходимаго для обмѣна мыслей по части мѣстныхъ нашихъ потребностей! Попытки были дѣланы нѣкоторыми частными нашими людьми для издаванія газеты, но напрасно. Подписка не удалась. Прошлаго же года Иванъ Даниловичъ просилъ позволенія для изданія въ Ужгорѣ неполитическаго содержанія газеты; но правительство и въ этомъ намъ отказало. Что же намъ дѣлать? Терпѣть и надѣяться перемѣны къ лучшему. Мы надѣемся и на пештянскій сеймъ, который, если не будетъ опять распущенъ, быть можетъ, удовлетворитъ законнымъ требованіямъ народностей. Надѣяться на это мы имѣемъ тѣмъ болѣе права, что между членами сейма есть больше такихъ, которые сознаютъ важность вопроса національностей для Венгріи, отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность края.

Отрывокъ изъ рѣчи на галицейскомъ сеймѣ русскаго депутата Петрушевскаго, произнесенной имъ въ защиту равноправности русскаго народа въ Галиціи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій галиційскаго сейма русскій депутатъ Петрушевскій требовалъ для русскаго языка равноправности съ языкомъ польскимъ. Ораторъ доказывалъ историческими фактами, что русскій языкъ никогда не переставалъ существовать и не потерялъ права быть признаннымъ языкомъ національнымъ.

„До XIV столѣтія, сказалъ онъ, между прочимъ, Русь не употребляла никакого другаго языка кромѣ русскаго. Когда Казимиръ Великій завоевалъ галицкую землю, онъ ввелъ въ употребленіе латинскій языкъ, потому что на польскомъ языкѣ тамъ никто не говорилъ.

„Но русскій языкъ все таки не исчезъ, какъ это доказываютъ документы временъ Казимира и Ягеллона. Два главные удара русской національности нанесены были Казимиромъ и Ягеллономъ. Первый поставилъ во Львовѣ митрополита греческой церкви, отдѣливъ этимъ галицкую Русь отъ

вліяній кіевскаго митрополита, вопреки желанію константинопольскаго патріарха. Это было сдѣлано по принципу: раздѣли и властвуй. Ягеллонъ, промѣнявшій въ Краковѣ православіе, въ которое онъ былъ крещенъ младенцемъ, на латинство, нанесъ второй ударъ Руси, обращая ее въ латинство. Онъ закрылъ каѳедру митрополита во Львовѣ, отнялъ у Галиціи ея пастыря, и она должна была обращаться къ архіерею сосѣднихъ странъ. Въ то же время бояре и придворные обратились въ латинскую вѣру. Но Провидѣніе хранило Русь. Со времени люблинской уніи, Русь получила такія же права, какъ и поляки: въ школахъ, управленіяхъ и судахъ, также въ королевской канцеляріи въ Варшавѣ, гдѣ даже всякіе документы, указы публикуемы были на русскомъ языкѣ для всѣхъ воеводствъ. Статутъ литовскій былъ издавъ сначала на русскомъ языкѣ, ибо въ Литвѣ временъ Ягеллона, народнымъ языкомъ былъ языкъ русскій; только въ XVI столѣтіи статутъ былъ переведенъ на польскій языкъ, когда въ Литвѣ употребленіе русскаго языка было запрещено. Русскій языкъ сохранился только въ семейномъ быту и въ церкви. Русь нашла спасеніе въ ассоціаціяхъ и братствахъ подъ покровительствомъ церкви; эти ассоціаціи и братства, распространенныя по всему краю, поддержали народный духъ; основались типографіи и спасли то, что королевская власть думала уничтожить."

Ораторъ перечисляетъ многія семейства, которыя своими пожертвованіями поддерживали ассоціаціи, основанныя для защиты русской національности, и называетъ между прочимъ Островскихъ, Тышкевичей, Поцѣевъ, Сапѣгъ и проч., и говоритъ, что молодежь, вмѣсто борьбы, предпочитала эмигрировать и основала за Днѣпромъ казацкую общину.

„Напрасно, говоритъ Петрушевскій, русскій епископъ Григорій ходатайствовалъ за Русь у польскаго короля. Длинный рядъ преслѣдованій и несправедливостей къ нашей національности прервался на время только при одномъ изъ саксонскихъ королей, который допустилъ холмскаго епископа Фердинанда Кохановскаго быть въ Варшавѣ представителемъ Руси. Когда императрица Марія-Терезія присоединила нашъ край къ Австрійской имперіи, какъ часть Венгерскаго королевства, назвавъ его Галиціей и Лодомиріей, русскій языкъ былъ введенъ въ употребленіе только въ философскихъ и богословскихъ классахъ,—но въ послѣдствіи, стараніями епископа Левицкаго, онъ вошелъ въ народное образованіе; нынѣ онъ распространился въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь въ сеймѣ правительство говоритъ съ русинскими депутатами на русскомъ языкѣ. Изъ этого видно, что Австрія умѣетъ различать русскихъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ 1861 году постоянный комитетъ сейма былъ приглашенъ замѣнить въ школахъ нѣмецкій языкъ русскимъ и польскимъ языками. Русскій языкъ есть языкъ народный, и Русь никогда не отказывалась отъ своихъ естествен-

ныхъ правъ въ этомъ отношеніи. Такъ какъ австрійское правительство признало законнымъ употребленіе русскаго языка, то отчего же не можетъ онъ быть признанъ языкомъ оффиціальнымъ?

„Послѣ пробужденія 1848 г., галицкая Русь не можетъ остаться въ забвеніи; она навсегда потеряна для полонизма; русскій никогда не будетъ полякомъ. На русскомъ соборѣ 1848 года, русскіе поклялись защищать свою національность; они надѣялись, что поляки не пойдутъ по слѣдамъ своихъ предковъ, что, напротивъ, они дружески протянуть руку русскимъ, въ чувствахъ искренняго примиренія, и что всѣмъ просіяетъ лучшая будущность, потому что, я убѣжденъ, галиційская Польша, не можетъ быть свободна, пока не будетъ свободна галиційская Русь. Исторія разрѣшила уже русскій вопросъ: пусть сеймъ остережется рѣшеній, противныхъ исторіи.„

Эта рѣчь, заключаетъ газета „le Nord“, есть лучшее опроверженіе всѣхъ польскихъ розказней о постоянномъ преслѣдованіи полонизма, тогда какъ онъ самъ являлся притѣснителемъ и является теперь, какъ только чувствуетъ свою силу.

ПИСЬМА О ПАПСТВѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЪ.

Я очень хорошо знаю, м. г., что не мало есть на русскомъ языкѣ статей, посвященныхъ разрѣшенію вопроса о свѣтской власти папы. Тѣмъ не менѣе я никакъ не могу согласиться съ мыслію, что этотъ предметъ окончательно исчерпанъ и что объ немъ не осталось болѣе ничего сказать послѣ того, что сказано въ статьяхъ, написанныхъ объ этомъ предметѣ на русскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что люди, принимавшіеся за рѣшеніе этого вопроса, смотрѣли на него съ оффиціальной, такъ сказать, каноническої точки зрѣнія и не находили по временамъ ничего сказать противъ свѣтской власти папы кромѣ того, что папѣ-епископу не прилично быть свѣтскимъ государемъ: кромѣ того ограничивались иногда изложеніемъ только первой половины дѣла, т. е. касались только того какъ папа въ первый разъ сдѣлался свѣтскимъ государемъ при Пипинѣ, ничего не говоря о томъ, какъ папамъ досталось такъ называемое Матильдино наслѣдство. Я между тѣмъ хочу 1., расказать это дѣло вполнѣ и 2., обратить ваше вниманіе на не оффиціальную сторону всего этого дѣла и обозначить и тѣ тайныя причины, которыя за-

ставляли пап сдѣлаться свѣтскими государями и тѣ средства, которыя пущены были папами въ ходъ для достиженія своей цѣли, своихъ желаній.

Вы знаете, м. г., что папы сдѣлались свѣтскими государями въ первый разъ въ 755 г. вслѣдствіе того, что король франковъ Пипинъ подарилъ папѣ Стефану III, отнятыя имъ у лонгобардовъ Пентаполисъ, Экзархатъ равенскій и Римъ. Что же заставило Пипина подарить земли, завоеванныя франками папѣ и что заставило папу принять этотъ подарокъ, хотя папа, конечно, нехуже насъ съ вами зналъ, что епископу не прилично быть свѣтскимъ государемъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Пипину, бывшему маіордому франкскаго короля Хильдерика III, очень хотѣлось сдѣлаться королемъ. Но Пипинъ очень хорошо зналъ, что сдѣлаться королемъ можно только тогда, когда Хильдерикъ и вся династія Меровинговъ будутъ лишены престола. А какъ лишить ихъ престола? Вѣдь, кто знаетъ,— можетъ быть найдется не мало защитниковъ древней королевской династіи въ случаѣ насильственнаго низложенія Хильдерика съ престола, и что будетъ съ самимъ хищникомъ престола? Будетъ ли крѣпко онъ самъ на немъ сидѣть, укрѣпится ли на престолѣ его династія, не постигнетъ ли и его таже участь, какая постигаетъ не рѣдко хищниковъ престола? Подобныя соображенія, естественно, могли приходить на умъ Пипину. А быть королемъ между тѣмъ хотѣлось... Чтожъ тутъ дѣлать? Пипинъ рѣшился обратиться съ просьбой о помощи къ папѣ, власть котораго стояла тогда уже очень высоко на западѣ, и на котораго смотрѣли тогда, какъ на провозвѣстника воли небесной. Дипломатъ былъ Пипинъ! Будь папа не въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ тогда находился, и Пипинъ не посмѣлъ бы обратиться къ намѣстнику Христа (какъ думалъ Пипинъ о папѣ) съ подобнымъ предложеніемъ. Западъ очень хорошо зналъ, что папы не хотѣли потворствовать слабостямъ и тѣхъ государей, отъ которыхъ они непосредственно зависѣли. Память о Мартинѣ, Григоріяхъ I и II была еще свѣжа на западѣ. Тѣмъ менѣе, значитъ, могъ разчитывать на содѣйствіе своимъ хищническимъ замысламъ генералъ, отъ котораго папа нисколько не зависѣлъ. Но въ томъ-то и дѣло, что при Пипинѣ папы находились въ критическихъ обстоятелствахъ. «Нечестивые черти,» какъ называли папы лонгобардовъ, всевозможно стѣсняли Римъ. Айстульфъ, король лонгобардовъ,

крайно требовалъ, чтобъ Римъ признавалъ его своимъ государемъ и платилъ ему ежегодную подать. Къ кому было обратиться папамъ въ этихъ обстоятельствахъ съ просьбой о помощи?. А помощь была нужна. Побуждаемые этой нуждой, папы хотѣли купить помощь даже цѣной послушанія константинопольскимъ императорамъ; но и эго не удалось... Въ это-то время Пипинъ обратился къ папѣ Захаріи II съ просьбой о помощи. Захарія радъ былъ этому случаю и (хоть не прямо) далъ свое согласіе на низверженіе Хильдерика, а папа Стефанъ III нарочно ѣздилъ въ Галлію, чтобы помазать на царство Пипина, его жену и дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшилъ подданныхъ Пипина отъ вѣрности присяги Хильдерику и грозилъ отлученіемъ всякому, кто захотѣлъ бы выбрать себѣ короля не изъ дома Пипина. Папа оказалъ такимъ образомъ неоцѣненную услугу Пипину, а Пипинъ постарался отплатить папѣ тѣмъ же. Въ 754 г. онъ явился въ Италію и разбилъ лонгобардовъ. Но въ томъ же году, тотъ часъ послѣ ухода Пипина изъ Италіи, Айстульфъ еще болѣе началъ угнетать Римъ, чѣмъ прежде. Это обстоятельство ясно говорило папамъ, что плохо надѣяться на защиту отъ врага, который былъ подъ бокомъ, отъ заальпійскаго государя, что этому врагу нужно противопоставить свою собственную силу, однимъ словомъ, что, для защиты себя отъ короля лонгобардовъ, папѣ нужно самому быть королемъ.. И, благодаря Пипину, Папа дѣйствительно сдѣлался королемъ, хоть и не вполнѣ независимымъ. Въ 755 г. Пипинъ снова перешелъ Альпы, разбилъ Айстульфа и заставилъ его отдать папѣ отнятые у него Пентаполисъ, Екзархатъ равенскій и Римъ... Вы видите такимъ образомъ, м. г., какъ и почему папы сдѣлались государями, и какъ содѣйствіе хищническимъ планамъ Пипина позволило папамъ осуществить свое желаніе.

Такъ папы сдѣлались въ первый разъ свѣтскими государями! Но ихъ государство было еще слишкомъ мало. Непремѣнно нужно было его увеличить.— И оно, дѣйствительно, увеличилось скоро, посредствомъ присоединенія къ папской области Матильдина наслѣдства. О немъ-то я и поведу теперь рѣчь.

7 Мая 1052 г. умеръ маркграфъ Бонифацій. Владѣнія Бонифація были очень велики. Уже его отецъ маркграфъ Тедандъ владѣлъ, какъ ленами римской имперіи, Моденой, Бресчіо, Феррарой, Мантуей, а Бонифацій такъ хорошо слу-

жимъ императорамъ, что Конрадъ II къ прежнимъ леннымъ его владѣніямъ прибавилъ еще Тоскану и Парму. Кромѣ того, Бонифацій владѣлъ герцогствомъ Сполеттскимъ, маркграфствомъ Камерино и множествомъ такъ называемыхъ аллодіальныхъ имѣній... (1) Такимъ образомъ владѣнія Бонифація обнимали собой четверть Италіи. Наслѣдницей Бонифація осталась дочь его, тогда девятилѣтняя Матильда. Богатая наслѣдница — всегда лакомый кусочекъ для окружающихъ ее честолюбцевъ и корыстолюбцевъ. Но особенно лакомымъ кусочкомъ представлялась Матилада для римской куріи. При дворѣ папскомъ, дѣйствовавшемъ уже подъ вліяніемъ Гильдебранда, все болѣе и болѣе созрѣвала мысль о необходимости освободиться отъ свѣтскаго вліянія императоровъ, — о томъ, ut papae nomen unius sit in orbe christia christiano, т. е., что папа долженъ быть единственнымъ судьей и правителемъ міра христіанскаго. Вслѣдствіе этого, въ виду предстоящей борьбы съ императорами, римскій дворъ долженъ былъ благовременно искать средствъ для этой борьбы и однимъ изъ такихъ средствъ представлялось забрать въ свои руки Матильду, обладательницу четверти Италіи. Правда, это дѣло было не легкое: вскорѣ послѣ смерти Бонифація Матильда обручена была съ малолѣтнимъ еще тогда герцогомъ лотарингскимъ Готфридомъ, и думать о разрывѣ предстоящаго брака было нельзя, потому что иначе императоръ, любившій отца Готфрида, могъ не дать согласія на передачу Матильдѣ ленныхъ владѣній ея отца... Тѣмъ не менѣе папы все таки достигли своей цѣли. Едва только получено было согласіе императора на передачу Матильдѣ ленныхъ владѣній ея отца, Матильда прогнала своего мужа и начала управлять маркграфствомъ, какъ независимая королева.. Дѣло это было направляемо очень искусною рукою. Послѣ этого папамъ легко-уже было удерживать ее въ своей власти. И мы видимъ, что она дѣйствительно, была вѣрной союзницей папъ и особенно Григорія VII, съ которымъ была знакома еще тогда, когда онъ не былъ папой и умѣнью котораго вести свои дѣла, вѣроятно, нужно приписать то обстоятельство, что Матильда прогнала своего мужа. А что папы сочувствовали Матильдѣ въ этомъ дѣлѣ, въ томъ

(1) Различіе ленныхъ имѣній отъ аллодіальныхъ состояло въ томъ что аллодіальныя имѣнія владѣлецъ могъ передать кому было угодно, а ленныя могъ передать только съ согласія императора.

не может быть ни малѣйшаго сомнѣнія; самое молчаніе папъ по поводу этого факта подтверждаетъ мою мысль. Другой женщинѣ они, конечно, никогда не позволили бы прогнать своего мужа, если бы это изгнаніе не было выгодно для нихъ... Какъ бы то ни было, только Матильда въ борьбѣ папъ съ императорами стала на сторону папъ и (повторяю еще) была вѣрной союзницей Григорія VII, который имѣлъ такую сильную власть надъ Матильдой, что уговорилъ ее письменно отказать римской церкви всѣ аллодіальныя имѣнія и владѣнія, находившіяся въ ея распоряженіи. Это было въ 1080-хъ годахъ. Матильда, тогда была уже не молода и, кромѣ того, дала слово, конечно, вслѣдствіе благочестивыхъ увѣщаній папъ, остаться на всегда вдовой. По этому и Григорій VII могъ надѣяться, что завѣщаніе Матильды не будетъ измѣнено.... Но чего не случается на свѣтѣ? Едва прошло два года послѣ смерти Григорія VII, какъ ей захотѣлось выйти за мужъ (Готфридъ, первый ея мужь умеръ 1079 г). Подъ руку попался ей 18-лѣтній Вельфъ баварскій. Не надѣясь плѣнить его своей, увы! уже увядшей красотой, Матильда достигла своей цѣли— женила его на себѣ,—давъ ему обѣщаніе оставить ему въ наслѣдство всѣ свои владѣнія. Папѣ Урбану II, который могъ съ увѣренностію расчитывать на это наслѣдство, конечно, была крайне непріятна выходка Матильды и онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока Матильда,—эта добрая Матильда,— не прогнала отъ себя Вельфа, какъ прежде прогнала отъ себя Готфрида... Не могу не замѣтить, что этотъ фактъ много можетъ говорить въ пользу моего предположенія, что и прежній мужъ прогнанъ былъ не безъ внушенія Григорія VII.. Это послѣднее изгнаніе мужа Матильдой случилось въ 1095 г. Спустя не много времени, папа Урбанъ II настоялъ на томъ, чтобы Матильда составила второе завѣщаніе въ папскую пользу, такъ какъ первое завѣщаніе было уничтожено, когда Матильда вышла за мужъ. Это второе завѣщаніе было выгоднѣе для папъ, чѣмъ первое, потому что теперь Матильда отдавала въ наслѣдство церкви (такъ по крайней мѣрѣ говорили папы, толкуя по своему слова завѣщанія) даже тѣ владѣнія, которыми она немогла распоряжаться (ленныя). Съ этого времени Матильда оставалась вѣрной папамъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 24 іюля 1115 года. Что же папы? Тогдашній папа Пасхалисъ II сдѣлалъ повидимому промахъ: онъ не предъявилъ императору завѣщанія Матильды и препятствовалъ

ему раздать имѣнія Матильды своимъ приближеннымъ—нѣмцамъ. Туже ошибку сдѣлалъ, повидимому, и Каллистъ II. Но это только повидимому. Вспомните, что императоромъ тогда былъ Генрихъ V— императоръ сильный, съ которымъ папамъ бороться было не подъ силу. Совсѣмъ иначе пошло дѣло, когда на престолъ императорскій взошелъ Лотаръ, герцогъ саксонскій. Лотарю, который и императоромъ-то сдѣлался только потому, что его права, по распоряженію папы, поддерживали три духовные курфирста и легатъ папскій,— Лотарю, говорю, можно было предъявить завѣщаніе Матильды. И Иннокентій II не замедлилъ сдѣлать это. Только папы все таки находили еще несвоевременнымъ стараться о пріобрѣтеніи наслѣдства Матильды во всей его цѣлости. Папа очень хорошо зналъ, что императоръ не могъ отдать папѣ всѣхъ земель Матильды, не вызвавъ страшнаго негодованія со стороны своихъ подданныхъ и особенно со стороны тѣхъ лицъ, которымъ розданы были участки изъ наслѣдства Матильды. И потому дѣло было устроено такимъ образомъ: договоромъ 1133 г. императоръ призналъ завѣщаніе Матильды относительно аллодіальныхъ ея владѣній, при чемъ ленныя ея владѣнія должны были поступить во власть императора. Повидимому, статья договора была ясна, но опять таки только повидимому.... Папа утверждалъ, что невозможно теперь отдѣлять аллодіальныхъ владѣній отъ ленныхъ, такъ какъ они во время продолжительнаго управленія Матильды совершенно перемѣшались. Что было дѣлать Лотарю? Не начинать же войны съ папой.... Нужно было сдѣлать какое либо соглашеніе... И сдѣлали. Папа уступалъ императору помѣстья Матильды, которыя онъ считалъ аллодіальными, съ тѣмъ, чтобы и онъ и, послѣ его смерти, мужъ его сестры Генрихъ, герцогъ баварскій и саксонскій, платили ежегодно святому отцу по 100 марокъ серебра. По смерти Генриха эти имѣнія должны были подлежать новой переоцѣнкѣ со стороны папы. Дѣла такимъ образомъ затягивались и затягивались при ближайшихъ преемникахъ Лотаря, видимо къ худшему для папъ... Дѣло въ томъ, что Фридрихъ Барбаросса и его сынъ Генрихъ VI и знать не хотѣли притязаній папскихъ и распоряжались владѣніями Матильды, какъ имъ было угодно, не обращая вниманія на протесты папскіе. Не скоро эти худыя времена для папъ прошли. 1197 г. умеръ Генрихъ VI, оставивъ послѣ себя однолѣтняго сына (въ послѣдствіи Фридриха II). Въ Германіи, какъ обыкновенно, собрался сеймъ для избранія новаго

императора. На этотъ сеймъ отправился изъ Италіи и братъ Генриха-герцогъ Филиппъ швабскій, чтобы лично стоять за права дома Гогенштауфеновъ вообще и въ частности своего одно-лѣтняго племянника. Съ отъѣздомъ изъ Италіи Филиппа, Италія, подчиненная германскимъ императорамъ, осталась безъ главнаго своего начальника и папа Иннокентій II какъ нельзя лучше воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Все наслѣдство Матильды находилось въ рукахъ нѣмцевъ. Папа постарался разыграть роль патріота: онъ позаботился раздуть въ итальянцахъ ненависть къ чужеземному игу, далъ имъ и войско и денегъ и всѣ другія средства къ возстанію противъ нѣмцевъ,освободилъ ихъ отъ вѣрности присяги и предалъ анаѳемѣ нѣмцевъ правителей взбунтовавшихся областей. Маневръ былъ сдѣланъ такъ ловко и кстати, что едва прошло три года, какъ оказалось, что въ руки папскія попало все наслѣдство Матильды, кромѣ Тосканы, съ которой папа ничего не могъ дѣлать потому только, что тосканцы, по смерти Генриха заключили со многими итальянскими баронами оборонительный союзъ и рѣшились отстоять свою независимость... А въ Германіи, между тѣмъ, все еще избирали императора.... На императорскій престолъ предъявили свои права два герцога: Оттонъ саксонскій (Гвельфъ) и Филиппъ швабскій—Гогенштауфенъ. За Оттона стояли духовные курфирсты, за Филиппа—свѣтскіе и никто не зналъ, кто будетъ, наконецъ, императоромъ. Тогда папа Иннокентій III отправилъ пословъ къ Оттону и обѣщалъ ему употребить все свое вліяніе на избирателей, если только онъ согласится на извѣстныя, предлагаемыя папой, условія; въ противномъ случаѣ Иннокентій грозилъ поддерживать соперника Оттона. Оттонъ, конечно, согласился. Тогда 8 іюня 1201 г. заключено было между Иннокентіемъ и Оттономъ слѣдующее соглашеніе: Иннокентій обязывается содѣйствовать избранію Оттона въ императоры, а Оттонъ торжественно клянется признавать и поддерживать всѣ права св. престола, уступить ему всѣ провинціи и владѣнія, пріобрѣтенныя папой въ послѣдніе три года и, наконецъ, всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи, содѣйствовать пріобрѣтенію св. престоломъ недостающей части Матильдина наслѣдства. Т. е. папа хотѣлъ, чтобы въ его управленіи были Анкона, Герцогство Сполеттское, Мантуя, Модена, аллодіальныя имѣнія Матильды, графство Бертиноро, равно какъ и всѣ граничащія съ ними земли, которыя уступилъ будто-бы римской церкви Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Вели-

каго. О такой дарственной грамотѣ прежде ничего не слыхали, тѣмъ не менѣе легаты представили ее, какъ актъ подлинный, данный папѣ 817. Подлогъ былъ очевиденъ. Этимъ актомъ Людовикъ Благочестивый дарилъ папѣ всю территорію около Неаполя, островъ Сицилію и другія различныя территоріи, лежащія въ южной Италіи. Такимъ образомъ, Людовикъ дарилъ папѣ и тѣ земли, которыя въ 817 г. принадлежали не ему, а императору византійскому!... Почему бы уже не подарить кстати папѣ и Константинополя? Подлогъ, говорю, былъ очевиденъ. Но знаніе исторіи не шло тутъ въ строку, и этотъ документъ признанъ былъ подлиннымъ. Нужно-ли разсказывать дальше? Едва-ли! Конецъ понятенъ самъ собой. Всемогущій Иннокентій III возвелъ Оттона на императорскій престолъ, а Оттонъ далъ папѣ санкцію, отдававшую въ руки папы все наслѣдство Матильдино.

Вотъ, м. г. правдивая исторія присоединенія Матильдина наслѣдства къ папской области! Судите послѣ этого, до какой степени правы защитники папства, утверждающіе, что папы честно и правильно пріобрѣли права на управленіе церковною областію. Судите сами, честно-ли поступали папы, разлучая мужа съ женой, благословляя подданныхъ на клятвопреступленія, на бунтъ противъ своихъ государей, содѣйствуя мятежу и фабрикуя небывалые документы!...

Этимъ я и покончу свое первое письмо о папствѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь указать тѣ отношенія, въ какія стали папы къ подданнымъ и подданные къ папамъ. Раскрыть эти отношенія, по моему, очень поучительно, особенно въ виду современныхъ толковъ о необходимости удержать за папами свѣтскую власть.

И такъ до слѣдующаго письма. *Л. Елецкій.*

СЛОВО,

сказанное при освященіи кладбищенской Михайловской церкви, въ Фастовскомъ приходѣ, Бѣлостокскаго уѣзда, 1866 года генваря 24 дня. (*)

Поимъ Господеви славно бо прославися (Наход. Г. 15 ф.!)

Тяжко было иго народа Божія въ Египтѣ; бѣдственно положеніе восточныхъ христіанъ подъ владычествомъ невѣрныхъ, но здѣшній православный народъ не менѣе ихъ страдалъ

(*) Помѣщаемъ здѣсь два поученія, замѣчательныя по своему религіозно-патріотическому характеру. Ред.

отъ папистовъ. Знаете ли, православные, что во времена польскаго въ странѣ сей владычества запрещено было строить (1) православныя церкви? Наша вѣра называлась схизматическою, аріанскою и была предметомъ презрѣнія и порицанія. (2) Страшно было тогда священникамъ приносить безкровную жертву Господу; поляки врывались иногда въ церкви и стрѣляли въ олтарь. (3) Опасно было совершать крестные ходы: поляки иногда ломали хоругви, отнимали и сокрушали кресты. (4) Съ православныхъ священниковъ, приступавшихъ къ литургіи, иногда снимали облаченія. (5) Въ м: Дрогичинѣ, во время проводовъ православнаго умершаго, студенты езуитской школы отняли хоругвь, а изображеннаго на ней Спасителя кололи, рѣзали ножами и, попирая ногами, приговаривали: *для чего сызматицкій Боже, неметишь обиды своей?* (6) Духовенство римское переѣзжало отъ храма къ храму въ повозкахъ, въ которыя впрагали до 20 и болѣе человѣкъ вмѣсто скотовъ. (7) Изувѣрство поляковъ простиралось даже на умершихъ. Тѣла православныхъ иногда выбрасывали изъ гробовъ, какъ недостойныя погребенія. (8) Мрачная картина! страшное время!

Съ грустью и скорбію я говорю о прошедшемъ; но и послѣ присоединенія страны сей къ Россіи, домашніе враги наши не дремали. Не было, правда, явныхъ, прежнихъ гоненій на православіе, но тайныя козни и ухищренія римской пропаганды неменѣе прежняго вредили дѣлу нашей вѣры и народности. Былъ законъ объ устройствѣ и починкѣ помѣщиками православныхъ церквей, но только на письмени, а римскіе костелы умножались на дѣлѣ, не столько для славы Божіей, сколько для истребленія здѣсь православія; ибо часто строились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было римскаго населенія, а для большаго успѣха въ своей миссіи, въ нѣкоторыхъ римскіе пропагандисты полагали кости святыхъ, канонизованныхъ папою, (9) Православныя же церкви, ни кѣмъ не-

(1) Исторія объ унія Бантышъ Каменскаго, стр. 55. (2) Тамъ же, стр. 271. (3) Тамъ же, стр. 239. Тамъ же, стр. 214. (5) Тамъ же, стр. 133. (6) Тамъ же, стр. 260. (7) Вѣстникъ Западной Россіи за 18⁶³/₆₄ годъ, томъ IV, стр. 190. (8) Тамъ же, стр. 3.

(9) Удивляюсь легкомыслію римлянъ. Въ полоцкомъ доминиканскомъ костелѣ, я видѣлъ почернѣвшія кости езуита Боболія, канонизованнаго папою. Онѣ возбуждаютъ какое-то тяжкое грустное впечатлѣніе!

поддерживаемыя, разрушались отъ времени, и мы, смотря на ихъ запустѣніе, говорили въ душѣ, подобно инокамъ аѳонскимъ: *Боже пріидоша языцы въ достояніе Твое!* Спорныя дѣла православнаго духовенства съ польскими панами о собственности церковной почти всегда рѣшались въ пользу сихъ послѣднихъ; ибо судебная и административная власть находилась въ рукахъ поляковъ. (1) Поляки хулили обряды нашей церкви. (2) Языкъ русскій презирали даже чиновники, состоявшіе на государственной службѣ. (3) Ненависть къ намъ римскаго духовенства особенно обнаруживалась при бракосочетаніяхъ лицъ православныхъ съ римлянами. На предъбрачной исповѣди, патеры римскіе всегда внушали своимъ прихожанамъ, что римляне, вступающіе въ бракъ съ православными, прокляты римскою церковію и вѣчно будутъ мучиться въ адѣ. По правиламъ своего катихизиса, польскіе паны вредили православному духовенству въ его матеріальномъ быту и нерѣдко взводили на него самыя гнусныя клеветы. Народъ православный шесть дней буднихъ работалъ своимъ панамъ, а въ воскресные дни иногда занятъ былъ собираніемъ на полѣ камней,— какъ такимъ дѣломъ, которое, по мнѣнію поляковъ, не было противно заповѣди Божіей, и потому не могъ присутствовать въ храмѣ и молиться Господу Богу. Недавно бывшій мятежъ поляковъ вполнѣ объяснилъ ихъ замыслы. Имъ хотѣлось устроить царство папизма въ той странѣ, гдѣ еще въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ процвѣтало православіе. Ибо что заставило римскихъ ксендзовъ быть предводителями измѣнниковъ, жандармовъ-вѣшателей и, съ револьверами и кинжала-

(1) Въ 1862 году, въ Гродненской губерніи было только 40 чиновниковъ православнаго исповѣданія; изъ нихъ, кажется, 15 были женаты на полькахъ

(2) Мнѣ случилось слышать замѣчаніе поляковъ, видѣвшихъ въ нашей церкви вѣнчанія: „и у этихъ схизматиковъ такіе же обряды, какіе у жидовъ: даютъ вино пить и три раза обводятъ.“

(3) Знакомый мнѣ чиновникъ гродненской казенной палаты разсказывалъ мнѣ слѣдующее: однажды я представилъ совѣтнику отдѣленія № № дѣло и содержаніе его объяснялъ по русски. Совѣтникъ бросилъ дѣло на землю, приговаривая: я не понимаю твоего собачьяго языка!

ми въ рукахъ, проливать кровь христіанъ православныхъ, какъ не таже вѣковая ненависть къ намъ православнымъ? Да, трудное и тяжкое было тогда для насъ время! Бѣдствовалъ здѣшній православный народъ, страдало православное духовенство. За отеческіе законы и преданія одни переносили злословія и клеветы, другіе—оплеванія и заушенія, иные потерю всего своего достоянія, а нѣкоторые воспріяли и мученическую кончину. Все уже, повидимому, клонилось къ разрушенію и истребленію здѣсь всего православнаго—русскаго. Но дивенъ Господь въ своей правдѣ и благости! По слову Благочестивѣйшаго Царя нашего, коего сердце въ руцѣ Божіей, прибылъ въ страну сію мудрый государственный сановникъ—бывшій начальникъ края, графъ Михаилъ Николаевичъ, и дѣла перемѣнились! Воскресло православіе, ожила русская народность, возстали изъ развалинъ православные храмы, возстановленъ законный порядокъ. Хвала тебѣ доблій вождь! Имя твое будетъ безсмертно въ странѣ сей. Ты спасъ здѣшній край отъ полонизма и папизма, которые, подобно ненасытному чудовищу, готовы были пожрать нашу народность и вѣру, наши права и святыни. Хвала и тебѣ, достойный преемникъ нашего архистратига! хвала всѣмъ вамъ, благочестивые братья наши, сыны Великой Россіи. Всѣ вы тогда возстали за насъ, за святое православіе, народъ литовско-русскій нынѣ наслаждается миромъ, и на родной своей почвѣ покоится, *какъ Израиль во дни Соломона.* А враги наши пусть стыдятся своихъ злодѣяній; Господь видимо положилъ на насъ свое знаменіе. Поимъ же; православные, Господеви, славно бо прославися!

Три года тому назадъ, въ самое время неистовства поляковъ, васъ православные постигло великое бѣдствіе. Бѣдная церковь ваша, въ которой молились вы, со всѣмъ имуществомъ, истреблена пожаромъ. Вы скорбѣли, и было о чемъ скорбѣть! Но благословенъ Богъ отецъ нищихъ! Нашлись благочестивые люди, любящіе благолѣпіе храмовъ Божіихъ, далекіе отъ васъ по разстоянію, но близкіе по чувствамъ любви и благотворительности, изъ первопрестольной столицы нашей—братчики здѣшняго прихода. (1) Они прислали уже

---

(1) Братчики: Священникъ церкви Успенія, что въ Казасьей, Александръ Семеневичь Ильинскій, учитель 3-го московскаго уѣзднаго училища Петръ Николаевъ Поляковъ, московскій купецъ Никандръ Матвѣевичъ Аласинъ, священникъ

много пожертвованій на вашу церковь; открыли подписку на сооруженіе у васъ каменной церкви, и мы несомнѣнно надѣемся, что, при ихъ христолюбивой заботливости, вторая слава храма вашего будетъ больше первой. Если о бѣдной евангельской вдовѣ, которая отъ усердія пожертвовала двѣ лепты на храмъ іерусалимской, проповѣдуется въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ; то можемъ ли мы умолчать о дарахъ и щедротахъ нашихъ благотворителей? А если бъ и умолчали, то громче нашего слова возопіютъ сами камни, изъ которыхъ они воздвигнули вашъ храмъ! Да воздастъ же имъ Господь за ихъ благотворительность въ день праведнаго мздовоздаянія, а въ мірѣ семъ да будутъ дни ихъ долги и благословенны! А между тѣмъ, по мысли, заботамъ и усердію вашего священника, при содѣйствіи нѣкоторыхъ благочестивыхъ чиновниковъ, (15) и при вашей помощи, построена здѣсь, на мѣстѣ упокоенія вашихъ отцевъ и сродниковъ церковь сія, освященная молитвеннымъ священнодѣйствіемъ. Да возрадуется душа ваша, православные; исполнилось желаніе вашего сердца! Пойте Господеви,славно бо прославися.

Но, радуясь и торжествуя, не будьте, православные, слишкомъ самонадѣянны и безпечны. Вы живете на границѣ Царства Польскаго и окружены тѣми же врагами, которые недавно презирали нашу вѣру и хулили имя русское. Они теперь молчатъ; ибо увидѣли на дѣлѣ суету своихъ безразсудныхъ замысловъ. Но время и опытъ увѣрили насъ, что у нихъ всегда однѣ и тѣже убѣжденія, тѣже намѣренія, таже къ намъ ненависть, прикрываемая иногда лестію, коварствомъ, лицемѣріемъ. Они могутъ усыпить васъ и при случаѣ говорить вамъ о величіи римской церкви, святости своего первосвященника и тому подобное. Не вѣрьте ихъ мудрованіямъ! Ихъ вѣроученіе противно духу евангелія, не было извѣстно древней апостольской и вселенской церкви. И *если бы Ангелъ съ неба*, скажу словами Апостола, *благовѣствовалъ вамъ иное ученіе*, *а не то*, *какое мы благовѣству-*

церкви Св. Симеона, что на Поваренной, Алексѣй Ивановичъ Соколовъ, д. с. совѣтникъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, купеческій сынъ Николай Павловичъ Чаповъ.

(15) Участковаго чиновника Бѣлостокскаго уѣзда Павла Васильевича Чернецова и командира 4-го эскадрона 13 владимирскаго уланскаго полка, Маіора Михаила Михайловича Сухочева.

сихъ васъ, да будетъ анаѳема! Къ вамъ (16) недавно прибыли на постоянное жительство великороссіяне. Надѣюсь, они полюбятъ васъ, долгое время бѣдствовавшихъ подъ игомъ католиковъ. Будьте же съ ними въ единодушіи! Да не будетъ у васъ съ ними раздѣленія, или же вражды, ради какихъ либо мѣстныхъ обычаевъ, непротивныхъ духу православія! Не говорите подобно христіанамъ временъ апостольскихъ: *я Павловъ, я Кифинъ, я Аполлосовъ*, да будетъ у всѣхъ васъ одно сердце, одна душа. *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте*, сказалъ Спаситель, *аще любовь имате между собою* (Іоаннъ 13 гл. ст. 35). Вотъ отличительная черта истиннаго православія! А *гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ Христа*, сказалъ святитель Тихонъ.

Святый Архистратиже Михаиле, предстоящій престолу Господа славы! Во имя Твое мы сподобились нынѣ освятить церковь сію. Молимъ Тебя, мы недостойные, будь ея хранителемъ и руководителемъ въ многотрудномъ дѣлѣ служенія нашего среди иновѣрія, а въ случаѣ опасности и бѣдствій, ополчись съ небесными силами окрестъ насъ, боящихся Господа, да гласомъ радованія воспоемъ ему: *славно бо прославися.* Аминь.

Священникъ Ипполитъ Мироновичъ.

СЛОВО

на день Восшествія на всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, Самодержца Всероссійскаго. 1866 года, Февраля 19.

Пріидите, да идемъ въ Галгалы, и обновимъ тамо царство. 1 Цар. XI. 14.

Когда новопоставленный надъ Израилемъ царь Саулъ явилъ первый опытъ царской власти, какъ проявленіе присутствія въ немъ Духа Божія,— тогда пророкъ Самуилъ созываетъ всѣхъ израильтянъ въ Галгалы, дабы тамъ, предъ кивотомъ Божіимъ, какъ бы предъ лицемъ Самаго Бога, утвердить и освятить власть царя надъ людьми и сердца людей привязать къ царю.

---

(16) Въ Яворовку, сожженную во время мятежа за то, что въ ней находилось много жандармовъ—вѣшателей.

Нашъ Благочестивѣйшій Монархъ АЛЕКСАНДРЪ II-й, въ одиннадцатилѣтіе своего благополучнаго царствованія, явилъ не первый, а уже многократные опыты Своего мудраго и благаго управленія народомъ. Всѣ благія Его начала, всѣ мудрыя Его учрежденія, всѣ благодѣтельныя Его преобразованія въ государственномъ строѣ, сколько приносятъ счастія и благополучія намъ, вѣрнымъ Его подданнымъ, столько возбуждаютъ удивленія и зависти въ чуждыхъ намъ народахъ.

Пріидите же и вы, православные россіяне, соберись нынѣ новый Израиль въ домъ Господень и обнови здѣсь уже въ двенадцатый разъ русское православное царствованіе нашего Благочестивѣйшаго МОНАРХА. Здѣсь, предъ святымъ алтаремъ, на которомъ присутствуетъ Самъ Господь Спаситель нашъ, въ страшныхъ таинахъ Тѣла и Крови Своей, возобновимъ свои сердечные обѣты вѣрности, преданности и любви нашей къ Августѣйшему МОНАРХУ нашему,—скрѣпимъ сей священный союзъ ЦАРЯ съ подданными благословеніемъ святой православной церкви нашей и помолимся о здравіи Его, долгоденствіи и благоденствіи.

А для лучшаго и болѣе осмысленнаго выполненія сихъ благихъ нашихъ желаній, разсмотримъ нынѣ внимательно, почему обновленіе мірскаго царства полезнѣе и приличнѣе можетъ и должно совершаться по зову и указанію церкви и среди церкви Божіей?

Древняго Израиля созываетъ въ Галгалы для обновленія царства пророкъ Самуилъ. Самуилъ облеченъ былъ высшею духовною властію, какъ имѣвшій великій даръ пророчества, какъ провозвѣстникъ людямъ воли Божіей, какъ посредникъ между Богомъ и Его людьми. Онъ всю жизнь свою, отъ юности своей до глубокой старости, судилъ Израиля кротко, милостиво, немздоимно, — и пріобрѣлъ расположность и любовь къ себѣ всего народа израильскаго: *не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чiея что,*—такъ свидѣтельствовали ему всѣ израильтяне предъ лицемъ Самаго Бога и Христа Его. Или сей-то святый и великій предъ Богомъ и людьми мужъ, при всѣхъ своихъ правахъ во Израили на власть мірскую, коль скоро Богъ избралъ и поставилъ надъ Своимъ народомъ царя, не стремится къ преобладанію, не заявляетъ народу

о своихъ правахъ на власть гражданскую,— напротивъ, при первомъ случаѣ, старается прославить богоизбраннаго царя, утвердить, возвысить и освятить его власть предъ лицемъ всѣхъ его подданныхъ и самъ, съ дѣтьми своими, охотно становится въ ряду повинующихся царской власти: *и се нынѣ царь предходитъ предъ вами*, говоритъ онъ людямъ, *азъ же состарѣхся и сѣдѣти буду и сынове мои се съ вами*, т. е. въ числѣ подданныхъ царя.

Вотъ правый путь, которымъ шествуетъ и долженъ идти истинный представитель истинной религіи. Онъ вѣренъ своему долгу,— вѣренъ религіи и, для блага самой религіи, заботится объ утвержденіи власти царской.

Этимъ именно правымъ святымъ путемъ всегда неуклонно слѣдовала и слѣдуетъ и наша святая православная церковь. Она, въ лицѣ своихъ первосвятителей— іерарховъ, никогда не выходила изъ предѣловъ своей, чисто духовной и чисто религіозной власти; не старалась усвоить себѣ непринадлежащую мірскую влась; она помнитъ слово Спасителя, что *царство Его не отъ міра сего*, а потому всегда старалась и старается въ своихъ рукахъ свято держать и право править только слово истины Христовой, научая чадъ своихъ воздавать *Божія Богови и кесарева кесареви*,—благоговѣть предъ властію царскою, какъ предъ Божіею: *нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть*.—Это благое свое настроеніе православная церковь выноситъ, какъ изъ правоты и чистоты своего ученія, такъ и изъ высокой святости и истинно христіанскаго и апостольскаго своего духа. Ибо смиренно-апостольскій ея духъ служитъ основаніемъ неразрывнаго союза, сближенія и единомыслія ея съ властію царскою,— въ чемъ собственно и находится вѣрный залогъ достиженія высшаго предназначенія церкви и власти Царской,—предназначенія, состоящаго въ руководствѣ людей къ вѣчному ихъ спасенію путемъ мирнымъ, надежнымъ и безопаснымъ,— въ духѣ кротости и христіанскаго смиренномудрія.

Но далека отъ достиженія такой святой цѣли та церковь, которой духовный представитель всячески силится удержать въ своихъ рукахъ скиптръ и державу царскую,— духовную власть свою употребляетъ не для спасенія душъ, а для выгодъ и славы мірской, подвергаетъ, напримѣръ, вѣнценосца проклятію и отлученію отъ церкви не въ видахъ душевнаго его спасенія, не изъ заботъ о чистотѣ и славѣ церкви Хри-

стовой, а ради собственной временной славы и корысти,—для огражденія своего вѣнца и скипетра царскаго,— думаетъ, нововведенные въ ученіе христіанское догматы и обычаи своей церкви, утвердить между христіанами не силою убѣжденія въ ихъ истинности, а силою мірской власти и страхомъ свѣтскихъ наказаній,— требуетъ подъ видомъ духовной власти, подчиненія своему царскому скипетру „не только каждаго человѣка въ частности, но и всѣхъ народовъ и ихъ государей,"— требуетъ, чтобы всѣ не только религіозныя, но и „внутреннія гражданскія учрежденія государствъ зависѣли отъ его воли."— Отличитеьный и самый необходимѣйшій признакъ истинной церкви Христовой есть кротость, христіанское смиреніе и любвь. Какъ же могутъ совмѣститься эти высокія христіанскія добродѣтели въ лицѣ того человѣка, который въ одной рукѣ держитъ крестъ, символъ смиренія, терпѣнія и спасенія людей, а въ другой мечъ, отнимающій жизнь у человѣка? Вотъ почему происходитъ разъединеніе этой церкви съ властями мірскими! Вотъ почему въ этой церкви даже служители алтаря, какъ это мы видѣли во время польскихъ мятежей, такъ святотатственно злоупотребляли духовною властію—и своими руками, тѣми руками, которыми приносили безкровную жертву Господню, подносили мечи, кинжалы и огнестрѣльное оружіе, для ниспроверженія законной царской власти и для нанесенія смертныхъ ударовъ своимъ ближнимъ! Это отъ того, что исходное начало подобнаго святотатства они видятъ въ верховномъ своемъ представителѣ,— величающемся такъ дерзко непогрѣшимымъ. Пора, наконецъ, этому, такъ называемому, наслѣднику престола апостола Петра понять слова Спасителя, наиболѣе теперь къ нему относящіяся: *Петре, возврати ножъ твой въ мѣсто его*, потому что тебѣ неприлично, опасно и безполезно носить это оружіе!

Православные Россіяне! Правда, для насъ нѣтъ ни большаго добра, ни горя отъ того, что проиходитъ внѣ предѣловъ нашего драгоцѣннаго отечества и нашей православной церкви. Но, при взглядѣ на эти событія въ нѣдрахъ западной церкви, на эти мятежныя словопрѣнія между ея представителями и враждебныя отношенія ея къ народнымъ правительствамъ,— сколько мы должны возчуствовать благодаренія Богу за то, что Онъ благоволилъ утвердить въ нашемъ любезномъ отечествѣ господствующую церковь православную! Во сколько кратъ должны въ насъ возрасти и усилиться любовь, при-

мительность и уваженіе къ нашей святой православной и единой апостолической церкви, которая, въ продолженіи восьми съ половиною вѣковъ, безмятежно ведетъ сыновъ Россіи къ вѣчному спасенію, внушая имъ уваженіе и благоговѣніе къ царской власти и святымъ, правымъ и истиннымъ своимъ ученіемъ, охраняя ихъ отъ всякихъ смутъ внутреннихъ!

Обновленіе царства мірскаго всего приличнѣе и необходимѣе совершать въ церкви Божіей. Такъ, пророкъ Самуилъ, для обновленія царства созываетъ евреевъ въ Галгалы. Галгалы— это одно изъ селеній въ израильской землѣ, въ которомъ, по приходѣ евреевъ въ землю обѣтованную, до времени, находилась скинія свидѣнія; тамъ былъ ковчегъ завѣта, и въ немъ скрижали закона, золотая стамна съ манной и прозябшій жезлъ Аароновъ;—слѣдовательно Галгалы было такое мѣсто, въ которомъ находилась самая большая святыня евреевъ, напоминавшая имъ великія и дивныя чудеса Божіи,— святыня, у которой евреи ощущали присутствіе славы Божіей, имѣли общеніе съ Богомъ,— словомъ, это мѣсто было средоточіемъ церкви Божіей. Сіе-то мѣсто Самуилъ счелъ приличнѣйшимъ для обновленія царства,— желая тѣмъ показать, что царская власть и религія немыслимы одна безъ другой, что онѣ начала— не разнородныя, другъ другу не противорѣчащія и другъ друга не исключающія, но что та и другая исходятъ отъ одного начала Бога и должны стремиться къ одной цѣли,—именно, вести человѣка къ возможному благополучію на землѣ и блаженству въ вѣчности; а потому онѣ не должны разъединяться въ своихъ стремленіяхъ, но и не должны быть поглощаемы одна другой, или сливаемы въ одномъ и томъ же лицѣ; но должны идти совокупно,— рука-объ-руку, другъ-другу вспомоществовать и другъ друга поддерживать. Прославляется, напримѣръ, царь Саулъ воинскимъ подвигомъ, и пророкъ Самуилъ ради того учреждаетъ нарочитое торжество въ церкви Божіей. Такъ и наша православная церковь радуется и торжествуетъ при всякомъ событіи въ государствѣ, имѣющемъ благотворное вліяніе на ея чадъ. Она торжествуетъ дни восшествій государей на престолъ, дни ихъ коронацій, рожденій и тезоименитствъ, равно празднуетъ дни побѣдъ царей русскихъ и ихъ христолюбиваго воинства надъ врагами. Не остается она невнимательной и равнодушной и въ годину бѣдствія отечества; напротивъ, тогда-то она особенно и усугубляетъ моленія ко Господу о покореніи враговъ подъ ноги

православнаго МОНАРХА нашего;— возбуждаетъ чадъ своихъ къ мужественной защитѣ престола и отечества; охотно, въ лицѣ своихъ представителей, полагаетъ на алтарь отечества и жизнь, и всѣ свои блага земныя. Бытописанія Россіи особенно богаты самыми поучительными и самыми поразительными примѣрами дѣятельнѣйшаго участія церкви православной въ защитѣ отечества отъ озлобленія его врагами,—такъ что чѣмъ большее горе когда либо постигало Россію, тѣмъ православная церковь неусыпнѣе и бдительнѣе стояла на стражѣ ея спасенія. Даже тогда, какъ подъ бременемъ бѣдствій и испытаній изнемогали и падали физическія силы Россіи, православная церковь была крѣпка духомъ, неутомима и несокрушима: и сама твердо стояла и своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ возбуждала, воскрешала и поддерживала мірскую сторону государства—и спасала отечество! Для сего довольно указать на времена междуусобій русскихъ князей, на времена ига татарскаго и времени избавленія Москвы отъ крамольныхъ поляковъ. Не менѣе того святая православная церковь сочувствуетъ и всякимъ внутреннимъ благимъ учрежденіямъ, или преобразованіямъ въ государствѣ и, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказываетъ имъ сродное ей содѣйствіе. Она благословляетъ всякое полезное изобрѣтеніе и открытіе наукъ и искуствъ,— слѣдитъ за полетомъ ума человѣческаго въ области познаній, старается поддерживать его направленіе къ добру, проводя въ среду его дѣятельности Христа и Его благодатію освящая, оживляя и совершенствуя всѣ честныя и полезныя стремленія человѣческаго духа.

Не то видимъ мы въ церкви, состоящей подъ управленіемъ, такъ называемой, непогрѣшимой видимой главы церкви! Тамъ, какъ это видно изъ соборнаго посланія нынѣшняго римскаго первосвященника, всякое стремленіе духа человѣческаго къ полезнымъ усовершенствованіямъ называютъ „великимъ извращеніемъ самыхъ преступныхъ мнѣній и ученій," всякое благодѣтельное для народовъ гражданское учрежденіе, принятое обществомъ безъ согласія и утвержденія самозваннаго апостольскаго престола, порицаютъ, отвергаютъ и осуждаютъ, какъ „противное католическому догмату полновластія, будто бы, даннаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ римскому папѣ." Тогда какъ на самомъ дѣлѣ свободно разумныя стремленія, усовершенствованія и гражданскія учрежденія современныхъ народовъ нисколько не проти-

речить началамъ истинной церкви Христовой, а только не благопріятствуютъ внѣшнимъ интересамъ мнимой главы церкви,—главы, отуманенной несвойственными для служителя Христова заботами мірской власти.

При семъ мы, православные россіяне, опять должны благословлять и тысячекратно бладодарить Промыслъ Божій, благоволившій утвердить православную вѣру среди нашего любезнаго отечества. Убѣжденные долговременными опытами, мы сознательно можемъ сказать, что одна православная вѣра, и только она одна, послужила самымъ твердымъ основаніемъ могущества, цѣлости и невозмутимаго внутренняго спокойствія Россіи. Все насъ убѣждаетъ, что православная церковь одна на землѣ есть истинная церковь Христова, которая совершеннѣйшимъ образомъ выполняетъ свое высшее назначеніе,—т. е. совмѣстно, согласно и дружно съ мірскою властію, не вторгаясь въ предѣлы сей послѣдней и не присвоивая себѣ ея правъ,— ведетъ своихъ чадъ къ вѣчному спасенію путемъ правымъ и безопаснымъ.

Если же такъ очевидно превосходство нашей православной церкви предъ всѣми прочими вѣроисповѣданіями; если она такъ благодѣтельно вліяетъ какъ на душевное спасеніе людей, такъ и на общественную жизнь государства; то стыдно и грѣшно намъ, православные соотчичи, отставать отъ ея обычаевъ, обрядовъ и постановленій, часто имѣющихъ догматическую важность и ведущихъ свое начало отъ временъ апостольскихъ, или по крайней мѣрѣ отъ первыхъ вѣковъ христіанства. А мы должны сознаться, что у насъ православныхъ, живущихъ въ такомъ краѣ, который долгое время стоналъ подъ преобладаніемъ латинства,— многое въ православныхъ обычаяхъ забыто, иное замѣнено, или искажено нововведеніями папизма. Поэтому, когда являются среди насъ ревнители православія, заботящіеся о возстановленіи его чистоты и объ очищеніи его отъ всякихъ насильно или *льстивно* навязанныхъ обычаевъ неправой религіи; то мы должны такимъ людямъ вполнѣ сочуствовать и всемѣрно поддерживать благія ихъ стремленія, а не пререкать и противиться ихъ дѣйствіямъ и желаніямъ.— Какъ же прискорбно намъ встрѣчать среди себя такихъ людей, которые, дѣло усердія и святой ревности о чистотѣ праваславія, публично порицаютъ и осмѣиваютъ, криво толкуя правое и вымышляя противъ него то, чего въ дѣйствительности не бывало! Тѣмъ болѣе

прискорбно намъ православнымъ встрѣчать это противодѣйствіе отъ православнаго народа!....

Если такое разногласіе проявляется между избранными, общенародными православными дѣятелями; то чего, какъ неоконечательнаго совращенія и отступленія отъ православія, ожидать отъ тѣхъ лицъ, только числящихся между православными, которыя издавна, или издѣтства, покойныя для ихъ изнѣженнаго и полусоннаго тѣла скамьи въ костелѣ, предпочитають благоговѣйному и бодрственному стоянію въ храмѣ православномъ,— или пріятные для слуха, нѣмые звуки бездушныхъ органовъ предпочитаютъ православному церковному пѣнію, правда, невсегда до совершенства благозвучному, но всегда осмысленному, говорящему непосредственно съ умомъ молящагося и сознательно дѣйствующему на его сердце,— или, наконецъ, вовсе непонятные для нихъ возгласы латинянъ предпочитаютъ богохваленіямъ православныхъ священо служителей, возвѣщающихъ славу Божію въ простотѣ и чистотѣ слова, удобопонятнаго всякому возрасту, полу и званію!

Православные собратія! Когда въ семъ краѣ православіе подвергалось великимъ насиліямъ и преслѣдованіямъ отъ иновѣрцевъ,— тогда наши предки дружно стояли за чистоту вѣры, вынесли всѣ пытки, всѣ страданія,—непоколебались сами и намъ завѣщали наслѣдіе вѣры цѣлое и неиспорченное въ основныхъ догматахъ; теперь намъ остается только дружно примкнуть къ нашей православной русской собратіи по вѣрѣ и очистить и стряхнуть всякую пыль, упавшую на нашу обрядность отъ насильственнаго вліянія иновѣрія,—прилипшую къ ней отъ продолжительнаго соприкосновенія къ навязанной нашимъ предкамъ уніи съ папствомъ.

Россія, Богомъ благословенная Россія! храни крѣпко, блюди въ чистотѣ вѣру православную, Самимъ Богомъ тебѣ завѣщанную! Въ Ней залогъ твоего благополучія, твоего величія и счастія. Аминъ.

Острожскій соборный священникъ
Игнатій Залитинкевичъ.

ГРОДНЕНСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Очутившись въ Гроднѣ, въ качествѣ ея жителя, берусь за перо, чтобы дѣлиться съ прежними читателями своими впечатлѣніями и знакомить своихъ великорусскихъ и малорусскихъ соотечественниковъ съ тѣмъ, что небезъинтересно знать имъ касательно здѣшняго края.

Прежде всего, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, меня заставило задуматься самое имя его. Сельскіе жители Гродненской губерніи называютъ этотъ городъ не *Гродномъ*, а *Городней*, точно также, какъ черниговцы называютъ одинъ изъ своихъ уѣздныхъ городовъ: *Городня* и только, чтожъ это значитъ, что интеллигенція твердитъ: «Гродно», а *масса народа* говоритъ «Городня?» Кто изъ нихъ правъ?... Заглянемъ-ка въ «*Повѣсти временныхъ лѣтъ*» и посмотримъ, нѣтъ ли тамъ чего-нибудь пригоднаго къ разрѣшенію этого вопроса? Есть, есть! можемъ радостно воскликнуть! Въ Инатьевской лѣтописи, во II томѣ, подъ 1120 годомъ, упоминается объ одномъ князѣ Всеволодѣ Давидовичѣ, который положительно, буквально названъ *Городненскимъ*, а не Гродненскимъ,.. Это обстоятельство доказываетъ, какъ 2×2=4, что еще въ началѣ XII вѣка нашъ городъ назывался *Городнею*, а не Гродномъ. Сельскіе жители до сихъ поръ сохранили въ своихъ устахъ это имя, лѣтопись Ипатьевская тоже согласна съ народною памятью, народнымъ преданіемъ... Откуда же взялось «Гродно» вмѣсто *Городни?* Увы и ахъ! это явленіе объясняется очень просто: оно есть дѣло рукъ нашихъ благопріятелей поляковъ, желавшихъ положить на всемъ древле русскомъ штемпель польщизны... Трудно вѣдь *хлоповъ* (это быдло, т. е. животное по ксендзовскимъ и панскимъ понятіямъ) заставить говорить вмѣсто словяно-русскаго имени «Городня» хоть, напримѣръ, *Казимѣжовка*, или какой-нибудь Грудекъ и пр. т. под., гораздо легче было ляхамъ поступить въ этомъ случаѣ такъ: исковеркать русское слово на нерусскій ладъ, и концы въ воду. Вотъ и породились: «Вильно, Ковно, Гродно» вмѣсто Вильны, Ковны, Городни и т. д. Любопытно знать однако, почему два конечные пункта въ западной Россіи Варшава и Рига, не измѣнили своихъ окончаній на *о*?... Это произошло, безсомнѣнія отъ того, что въ Варшавѣ, и безъ коверканья имени города, пропалъ славянскій элементъ. Про Варшаву никто теперь не скажетъ, что она родной уже намъ словяно-пра-

вославный городъ... А вотъ, чтобы въ городахъ и городкахъ сосѣдней къ Польшѣ Западной Россіи стушевать словяно-русское начало, пущены были въ ходъ издавна разные пріемы ополяченья, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ и коверканіе чисто-древле русскихъ именъ городовъ и селъ на не-русскій ладъ (*). Нельзя было вырвать изъ устъ, изъ памяти народа затверженныхъ именъ, нельзя было переиначить *города* въ *miasto*, такъ нужно было хоть выбросить характерную гласную,—изъ города сдѣлать *grodek* какъ Новогрудекъ) или *Grodno*. Такъ исковеркано и названіе «Городскихъ книгъ», въ которыхъ заявлялись разные акты, жалобы и прч., которые въ документахъ вездѣ называнныя *гродскими* и даже, для большаго уродства, *кнгородскими*. Пусть, дескать, молодое поколѣніе убѣждается, что это древняя Польска, а не Русь, пусть молодое поколѣніе не только Великой, Малой и Бѣлой Россіи, но даже Польши и западной Европы съ дѣтства заучиваетъ нерусскія имена городовъ и замѣчательныхъ селъ зап. Россіи! Вѣдь извѣстно, что не все же молодое поколѣніе будетъ на столько исторически развито и любознательно, что станетъ розоблачать ложь... Большинство молодаго поколѣнія выростетъ съ заученными, исковерканными именами городовъ зап. Россіи... Изъ молодаго поколѣнія дѣлается немолодое; а между этимъ послѣднимъ явится яко бы общественное мнѣніе, потомъ сочувствіе къ *угнетенной невинности,* во имя гуманности, прогресса и т. д. и т. д. Попятно-ли, гг. читатели?...

Въ Ригѣ не было польщизны. Тамъ пришлый, нѣмецкій элементъ издавна затѣялъ радикальную германизацію края, не считая даже нужнымъ обращать вниманіе на имена городовъ и селъ. Нѣмцы, говорятъ, философы... Вотъ вѣроятно, они по своему рѣшили такъ:

«Что имя?—звукъ пустой!»

Давай-ка, мы примемся за вещи поважнѣе именъ; задумали нѣмцы... и дѣйствительно принялись...

Намъ же русскимъ, да еще изъ западной окраины, *теперь* много значитъ и вѣрное древнее названіе города. Оно об-

---

(*) Ежели угодно редакціи, то въ слѣдующихъ *Гродненскихъ Письмахъ* постараюсь посильно изобразить какъ вытѣснялся православно-русскій элементъ изъ западно-русскихъ городовъ, помимо гоненій за вѣру.

Весьма будемъ благодарны. (Ред.)

ращаетъ нашъ умственный взоръ въ глубь временъ и, по выраженію покойнаго Гоголя, вызываетъ на размышленіе...

Вотъ первое мое гродненское впечатлѣніе. Теперь поговоримъ о здѣшнихъ церквахъ и вообще о церковности, что въ этомъ краю составляетъ особенно важный предметъ. Пока не вышла еще «Памятная книжка Гродненской губ. на 1866 годъ», обѣщающая подѣлиться собранными ея редакторомъ свѣдѣніями о бывшихъ древле православныхъ церквахъ въ Гроднѣ, мы воздержимся отъ сообщенія своихъ замѣтокъ по этому предмету и ограничимся бесѣдою о теперешнихъ нашихъ гродненскихъ церквахъ. Въ настоящее время, въ Гроднѣ два монастыря: мужской и женскій. Въ первомъ и во второмъ по двѣ церкви; въ соборѣ тоже двѣ церкви. Кромѣ ихъ есть еще слѣдующія: *Предтеченская*, при архіерейскомъ домѣ, *Георгіевская*, при военномъ госпиталѣ, полковая, тюремная и кладбищенская. Всѣхъ престоловъ въ Гроднѣ 11, всѣхъ священно іереевъ 15. Но, къ великому прискорбію въ Гроднѣ положительно никогда не бываетъ раннихъ обѣдней и утрени по-утру; между тѣмъ слышно, что въ Варшавѣ даже, гдѣ такъ мало русскихъ, бываютъ раннія обѣдни по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Здѣсь раньше 10 часовъ никогда не начинаются обѣдни. Пѣніе здѣсь вообще неудовлетворительное; пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ женскій монастырь, гдѣ хотя и мало поющихъ, за то поютъ стройно и задушевно. Церковное чтеніе находится на образцовой степени: желать лучшаго, значитъ прихотничать. Въ Гроднѣ нельзя сказать словами Грибоѣдова: «читай не такъ, какъ пономарь», потому что здѣсь дьячки, и даже пономари, читаютъ прекрасно. Бываютъ и печальныя исключенія, но не въ средѣ причетниковъ, а только между старыми *ex*-унитскими священниками, которые жительствуютъ въ монастырѣ, въ составѣ его братій. Слушая ихъ чтеніе, такъ и переносишся мышленно въ м. *Жировицы*,—этотъ свѣточъ уніятскаго просвѣщенія на весь сѣверо западъ Руси, въ былыя времена, гдѣ, какъ говорятъ, учили читать по словянски, но съ польскими удареніями. Вооброзите, читатель, какъ это выходило и выходитъ курьезно! Но что было, то прошло; нечего, стало быть, и винить отживающихъ свой вѣкъ заштатныхъ старичковъ. Всѣ нынѣшнія церкви въ Гроднѣ, за исключеніемъ немногихъ, устроены не такъ давно; нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ закрытыхъ монастыряхъ латинскихъ.

По внѣшнему виду, почти всѣ гродненскія церкви, за исключеніемъ женскаго монастыря,—сущіе костелы. Ахъ еслибъ намъ возможно было сообщить византійско-русскую наружность,—а особенно, еслибъ было обращено больше вниманія на тѣ священныя мѣста, на которыхъ были въ древности православные церкви въ Гроднѣ и на которыхъ и теперь мерзость и запустѣніе. Однако о церковной сторонѣ послѣ. Теперь ставлю пока точку.

Григорій Кулжинскій.

6 февраля 1866 года.
Гродна.

Отрывокъ изъ письма.

Люблю я искренно нашъ край,
Сѣверо-Западную Русь,
Старинной жизни новый строй,
Которымъ только и любуюсь...
Здѣсь, что ни шагъ, то старина,
Остатки древности родной...
Но эта цѣлая страна
Подъ вражьей была вѣдь рукой;
Не удивляйтесь же, что здѣсь
Ксендзы наставили каплицъ:
Обманъ, лукавство, сила, лесть
Изъ этихъ сыпались бойницъ!...
Прошли вѣка, и много чадъ
Изъ православія въ костелъ,
Ксендзы съ ляхами заурядъ,
Перетащили... Кто пошелъ,
Кто плавалъ въ собственной крови
И православнымъ умиралъ
Среди сочувственной толпы,
Которой вѣру завѣщалъ...
Вѣка прошли, и полонизмъ
Надѣлалъ много зла странѣ,
И „*человѣческій*“ папизмъ
Губилъ страну съ нимъ на—равнѣ...
Припомнимъ Туровъ и Мозырь,
И Петриковъ, Борысовъ, Пинскъ,
Иль, наконецъ, и самый Минскъ!
Все было тамъ: иль полный клиръ,
Иль былъ и властвовалъ тамъ князь...
Но грянулъ громъ на старину...
Ляхи, жиды... вся эта грязь,
Перекалѣчили страну....
Теперь по мнѣнію слѣда

Днемъ съ фонаремъ ужъ не найдешь;
Но послѣ долгаго труда
На правду-индѣ попадешь.

Григорій Кулжинскій.

8-го февраля 1866 года.
г. Гродна.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Инструкція о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія, служащимъ въ томъ краѣ или желающимъ водвориться тамъ на постоянное жительство.

I. Общія основанія. 1. Для привлеченія чиновниковъ русскаго происхожденія военнаго и гражданскаго званій на службу по гражданскому вѣдомству въ западныя губерніи и для поощренія ихъ къ продолженію тамъ службы, а другихъ благонадежныхъ лицъ, русскаго же происхожденія, къ постоянному въ томъ краѣ водворенію, назначаются въ продажу таковымъ лицамъ, безъ торговъ, лежащія въ тѣхъ губерніяхъ свободныя, за надѣломъ государственныхъ крестьянъ и другаго состоянія людей, казенныя земли, фермы и имѣнія, а равно поступившія въ казенное вѣдомство недвижимыя имущества въ городахъ. **Примѣчаніе.** Не производится продажа безъ торговъ такихъ конфискованныхъ имѣній и имуществъ въ городахъ, къ которымъ предъявлено долговыхъ и другаго рода претензій на сумму, превышающую назначенную 8 статьею сей инструкціи оцѣнку.

II. О составленіи участковъ для продажи и о производствѣ имъ оцѣнки. 2. Изъ свободныхъ земель, фермъ и имѣній составляются, по усмотрѣнію министерства государственныхъ имуществъ, участки двухъ разрядовъ: 1) отъ 300 до 600 дес. и 2) отъ 600 до 1,000 дес., а по особымъ уваженіямъ и свыше сего размѣра. На такіе же участки дѣлятся конфискованныя имѣнія. 3) Къ земельнымъ участкамъ присоединяются состоящія на нихъ хозяйственныя строенія и оброчныя статьи, какъ-то: мельницы, корчмы, селитренные, известковые, кирпичные и другіе, для обработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, заводы, равно такъ-называемыя рудни, для выдѣлки чугуна и желѣза. 4) Раздѣленію на участки не подлежатъ такія имѣнія, въ которыхъ состоятъ фабрики, значительные заводы, или обширныя хозяйственныя заведенія, поддержаніе которыхъ невозможно при владѣніи небольшимъ отдѣленнымъ отъ имѣнія участкомъ. 5) Состоящіе въ городахъ казенные дома, фабрики, заводы, торговыя заведенія и пустопорожнія мѣста продаются въ томъ объемѣ, въ какомъ каждое изъ нихъ подъ особымъ нумеромъ значится по городскимъ обывательскимъ книгамъ. 6) Составленные изъ свободныхъ земель и имѣній участки, а равно и состоящія въ

городахъ подъ домами и другими строеніями земли или пустопорожніе участки снимаются на планъ; засимъ производится подробная опись всѣмъ жилымъ хозяйственнымъ, промышленнымъ и заводскимъ строеніямъ и всѣмъ принадлежностямъ заводскаго производства и особая каждому строенію и предмету оцѣнка, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется приносимый земельнымъ участкомъ, заводомъ, или зданіемъ годовой доходъ. **Примѣчаніе.** Министръ государственныхъ имуществъ, по соглашеніи съ мѣстными генералъ-губернаторами, снабдитъ кого слѣдуетъ инструкціями о порядкѣ исчисленія дохода, приносимаго земельными участками и казенными имуществами въ городахъ. 7) Опись съ оцѣнкою и планомъ представляется на разсмотрѣніе и утвержденіе министерства государственныхъ имуществъ. 8) Исчисленный съ земельнаго участка или казеннаго въ городахъ имущества доходъ, помноженный на десять, принимается за оцѣнку имѣнія. 9) По сей оцѣнкѣ, съ надбавкою 10%, продаются имущества безъ торговъ, съ разсрочкою уплаты денегъ, согласно 13, 14 и 15 ст. настоящей инструкціи.

III. О лицахъ, коимъ можетъ быть предоставлено пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ и казенныхъ имуществъ въ городахъ, и представляемыхъ имъ льготахъ. 10) На пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ, съ установленными въ настоящей инструкціи льготами, предоставляется право: а) служащимъ въ западныхъ губерніяхъ по гражданскому вѣдомству, военнымъ и гражданскимъ чинамъ не польскаго происхожденія и б) вообще лицамъ русскаго происхожденія, оказавшимъ заслуги на поприщѣ государственной службы или общественной дѣятельности, и желающимъ водвориться въ западномъ краѣ на постоянное жительство. 11) Находящіяся въ городахъ казенныя имущества дозволяется пріобрѣтать какъ означеннымъ въ предшедшей статьѣ лицамъ, такъ равно русскимъ купцамъ и мѣщанамъ. 12) Земельные участки и находящіяся въ городахъ казенныя имущества, съ означенными ниже въ ст. 13-й и 14-й льготами, предоставляется пріобрѣтать вызваннымъ съ 1863 г. на службу въ западномъ краѣ лицамъ, по удостовѣренію ихъ начальствъ въ усердной ихъ службѣ и совершенной благонадежности въ политическомъ отношеніи; при этомъ, участки втораго разряда, т. е. свыше 600 дес., предоставляются лишь лицамъ, отъ вліянія которыхъ въ краѣ можно ожидать существенной пользы. 13) Военные и гражданскіе чины, служащіе въ западныхъ губерніяхъ, удостоиваемые пріобрѣтенія земли или казеннаго въ городѣ имущества, въ видѣ награды за отличную службу, не внося, при самомъ полученіи участка, никакого задатка, уплачиваютъ всю слѣдующую за участокъ по оцѣнкѣ, съ надбавочными 10%, сумму въ теченіе 20 лѣтъ, начиная съ 1-го января наступающаго, за вводомъ во владѣніе, года, каждый годъ по равной части, безъ процентовъ. 14) Означенныя въ предыдущей статьѣ лица могутъ, по хо-

датайству ихъ, быть освобождены, для облегченія имъ средствъ къ устройству своихъ хозяйствъ, отъ уплаты срочныхъ взносовъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ покупки участковъ; но въ такомъ случаѣ они обязаны, начавъ пятипроцентный взносъ съ 1-го января третьяго года по покупкѣ участковъ, производить взносы эти въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, вмѣсто двадцати лѣтъ. 15) Лица русскаго происхожденія, какъ служащія, такъ и неслужащія въ западномъ краѣ и пріобрѣтающія земельные участки и казенныя въ городахъ имущества въ западныхъ губерніяхъ, не въ видѣ награды за службу, а по собственному ихъ о томъ ходатайству, обязаны, при самой покупкѣ участка, внести наличными деньгами не менѣе одной-пятой части оцѣночной, съ надбавочными 10% суммы; затѣмъ они производятъ уплату остальныхъ денегъ по правиламъ, существовавшимъ для 37-лѣтнихъ займовъ изъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій, внося ежегодно по 6% съ полной оставленной въ долгу суммы. Срокъ платежа означенныхъ шести процентовъ начинается съ 1-го января наступающаго, за принятіемъ имѣнія во владѣніе, года, причемъ въ первомъ году вносятся сверхъ того 5% съ долговой суммы и за время, протекшее отъ ввода во владѣніе участкомъ до наступленія сего срока. 16) Лица, пріобрѣтающія участки въ видѣ награды, освобождаются отъ уплаты, съ цѣны тѣхъ участковъ, крѣпостныхъ пошлинъ.

IV. *О порядкѣ удостоенія къ пріобрѣтенію участковъ.* 17) Поименованные въ ст. 13-й чины удостоиваются права на пріобрѣтеніе земли и казенныхъ въ городахъ имуществъ, по представленію ихъ начальства, генералъ-губернаторомъ; лица же, въ ст. 15-й означенныя, о желаніи своемъ пріобрѣсть землю или городское имущество, заявляютъ генералъ-губернатору или министру государственныхъ имуществъ. 18) Земельные участки и находящіяся въ городахъ казенныя имущества за лицами, удостоиваемыми пріобрѣтенія оныхъ, утверждаются каждый разъ высочайшею властію, по представленію министра государственныхъ имуществъ.

V. *О выдачѣ покупщикамъ крѣпостныхъ актовъ и о вводѣ ихъ во владѣніе имуществомъ.* 19) По воспослѣдованіи высочайшаго соизволенія на продажу земли или находящагося въ городѣ казеннаго имущества, выдается пріобрѣтателю, изъ мѣстнаго, по состоянію имѣнія, учрежденія для совершенія крѣпостныхъ актовъ, купчая крѣпость, которая подписывается, въ качествѣ продавца, управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, вручается покупщику и вмѣстѣ съ тѣмъ на его счетъ налагается на купленное имъ имущество запрещеніе до полной уплаты оставленной въ долгу суммы. 20) По выдачѣ купчей крѣпости, пріобрѣтатель вводится установленнымъ порядкомъ, при бытности чиновника со стороны управленія государственныхъ имуществъ, во владѣніе куплен-

нымъ имуществомъ; причемъ передаются пріобрѣтателю, по составленной при исчисленіи дохода описи и оцѣнкѣ, всѣ состоящія на пріобрѣтенномъ участкѣ строенія и заведенія, со всѣми къ нимъ принадлежностями; если же чего-либо, означеннаго въ описи, не окажется, то о томъ дѣлается на ней отмѣтка. Подъ описью росписывается въ принятіи имущества пріобрѣтатель и подписываются чиновники, производившіе вводъ во владѣніе, и присутствующій при вводѣ со стороны управленія государственныхъ имуществъ. Съ описей составляются, за подписомъ тѣхъ же чиновниковъ, двѣ копіи, изъ коихъ одна пріобщается къ вводному листу, а другая выдается пріобрѣтателю. Вмѣстѣ съ тѣмъ покупщикъ земельнаго участка снабжается отъ управленія государственныхъ имуществъ и планомъ на землю.

VI. *Объ уплатѣ денегъ за купленные участки.* 21) Деньги за купленное имущество уплачиваются, въ причитающемся по разсрочкѣ (ст. 13, 14 и 15) количествѣ, каждый годъ въ мѣстное, по состоянію имѣнія, казначейство, 22) Если причитающаяся къ каждогодной уплатѣ часть долга не будетъ внесена въ теченіе того же года и по прошествіи года—въ четыре слѣдующіе мѣсяца, то купленное имущество возвращается окончательно въ казенное вѣдомство, причемъ не только всѣ уплаченныя покупщикомъ до отобранія имущества деньги обращаются въ пользу казны, но и числящаяся на немъ недоимка взыскивается съ его собственности. Буде при пріемѣ имущества не окажется чего-либо означеннаго въ сдаточной описи, то за все недостающее также взыскиваются съ неисправнаго плательщика деньги, по оцѣнкѣ, опредѣленной въ той же описи; возведенныя же покупщикомъ вновь хозяйственныя и заводскія или фабричныя строенія и принадлежащую ему движимость онъ можетъ продать на сносъ или самъ вывезти изъ имѣнія. *Примѣчаніе.* Предоставляемое настоящею статьею право продажи или сноса вновь возведенныхъ строеній не относится къ домамъ и другимъ строеніямъ, состоящимъ въ городахъ, которые, въ случаѣ неисправности покупщика въ платежѣ долга, обращаются въ казну, со всѣми произведенными покупщикомъ пристройками и вновь возведенными строеніями. 23) Наблюденіе за своевременною уплатой денегъ возлагается на мѣстную палату государственныхъ имуществъ. Она сообщаетъ подлежащему казначейству о каждомъ проданномъ имуществѣ съ объясненіемъ: кому продано, за какую сумму, на какое время разсрочена уплата, когда начнется срокъ уплаты и по скольку должно быть уплачиваемо каждый годъ. 24) Казначейство, по полученіи такого извѣщенія отъ палаты государственныхъ имуществъ, заноситъ въ окладъ причитающуюся съ каждаго покупщика къ уплатѣ сумму и, въ случаѣ просрочки, доноситъ палатѣ государственныхъ имуществъ, для поступленія согласно статьѣ 22.

VII. *О назначеніи денегъ, уплачиваемыхъ за проданные участки.* 25) Уплачиваемыя за проданныя имущества деньги на-

основаніи 23-й и 42-й ст. высочайше-утвержденнаго 5-го марта 1864 года Положенія о льготахъ, преимуществахъ и ссудахъ, предоставляемыхъ при покупкѣ имѣній въ западныхъ губерніяхъ, обращаются на усиленіе ссуднаго фонда и отсылаются изъ казначейства, для обращенія изъ трехъ процентовъ, въ Государственный Банкъ, до востребованія вторымъ департаментомъ государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніи коего состоитъ ссудный фондъ. О каждомъ поступленіи и отсылкѣ по принадлежности таковыхъ денегъ казначейства немедленно извѣщаютъ второй департаментъ государственныхъ имуществъ.

VIII. *Объ особыхъ обязанностяхъ пріобрѣтателей участковъ.* 26) Имущества, пріобрѣтенныя на основаніи сей инструкціи, не могутъ ни отъ первыхъ пріобрѣтателей, ни отъ ихъ наслѣдниковъ быть передаваемы чрезъ куплю, дареніе, или инымъ какимъ-либо образомъ, а равно и через наслѣдство, какъ по завѣщанію, такъ и по закону лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ. Воспрещается также отдавать таковыя имущества въ аренду, или управленіе и въ залогъ лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ. Евреи могутъ быть только винокурами и арендаторами корчемъ. 27) Пріобрѣтатели имуществъ и ихъ наслѣдники могутъ продавать и инымъ образомъ передавать купленныя имущества лицамъ русскаго происхожденія, но не иначе, какъ съ согласія министра государственныхъ имуществъ, даваемаго по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ; причемъ переводится на покупщика какъ неуплаченный долгъ, такъ и всѣ другія принятыя первымъ пріобрѣтателемъ обязанности. При передачѣ участка другому лицу, наложенное на него запрещеніе переводится на новаго пріобрѣтателя, на его счетъ, до окончательной уплаты долга. 28) Объ указанныхъ выше въ ст. 26 и 27 ограниченіяхъ при передачѣ купленныхъ участковъ и вообще имуществъ поставляются циркулярно министромъ юстиціи въ извѣстность какъ всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя совершаютъ и свидѣтельствуютъ акты, такъ и тѣ лица, кои, на основаніи существующаго порядка, наблюдаютъ за дѣйствіями сихъ мѣстъ. Нарушеніе указанныхъ выше ограниченій, во всякомъ случаѣ, влечетъ за собою отобраніе участковъ въ казну, безъ всякаго вознагражденія за убытки лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи сихъ сдѣлокъ и актовъ.

IX. *Особое постановленіе.* 29) Установленная сею инструкціей продажа земельныхъ участковъ не должна останавливать продажи лицамъ не польскаго происхожденія казенныхъ земель съ публичныхъ торговъ, съ разсрочкою уплаты покупной суммы на основаніи ст. 29—40 высочайше-утвержденнаго 5-го марта 1864 г. Положенія.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ:
въ мѣстечкѣ Судинишкахъ.

20-го февраля, благочиннымъ церквей Виленскаго уѣзда, каѳедральнымъ протоіереемъ Викторомъ Гомолицкимъ освященъ былъ латинскій костелъ въ м. Судинишкахъ на православную церковь. Зданіе это—каменное; передано въ вѣдомство православнаго духовенства, потому что прихожане этого костела, въ предшедшее время присоединившіеся къ св. церкви, просили о томъ начальство. Новоосвященная церковь отстоитъ отъ Шумской приходской въ 5 верстахъ, и будетъ приписною къ послѣдней. На Божественной литургіи произнесено было приличное торжеству поученіе мѣстнымъ священникомъ Шверубовичемъ. Торжество этого освященія почтилъ своимъ посѣщеніемъ г. начальникъ Виленской губерніи; само собою разумѣется, что здѣсь присутствовали мѣстныя военныя и гражданскія власти; на освященіе собралось значительное множество народа; впечатлѣніе освященія, и вообще всего Богослуженія на народъ—отрадное и утѣшительное.

Въ мѣстечкѣ Рукойняхъ.

Кто проѣзжалъ въ Вильну изъ Москвы чрезъ Минскъ, или обратно; тотъ могъ замѣтить на послѣдней станціи предъ Вильной, въ 16 верстахъ отъ ней, костелъ, въ 1821 году сложенный довольно красиво изъ булыжнаго камня, и стоящій на востокъ; вблизи—волостное правленіе и сельское училище. Сердце чувствовало, что тутъ должно быть православному храму: все здѣсь смотрѣло на православнаго путника какъ-то привѣтливо. Ближайшее знакомство прихожанъ этого костела съ русскими людьми и съ православнымъ Богослуженіемъ, семейныя преданія о томъ, что въ древнія времена дѣды и прадѣды ихъ были нѣкогда русскими и православными, память о панскомъ господствѣ виленской римско-католической капитулы, которой, до отобранія въ казну, принадлежали Рукойни на правахъ крѣпостной зависимости, а особенно, кажется, не искреннія, въ послѣдніе годы, дѣйствія мѣстнаго латинскаго духовенства и недуховныя мѣры его при устроеніи извѣстныхъ обществъ трезвости съ затаенными цѣлями, и еще,—не смѣемъ скрыть,—взаимныя искреннія, проникнутыя полнымъ согласіемъ и ревностію по св. вѣрѣ, стремленія дѣятелей духовныхъ и свѣтскихъ, и многое другое, — все, можно сказать, склоняло и прихожанъ Рукойнскаго костела въ пользу искренняго присоединенія къ св. церкви, особенно съ того времени, когда присоединился къ ней Шумскій костелъ съ прихожанами;— родное чувство заговорило, и, едва ли бы умолкло, если бы даже постарались заглушить его польско-ксендзовскіе происки. И вотъ, до 180 домохозяевъ—лучшихъ и вліятельнѣйшихъ подаютъ къ гражданскому начальству просьбу съ выраженіемъ горячаго желанія быть,—

и съ своими семействами,— дѣтьми православной церкви,— при условіи, чтобы и костелъ былъ обращенъ на церковь православную. Было бы беззаконно отказать такой просьбѣ. Недѣли въ двѣ устроенъ и поставленъ очень приличный иконостасъ въ бывшемъ костелѣ; а 27-го февраля (въ Воскресенье) совершено было освященіе его въ святыню храма православнаго, преосвященнѣйшимъ епископомъ Александромъ, въ сослуженіи о. ректора семинаріи, каѳедральнаго протоіерея, соборнаго священника и законоучителя виленской гимназіи Андрея Кургановича, достопочтеннѣйшаго дѣятеля по усвоенію латинянъ въ чадъ церкви православной, соборнаго священника Антонія Петкевича и 2-хъ мѣстныхъ священниковъ, въ присутствіи г. начальника Виленской губерніи, вице-губернатора, военныхъ начальниковъ виленскаго и ошмянскаго, чиновъ палаты государственныхъ имуществъ, мировыхъ учрежденій и многихъ другихъ, а также при стеченіи весьма великаго множества крестьянъ изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, съ женами и дѣтьми, даже малолѣтними. На божественной литургіи произнесено ниже печатаемое Слово, которое не осталось не понятымъ слушателями. Здѣсь же, пріобщились св. Христовыхъ Таинъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ описываемаго торжества князь Н. Н. Хованскій и 2 мировыхъ посредника, за тѣмъ человѣкъ до 32 сподобились пріобщенія— возрастныхъ и дѣтей,— многія матери пріобщались и съ своими грудными дѣтьми. Велика сила любви св. матери нашей—православной церкви! И какъ плѣнительно дѣйствуетъ она на неиспорченныя сердца простолюдиновъ! Послѣ Бож. литургіи была произведена преосвященнѣйшимъ Александромъ раздача крестиковъ, св. иконъ и молитвенниковъ, исполненная многихъ умилительныхъ картинъ. Послѣ Богослуженія народъ праздновалъ, по православному, и свое освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

СЛОВО
ПО ОСВЯЩЕНІИ РУКОЙНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею-вашею же и моею (Рим. 1, 11, 12).

Такъ въ свое время писалъ въ своемъ посланіи св. Апостолъ Павелъ къ чадамъ римской церкви. Поучительна заботливость апостольская! Св. Павелъ имѣлъ на своемъ попеченіи многія церкви азійскія, греческія, македонскія, большею частію имъ основанныя и имъ руководствуемыя: но и на римскую, не столь близкую, и не имъ основанную, простиралъ вниманіе; и не только писалъ къ ней посланіе, но и лично посѣтить ее желалъ.

И мы смиренные преемники, если не власти и ревности апостольской, то наслѣдники отъ апостоловъ другъ-другопріимательно преданнаго намъ жребія священно-служительства, по устроенію Божію, подъ начальствомъ святителя пришли къ вамъ, новые наши братія во Христѣ, да нѣкое подадимъ *вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему*,— *соутѣшитися въ васъ вѣрою общею.* Вы нынѣ пристали къ пристанищу тихому, необуреваемому: какъ не утѣшаться вмѣстѣ съ вами вашимъ счастіемъ? Вы теперь чада св. матери— церкви истинной, единой спасительной: какъ не радоваться намъ о пріумноженіи сыновъ нашей матери и наслѣдниковъ царствія Божія?

Велико и разнообразно дарованіе духовное, принятое вами отъ священнодѣйствія, архипастыремъ совершеннаго съ сонмомъ пастырей, надъ храмомъ симъ. Вы недавно привились къ единой живой и живодательной лозѣ духовной и Божественной—святой церкви православной, истинной непорочной невѣсты Христовой. Надобно было подать вамъ духовныя средства *ко утвержденію вашему:* и вотъ, прежній вашъ домъ молитвы, святительскимъ Богослуженіемъ, освященъ на православный храмъ церкви Христовой, въ которомъ отселѣ будетъ приноситься по заповѣди Христовой безкровная жертва о спасеніи, а не о пагубѣ людей, будутъ возноситься молитвы о мирѣ, а не о раздорахъ и мятежахъ—всего міра, о соединеніи и благосостояніи, а не о раздѣленіи всѣхъ, и въ которомъ вы станете утверждаться въ своей вѣрѣ—единой истинной, православной, чистой, непорочной, отъ Господа Спасителя чрезъ св. Апостоловъ и Богоносныхъ Отцовъ преданной, и непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ до насъ достигшей. Будьте же достойны этого спасительнаго дара; крѣпко храните его въ душахъ и совѣсти вашей; не слушайте смутныхъ рѣчей, которыя врагъ нашего спасенія діаволъ, конечно, станетъ разсѣявать между вами чрезъ недобрыхъ, завистливыхъ людей!

Великаго, любвеобильнаго дарованія духовнаго сподобляетесь вы нынѣ, съ воспріятіемъ св. вѣры нашей, съ присоединеніемъ къ чадамъ св. церкви православной. Бывши въ прежней вѣрѣ, вы и тамъ исповѣдывали Св. единосущную и нераздѣльную Троицу; и тамъ полагали въ основаніе своей вѣры и спасенія крестную смерть и живоносное воскресеніе І. Христа; и тамъ именовались христіанами,— только римскими, папскими, латинскими. Но тамъ вы не были въ безопасности потерять Христово ученіе; не пользовались всѣми дарами св. Духа, которые Господь І. Христосъ благоволитъ раздавать истинно вѣрующимъ въ Него;— лишаемы были нѣкоторыхъ дарованій духовныхъ, необходимыхъ для душевнаго спасенія. Теперь же, отрекшись отъ незаконнаго главенства, надъ церковію, римскаго папы, который, какъ человѣкъ, можетъ и самъ погрѣшать въ вѣрѣ и другихъ вводить въ за-

блужденіе, такъ что и примѣры были, что сами папы впадали въ ереси и расколы, и были предаваемы анаѳемѣ отъ св. вселенскихъ соборовъ и отъ самихъ же папъ,— вы нынѣ состоите подъ единою истинною невидимою главою — Самимъ І. Христомъ, Господомъ и Спасителемъ нашимъ. Вы нынѣ сподобляетесь св. причастія Тѣла и Крови Христовой въ полнотѣ, какъ предалъ самъ І. Христосъ, подъ обоими видами хлѣба и вина. Ваши малютки дѣти, младенцы, эти невинные чада Божіи, которыхъ самъ І. Христосъ обнималъ и ласкалъ во время своей жизни, въ латинствѣ лишены были дарованія св. причастія; а въ св. церкви нашей и они сподобляются чрезъ св. причастіе принимать въ себя самого Христа, котораго они — чистыя созданія Божіи, достойнѣе, чѣмъ мы-грѣшные, окаянные. Скажите же новые чада—свѣтообразная, церковная, малы ли дары, которыхъ участниками содѣлались вы, ставши членами св. церкви православной? О, какъ же вы горячо должны возсылать хвалу милосердому Господу, что Онъ, заботясь о вашемъ спасеніи, даровалъ вамъ возможность принимать эти дары въ снабдѣніе живота вѣчнаго! Какъ часто должны хвалиться предъ совѣстію и людьми, что вы нынѣ— христіане православные — т. е. правовѣрующіе исповѣдники Христа, а не послѣдователи Рима.

Мало того, ставъ чадами св. церкви православной, вы содѣлались членами всего славнаго семейства русскаго, глава коего—Благочестивѣйшій Царь нашъ! Доселѣ вы были русскіе только по крови и происхожденію, хотя предки ваши несомнѣнно были русскими и по вѣрѣ, потому что держались вѣры православной, и отъ нея увлечены были въ латинство обманомъ и насиліемъ іезуитовъ и усердныхъ служителей ихъ— пановъ—поляковъ. Но нынѣ и вы уже русскіе во всѣхъ отношеніяхъ—и по языку, и по крови, и по вѣрѣ, исповѣдуя ее, какъ и Благовѣрный нашъ Императоръ. И вотъ, въ ознаменованіе этого, для раздѣленія радости всей русской семьи, притекли сюда къ вамъ единовѣрные и единокровные ваши начальники, начиная отъ г. начальника губерніи, до послѣдняго чина;—и отеческое сердце ГОСУДАРЯ взыграетъ о вашемъ обращеніи. Долго вы были въ рабской неволѣ. Благочестивѣйшій ГОСУДАРЬ нашъ, подвизаемый животворнымъ духомъ любвеобильной православной вѣры, 5 лѣтъ назадъ освободилъ васъ отъ неволи, и тогда же въ своемъ Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ приглашалъ всѣхъ вѣрноподданныхъ своихъ этими отеческими словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.“ Не знаемъ, бр., такъ ли послѣ того и доселѣ праздновали вы свое освобожденіе отъ крѣпостной зависимости; потому что не знаемъ, осѣняли-ль себя тогда крестнымъ знаменіемъ какъ—православный народъ русскій? Теперь же настало время для этого

возможное и благопотребное къ исполненію воззванія Царева; теперь вы народъ православный, законно и правильно можете и должны осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, въ благодареніе отъ искренняго сердца Богу и великому ГОСУДАРЮ за свое освобожденіе отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, и съ надеждою испрашивать Божіе благословеніе на свободный трудъ свой, залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго, въ душевное спасеніе и въ залогъ блаженства вѣчнаго на небесѣхъ. Крестное знаменіе, творимое вами нынѣ по православному, по апостольской заповѣди, да служитъ для васъ крѣпчайшимъ обязательствомъ, соблюдать непоколебимую вѣрность и преданность ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, какую, съ сердечною любовію и благоговѣніемъ, всегда являлъ и являетъ къ Нему православный народъ русскій.

Братіе-православные соотечественники, съ любовію притекшіе сюда *соутѣшитися* здѣсь, *въ новыхъ чадахъ* св. нашей церкви, *общею вѣрою!* Пріятно видѣть, что вы въ такомъ множествѣ явились въ новоосвященный храмъ сей, дабы раздѣлить радость съ новыми братіями по вѣрѣ; еще отраднѣе и вожделеннѣе то, что нѣкоторые изъ васъ нынѣ же предходятъ предъ ними къ св. алтарю, чтобы, пріобщаясь св. Таинъ тѣла и крови Христовой во спасеніе свое, и имъ показать добрый примѣръ этого; вообще же новорожденнымъ въ св. вѣру нашу братіямъ подадите образъ вашей вѣры, въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же—искусство, въ искуствѣ—терпѣніе, а терпѣніе не посрамитъ. Всѣ же мы, составляя едино стадо единаго Пастыря Іисуса Христа, и благодаря Его о васъ и о себѣ, да пребудемъ въ единеніи вѣры и любви, и единѣмъ сердцемъ, и единомысленно исповѣдывать Отца, и Сына, и св. Духа-Троицу единосущную и нераздѣльную, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. *А. І.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ
ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.
I.

Перечисляя событія дня, я обязанъ упомянуть о пріѣздѣ въ Петербургъ русскаго посла въ Парижѣ, барона Будберга и начальника сѣверо западнаго края, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, а равно объ ожидаемомъ пріѣздѣ генерала Безака. Казалось бы, что такое-пріѣздъ въ Петербургъ того или другаго лица, хоть бы и изъ числа высшихъ сановниковъ! А между тѣмъ всѣ эти три пріѣзда страннымъ образомъ стягиваютъ или растягиваютъ мускулы на лицахъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ субъектовъ, надъ которыми я дѣлаю свои обычныя наблюденія. Одинъ такой субъектъ, польскаго происхожденія, поспѣшилъ сказать мнѣ при встрѣчѣ: „A propos, vous savez que la cour de Tuilleries s'interesse à nous?“ „Изъ чего-жъ вы это заключаете,“ отвѣчалъ я: „изъ пріѣзда генерала фонъ-Кауфмана, котораго на дняхъ ожидаютъ?..“ Субъекта покоробило.

Я долженъ сообщить вамъ при этомъ слухъ, которому имѣю причины придавать болѣе вѣры нежели желалъ бы; а чтобы ваши читатели яснѣе уразумѣли все его значеніе, то позволю себѣ припомнить сущность послѣднихъ распоряженій относительно землевладѣнія въ западномъ краѣ. Они состоятъ изъ двухъ существенно различныхъ частей, а именно: 1) лица, скомпрометтированныя въ послѣднихъ политическихъ безпорядкахъ, обязаны продать свои имѣнія въ двухъ-годичный срокъ и 2) никому изъ лицъ польскаго происхожденія не дозволяется покупать помѣщичьихъ имѣній въ западномъ краѣ. Эти двѣ мѣры, повторяю, существенно различны, и я именно настаиваю на различіи между ними. Первая мѣра есть, несомнѣнно, мѣра строгая, но она относится только къ лицамъ уличеннымъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Вторая же мѣра— чисто охранительная. Тѣ, которые суть дѣйствительно, или только объявляютъ себя вѣрными подданными, могутъ, пожалуй, съ точки зрѣнія теоріи, говорить, что запрещеніе пріобрѣтать имѣнія въ данной мѣстности ограничиваетъ ихъ полноправность, но они же должны и одобрять это ограниченіе. Ставлю себя на ихъ мѣсто, дѣлаюсь на минуту виленскимъ или подольскимъ помѣщикомъ и положительно говорю, что охотно отказался бы отъ покупки имѣнія въ своей губерніи до тѣхъ поръ, пока дворянство въ ней не перемѣнитъ своего характера: мое имѣніе вѣдь останется при мнѣ, а если я хочу покупать новыя имѣнія, то предо мной открыта вся необъятная Россія, кромѣ западнаго края. Нѣкоторые добиваются въ этомъ отношеніи для себя изъятій. Съ какою цѣлію они это дѣлаютъ, желалъ бы я знать? Если вы русскій, какъ увѣряете, русскій по убѣжденію, хотя и католикъ, сказалъ бы я такому господину, то должны помогать русскому правительству

и русскому дѣлу, а не подкладывать ему палки подъ колеса. Вы—русскій? Но давно ли вы стали имъ? Васъ въ краѣ считаютъ полякомъ, а вы должны понять, что распоряженіе, которымъ ограничивается право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, направлено не противъ католиковъ, а противъ поляковъ. Разсудите же: васъ считаютъ полякомъ, и между тѣмъ въ вашу пользу дѣлается изъятіе изъ только-что изданнаго закона противъ поляковъ! Видя это, что должны подумать ваши сосѣди, такіе же поляки какъ вы, или какимъ они васъ считаютъ? Они должны подумать, что, немного погодя, очередь изъятіямъ дойдетъ и до нихъ, и что, при маленькой выдержкѣ съ ихъ стороны, все останется по прежнему. Вы—русскій,—все продолжалъ бы я, обращаясь къ подобному господину и постепенно воодушевляясь,—но знаете ли, что достаточно малѣйшаго намека на непрочность указа 10-го декабря для полной неудачи дѣла, къ которому онъ насъ призываетъ. Нѣтъ (все-таки продолжалъ бы я, воодушевляясь до послѣдней степени); вы не—русскій, если хотите подрываться подъ основанія указа 10-го декабря; вы—полякъ.

Вотъ что мнѣ казалось необходимымъ высказать по поводу слуховъ, и—повторяю,—очень вѣрныхъ слуховъ, о проискахъ, имѣющихъ цѣлію обойдти указъ 10-го декабря. Они нарочно смѣшиваютъ обѣ вышепоказанныя стороны этого указа и протестуютъ противъ экспропріаціи. Мы, говорятъ они, не причастны политическимъ безпорядкамъ; мы состоимъ на государственной службѣ; если наши родственники скомпрометтированы, то за что же насъ лишаютъ нашей собственности?.. Вашей собственности васъ не лишаютъ и не хотятъ лишать, но необходимо лишить васъ возможности скупать имѣнія вашихъ скомпрометтированныхъ родственниковъ и такимъ образомъ обходить законъ объ экспропріаціи политическихъ преступниковъ; необходимо лишить мѣстное польское дворянство надежды, что оно побѣдитъ законъ и правительство; необходимо, наконецъ, позаботиться и о цѣломъ краѣ, который, изъ-за упорства вашихъ польскихъ надеждъ, не можетъ быть освобожденъ отъ военнаго положенія.

II.

Лица, знакомыя съ дѣлами западныхъ губерній, разсказываютъ, что въ западномъ краѣ продолжаютъ носиться въ средѣ русскаго общества тревожные слухи объ изъятіяхъ, которыя будто бы выхлопатываютъ себѣ въ Петербургѣ мѣстные крупные землевладѣльцы польскаго происхожденія,—изъятій, въ силу которыхъ законъ 10-го декабря можетъ фактически остаться мертвою буквой. Не берусь судить о степени достовѣрности этихъ странныхъ слуховъ, хотя въ обществѣ громко называются имена не только польскихъ пановъ, но и

русскихъ патроновъ ихъ; ограничусь изложеніемъ причинъ, которыя заставляютъ меня относиться къ слухамъ этимъ подозрительно и даже считать ихъ преувеличенными, а можетъ быть и преднамѣренно распускаемыми поляками и полонофилами.

По порядку службы, вопросъ о такихъ изъятіяхъ можетъ проводиться по инниціативѣ или одного изъ генералъ-губернаторовъ западнаго края, или же кого-либо изъ петербургскихъ патроновъ полонизма на западно-русской почвѣ.

Въ первомъ случаѣ трудно представить себѣ, чтобы ходатайство объ изъятіи было предъявлено въ пользу лица не только подозрительнаго въ отношеніи политическомъ, но даже и такого, которое равнодушно относится къ вопросу о томъ, составляютъ ли западныя губерніи наши часть Польши, или же часть Россіи. Трудясь теперь въ западномъ краѣ нашемъ надъ задачей, отъ разрѣшенія которой, болѣе или менѣе удачнаго, прямо зависятъ будущія судьбы Россіи, и зная на мѣстѣ всѣ прелести полонизма, мѣстная администрація можетъ ходатайствовать развѣ о такомъ только полякѣ, расширеніе правъ котораго отзовется съ пользой на возстановленіи въ западномъ краѣ русской народности.

На другомъ пути ходатайство объ изъятіяхъ можетъ быть вчинаемо панами или по собственной инниціативѣ, или черезъ посредство какого-нибудь патрона. Такъ какъ въ томъ или другомъ случаяхъ *ближайшія и точныя* свѣдѣнія о степени благонадежности лицъ, домогающихся привилегія, могутъ имѣться только на мѣстѣ нахожденія ихъ имѣній, то испрошеніе какихъ бы то ни было изъятій въ пользу этихъ лицъ по вопросу о землевладѣніи въ западномъ краѣ *логически невозможно безъ заключенія одного изъ генералъ-губернаторовъ*, какъ лицъ, на которыхъ Монаршимъ довѣріемъ возложено устройство края и которыя, конечно, должны знать дѣло ближе изъ мѣстныхъ источниковъ. Обойдти этихъ лицъ, при возбужденіи такого вопроса, невозможно, не говорю уже по естественному чувству деликатности, но и по соображеніямъ административнымъ. Согласно ли было бы, напримѣръ, съ здравою логикой, чтобъ административное лицо одного департамента испрашивало у министра распоряженіе по дѣламъ совсѣмъ другаго департамента,—по дѣламъ, состоящимъ въ нѣкоторой связи между собою, не снесясь съ симъ послѣднимъ и не представивъ министру какъ своихъ доводовъ, такъ равно и доводовъ того департамента, до котораго это дѣло касается? Допустить возможность такой неурядицы, значило бы допустить возможность или полной дисгармоніи въ администраціи, или же преднамѣренный разладъ между различными ея отдѣлами.

Понятно, что при нашей строго-организованной административной системѣ подобная неурядица невозможна; а при невозможности ея, нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ о

лицахъ, ходатайствующихъ объ изъятіяхъ не было предварительно собрано на мѣстѣ самыхъ точныхъ данныхъ, и чтобы данныя эти не служили главнымъ основаніемъ при разсмотрѣніи столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ вопроса, какъ вопросъ о томъ—съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на ходатайство объ изъятіи.

Повторяемъ, до полнаго разъясненія дѣла, мы не придаемъ большаго значенія распространяемымъ объ изъятіяхъ слухамъ и даже полагаемъ, что слухи эти могутъ принадлежать къ тѣмъ уткамъ, которыя пускаются иногда въ нашемъ обществѣ разнаго рода внутренними доброжелателями, съ цѣлію подорвать въ русскихъ довѣріе къ собственному дѣлу. Напротивъ того, помня, что послѣ изданія указа 10-го декабря, прямо и откровенно высказывающаго національное направленіе нашей внутренней политики, не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ, мы глубоко убѣждены въ томъ, что предначертанія высшаго правительства скоро начнутъ приводиться въ исполненіе, и что съ тѣмъ вмѣстѣ мы въ состояніи будемъ поздравить Россію съ окончаніемъ созданнаго нашими же ошибками польскаго вопроса. (*). (Моск. Вѣд.)

«Страхопудъ» подае львовскому сейму способъ рѣшити русскій вопросъ такъ, чтобы и Руси кривды не сдѣлати и Польшу отъ опасности сохранити.

Поляки въ львовскомъ сеймѣ, боятся литературнаго соединенія галицкой Руси съ прочою Русью и хотѣлибы по той причинѣ Галицкую Русь или спольщити или по крайней мѣрѣ надати ей литературному розвитію такое направленіе, которое бы препятствовало духовному соединенію русскихъ силъ. Но такъ якъ польскій сеймъ не въ состояніи вліяти на направленіе галицко-русской литературы, то предлагае Страхопудъ львовскому сейму другое средство къ достиженію той-же самой цѣли. Тое средство о столько практичнѣйше, що оно и не стеснитъ свободы русскихъ писателей Галиціи и не поставитъ галицкихъ поляковъ въ свѣтлѣ угнѣтателей народности. Упомянутое средство состоитъ въ слѣдующемъ: Высокій сеймъ благоволитъ большинствомъ голосовъ установити: 1) Запрещается 45 милліонамъ великорусского племени говорити *по* русски. 2) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ называти себе „русскими", свой языкъ „русскимъ", и свою землю „святою Русью". 3) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ называти свою вѣру—„православною", быти греческаго обряда, и

(*) Въ изъятіи нѣкоторыхъ поляковъ отъ примѣненія къ нимъ указа о землевладѣніи (10 декабря) всего опаснѣе то, что извѣстный заслуженный панъ будетъ покупать разныя—и секвестрованныя и не секвестрованныя панскія имѣнія, не теряя на то ни одного рубля своихъ денегъ, и потомъ продавать эти имѣнія другимъ панамъ, или устроитъ дѣла такъ, что въ купленныхъ имѣніяхъ будутъ, въ ролѣ управляющихъ, заправлять дѣлами наслѣдники либо родственники прежнихъ владѣльцевъ и проч.. и проч. (Ред.)

нили тѣже церковнорусскія книги. 4) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ употребляти кириллицу. 5) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ сѣвернорусского племени, производити себе изъ Кіева и называти тотже Кіевъ—своею колибелью. 6) Приказуется истребити всѣ преданія о Кіевѣ и его богатыряхъ—сохраняющіися по нынѣ въ сѣвернорусскомъ племени. 7) Приказуется 45 милліонамъ тогоже племени сознаватися Моголами, Финами, Чудами, Татарами и Самоедами — еврейско-магометанско-паганско-схизматическаго вѣроисповѣданія. 8) Приказуется 45 милліонамъ того же племени выйти изъ Европы и поселится въ сѣверновосточной Австраліи. 9) Приказуется 45 милліонамъ тогоже племени — повиноватися настоящимъ опредѣленіямъ установленнымъ большинствомъ голосовъ львовскаго сейма. „Страхопудъ".

ПРАЗДНОВАНІЕ

19-го февраля 1866 года въ молитвенномъ домѣ виленскаго раввинскаго училища.

Въ субботу, 19-го февраля, въ высокоторжественный день Восшествія на престолъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, совершено въ молитвенномъ домѣ виленскаго раввинскаго училища молебствіе о здравіи и благоденствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго ЕГО Дома, въ присутствіи и. д. инспектора, еврейскихъ учителей, старшаго и дежурнаго надзирателей, при огромномъ стеченіи какъ казенно-коштныхъ, такъ и вольно-приходящихъ учениковъ и нѣкоторыхъ городскихъ лицъ. По окончаніи молитвы, хоръ, состоящій изъ питомцевъ того-же училища, подъ управленіемъ г. Натансона, пропѣлъ на русскомъ языкѣ 148 псаломъ. Послѣ того казенно-коштный воспитанникъ училища Я. А. Каганъ произнесъ нижеслѣдующее слово.

Небесный Отче нашъ!

Ты видишь, какъ невыразима радость, которою сегодня наполнилъ Ты сердца *сыновъ Сіона о Царѣ своемъ* (1). Ты внимаешь нынѣ нашей о немъ молитвѣ, окрыленной и усиленной молитвою многихъ мильоновъ русскихъ нашихъ согражданъ. *Приклони же ухо Твое къ молитвѣ нашей: пошли ему Духъ Твой, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и мужества, духъ вѣдѣнія и страха Господня* (2);

---

(1) Псал, CIX. 2.
(2) Исаія гл. XI. 2.

пошли Ему долголѣтіе, отжени отъ Него и народовъ Его всякіе недуги, лишенія, напасти и смятенія; содѣлай Его для слѣпыхъ *зрѣніемъ, для узниковъ спасителемъ, свѣтомъ для сидящихъ во тмѣ темничнаго дома* (1). *Пойте Богу пѣснь, ибо Онъ сдѣлалъ великое дѣло; вѣдомо сіе по всей землѣ* (2).

Любезные братья! «не смотрите, скажу съ однимъ мудрецомъ,—на сосудъ, а смотрите на то, что въ немъ». Настоящій день, казалось бы, подобенъ всѣмъ другимъ днямъ Божіимъ, но этотъ день есть 19 февраля, день въ который одинадцать лѣтъ тому назадъ вступилъ на престолъ ГОСУДАРЬ нашъ. Съ этого дня царское слово ЕГО повѣяло на всѣ ЕГО народы новымъ настоящимъ, которое ведетъ насъ къ счастливому будущему. Но, если всѣ радовались воцаренію нашего МОНАРХА, то мы тѣмъ болѣе; ибо душа израиля угадала Его значеніе. Мы веселились и веселимся Его воцаренію, *какъ веселятся* только *во время жатвы, какъ радуются при раздѣлѣ добычи* (3). 19-ое февраля 1855 года, можно предсказывать, не будучи пророкомъ, составитъ эпоху не только въ отечественной исторіи, но и въ общечеловѣческой.

19-го февраля 55 года засіяло свѣтозарное солнце надъ нашимъ полумрачнымъ горизонтомъ; *народъ ходившій во тмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, свѣтъ возсіялъ надъ нимъ* (4). Лучи этого свѣта прорѣзали черныя тучи, надвинутыя на насъ временемъ и бурями историческими, отогрѣли и наши полузамершія кости. Хотя они грѣли и грѣютъ всѣхъ сыновъ Россіи, но мы болѣе другихъ въ нихъ нуждались; наши братья много натерпѣлись до этого дня, они ждали столь долго своего избавителя, и вотъ Онъ явился 19-го февраля. Онъ простеръ свою Монаршую руку равно ко всѣмъ.

«Къ узнику, къ еврею, къ западному краю,
Къ рудникамъ Сибири, къ падшимъ виновнымъ».

Словомъ, день этотъ благославляютъ милліоны.

Я не дерзаю говорить теперь обовсемъ, что совершилъ въ одинадцать лѣтъ нынѣ царствующій ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій. Тѣсныя рамки моего слова лишаютъ меня этого

---

(1) Исаія гл. XI. II. 7.
(2) Тамъ же гл. XII 5.
(3) Тамъ же гл. IX 2.
(4) Тамъ же гл. IX. 1,

страсть; но объ некоторыхъ Его деяніяхъ я обязанъ говорить потому, что считаю святотатствомъ пройдти ихъ въ этотъ день, въ этомъ мѣстѣ, молчаніемъ. Драгоцѣннѣйшій алмазъ въ царской коронѣ нашего ГОСУДАРЯ, краснорѣчивѣйшая страница въ русской исторіи—это, безсомнѣнія, освобожденіе крестьянъ. Хотя это величайшее изъ дѣяній государей не касается насъ лично, но надо быть мизантропомъ, чтобъ не говорить о немъ. 22 милліона людей, столь долго стонавшихъ подъ игомъ рабства, такъ мало имѣвшихъ правъ на названіе человѣка,—существа *разумно-свободнаго*, получили вдругъ эти права; рука МОНАРХА сокрушила на нихъ тяжкій и ѣдкій кремь неволи. Отъ Ледовитаго моря до Чернаго, отъ Балтійскаго до Каспійскаго, отъ горъ Кавказскихъ до Карпатскихъ, понеслись къ престолу Царя Царей молитвы мильоновъ о здравіи, благоденствіи и долгоденствіи Царя нашего, Которому по праву усвояется и будетъ усвоено исторіей священное имя-Освободителя. Даже враги Россіи вынуждены были оцѣнить это дѣяніе русскаго Монарха сообразно его качествамъ.

Но, товарищи мои! это одинъ только перлъ въ великолѣпномъ вѣнцѣ Его дѣяній. Скоро послѣ освобожденія крестьянъ, одна окраина Россіи освободилась отъ тѣхъ дикихъ ея обитателей, съ варварствомъ и кровожадностью которыхъ болѣе полъ вѣка боролась могучая Россія. Едва-ли нужно и говорить, что я разумѣю здѣсь покореніе Кавказа. Современно съ этою эпохою раздавлена гидра крамолы, затѣянной ксендзо-шляхетсвомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ долго—терпѣливая западная Россія воскресла для новой жизни соціальной, гражданской, моральной и матеріальной. Но не одинъ только крестьянинъ исхищенъ отъ неволи, не одинъ только малороссъ, бѣлороссъ и литвинъ защищены отъ насилія и произвола польскаго десницею нашего Монарха; теперь даже участь самихъ преступниковъ защищена отъ тѣхъ глумленій и истязаній, которымъ такъ недавно подвергали ихъ тѣло; даже тѣ, которые работаютъ на пользу общую и во искупленіе своихъ тяжкихъ грѣховъ въ рудникахъ, дышатъ теперь свободнѣе, одѣты теплѣе, накормлены сытнѣе. Нѣкоторые увѣряли, что для Россіи еще слишкомъ преждевременно прекращеніе эпохи разныхъ насилій и неуваженій къ правомъ человѣчества, но, ГОСУДАРЬ нашъ доказалъ, что онѣ слишкомъ долго держались среди насъ. Это доказалъ опытъ: тотъ, кто видѣлъ Россію одиннадцать лѣтъ тому назадъ, не узналъ бы

ее теперь, а особенно не узнал бы въ прежней много - страдальной, полупольской, полулатинской западной Россіи, теперешней западной Россіи. Поистинѣ ГОСУДАРЬ нашъ украсилъ шапку Мономаха такими безцѣнными камнями, которые вѣчно будутъ сіять въ вѣнцѣ Его, и какими не украсился никто изъ Его славныхъ и великихъ предшественниковъ. Но и на томъ не остановился МОНАРХЪ нашъ. Онъ посѣялъ въ нашемъ отечествѣ несмѣтное множество народныхъ школъ, больше десятки гимназій, университетъ въ Одессѣ, Петровскую академію въ Москвѣ, Высшую школу въ крамольной даже Варшавѣ и много другихъ разсадниковъ просвѣщенія, приспособленныхъ къ разнымъ потребностямъ населяющихъ Россію людей и народовъ. Мы ихъ исчислять не будемъ, чтобы не опередить историковъ.

А вотъ, рядомъ съ свободой, такъ, сказать физической пошла свобода русскаго слова и чувства. Новое уложеніе о свободѣ печати спасло отъ небытія множество дѣльныхъ мыслей, задушевныхъ чувствъ,полезныхъ соображеній и положило основу тому нравственному росту Россіи, безъ котораго ростъ физическій едва ли не приноситъ всякому организму больше вреда, нежели пользы. О новомъ судо-производствѣ, о земствѣ и многихъ другихъ великихъ учрежденіяхъ и дѣяніяхъ нашего ГОСУДАРЯ говорить не буду какъ потому, что иначе слово мое никогда бы не было окончено, такъ и потому, что не въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ обрисовать и исчерпать всѣ великія и благодѣтельныя реформы послѣдняго царствованія съ ихъ результатами.

Плодами такихъ благодѣяній наслаждаются вообще всѣ народы, населяющіе предѣлы обширнаго нашего отечества; но коснулись ли эти благодѣянія насъ, евреевъ? Для рѣшенія этого вопроса поднимемъ на нѣсколько минутъ занавѣсъ на сцену минувшаго и посмотримъ, что было прежде и что сдѣлано для насъ теперь,—и если намъ хорошо теперь жить на свѣтѣ, то кому мы обязаны этимъ?

Любезные братья! не знаете ли вы изъ нашей исторіи той мрачной эпохи, которую переживали предки наши со времени разрушенія втораго храма до новѣйшаго времени? Обломки прекраснаго прошедшаго были сглажены грознымъ, ничего не щадившимъ временемъ; однѣ грустныя развалины покрыли осѣдлища израильтянъ, вороны и филины поселились въ священныхъ памятникахъ Израиля. Видя всю невозможность

оставаться долѣе въ родной землѣ, предки наши бѣжали въ сосѣднія страны. Но не слишкомъ дружелюбно приняли ихъ сосѣди: послѣдніе прежде всего позаботились отчуждать ихъ отъ себя и заклеймить поголовнымъ презрѣніемъ. Наши предки, скрѣпя сердце, должны были покориться своей участи. Потомъ на нихъ обрушилось повсюдное, самое репрессивное и продолжительное гоненіе; глаза ихъ покраснѣли отъ слезъ, грудь изсушилась отъ рыданій. Чтобы составить объ этой злополучной эпохѣ вѣрное понятіе, надобно было быть евреемъ. За одно желаніе жить евреи платили огромныя суммы денегъ; вездѣ и всегда гоненія за гоненіями: сперва въ самомъ Іерусалимѣ, потомъ въ цѣлой Палестинѣ, далѣе въ Вавилонѣ, въ Аравіи, Германіи, Италіи, Испаніи, во Франціи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. Но эпоха страданія евреевъ особенно рѣзко выдается во Франціи, съ царствованія Филиппа Августа, въ Англіи, со времени жестокаго Іоанна, и въ Германіи, съ перваго крестоваго похода. Вездѣ, куда только проникло свирѣпое и всемогущее латинское духовенство, евреи тысячами бѣжали изъ страны, тысячами гибли на кострахъ инквизиціи, испускали духъ въ звѣрскихъ пыткахъ, истлѣвали живыми въ подземельяхъ кляшторовъ,—этихъ подобіяхъ ада. Съ тѣхъ поръ, какъ латинскія корпораціи и конгрегаціи стали заниматься іудейскими дѣлами, евреи такъ привыкли къ этимъ мученіямъ, что они едва отмѣчали ихъ въ своихъ лѣтописяхъ и только Богу въ молитвѣ жаловались на мучителей и просили у Него помощи. Они жили только надеждою на лучшее будущее и съ нею они дожили до настоящаго времени. Предки наши бросались въ разныя стороны, но большею частью попадали «изъ огня въ полымя». Бѣгая изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, изъ государства въ государство, думая найдти гдѣ нибудь, хотьбы за Геркулесовыми столбами, надежное пристанище; будучи изгоняемы изъ всѣхъ почти государствъ, они бросились въ Рѣчь посполитую; они думали, что на безрыбьи и ракъ рыба; утопающій хватается и за бритву. Перечислять всѣ бѣдствія нашихъ предковъ въ Польшѣ намъ не станетъ ни времени, ни терпѣнія. Это дѣло историка польскихъ евреевъ; но мы считаемъ нужнымъ, по случаю настоящаго торжества, мимоходомъ поблагодарить Польшу за то, что она, помимо своего желанія, доставила намъ отечество въ Россіи, что, одѣвая въ шутовской костюмъ, она отбросила насъ отъ себя къ москалямъ;

послѣдніе не могнушались нами. Въ отношеніи къ намъ мы были довольно неблагодарны, хоть и безсознательно; потому что мы были только орудіемъ польской интриги и латинскаго фанатизма, а между тѣмъ, мы же въ отвѣтѣ. Хотя Польша была мѣстомъ селенія предковъ нашихъ, но все таки нельзя простить ей за ея оскорбленія и назвать отечествомъ, подобно тому какъ потомки вѣчнаго узника никогда не захотятъ наименовать тюрму отечествомъ ихъ предковъ. Мѣсто бичеванія не есть отечество, а мѣсто пытки.

Наконецъ намъ удалось освободиться изъ этой тюрьмы, мы вышли уже, слава Богу, изъ подъ опеки нашей мачихи; нашимъ отечествомъ сдѣлалась Россія. Но и здѣсь не безъ партій, нареканій, недовѣрій; видно, что полная чаша радости не для насъ! Большинство упрекаетъ насъ въ томъ, что у насъ нѣтъ отечества. Оно не обращаетъ вниманія на множество учрежденій, дарованныхъ для насъ правительствомъ, какъ для сыновъ Россіи; оно не смотритъ на то, что еврей-солдатъ присягаетъ служить вѣрою и правдою ГОСУДАРЮ и *отечеству*, какъ его предки нѣкогда служили іудейскому царству. Предъ этою партіею и сама аксіома склоняетъ смиренно свою голову и ждетъ своего защитника. Эта партія не хочетъ и знать того, что каждый человѣкъ, какого бы происхожденія, какой бы вѣры онъ нибылъ, считаетъ своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ родился, гдѣ впервые выучился лепетать дорогія имена: «отецъ, отечество», гдѣ выросъ, воспитывался, гдѣ обзавелся различнаго рода преданіями, гдѣ страдалъ, радовался, волновался разнородными ощущеніями, гдѣ, по выходѣ изъ утробы матери, сталъ питаться воздухомъ страны. Отечество каждаго есть страна, морозъ и зной которой онъ охотно переноситъ, плодами которой питается, законами которой онъ управляется, счастію и безопасности которой, по мѣрѣ своихъ силъ, онъ способствуетъ, гдѣ бродитъ онъ по лугамъ и нивамъ въ дѣтскомъ возрастѣ, гдѣ онъ трудится, сражается, гдѣ въ молодости находитъ себѣ жизнь, въ старости—покой, *гдѣ сыны его, какъ вышедшіе изъ корня вѣтви, его окружаютъ* (1),—гдѣ онъ прочитаетъ надъ своими родителями отходную молитву и, закрывъ имъ глаза своею рукою, надѣется, въ назначенное Богомъ время, получить

(1) Псаломъ CXXVIII 3.

ту же услугу отъ своихъ дѣтей. Да, мѣсто, гдѣ покоится прахъ нашихъ отцевъ и дѣдовъ, намъ дорого, оно никогда—никогда не изгладится изъ нашей памяти! Евреи, оставивъ Египетъ и желая навсегда забыть его, вынесли оттуда кости дорогого имъ Іосифа.

Другая партія говоритъ, что у насъ есть отечество, но мы его не любимъ, живемъ въ немъ особнякомъ. Эта партія мѣтитъ, также какъ и первая, прямо въ сердце и такими же острыми стрѣлами. Она говоритъ, что мы ждемъ какого то освободителя, Мессію, что наши взоры направлены къ Востоку, къ обѣтованной землѣ, къ Іерусалиму. Она не знаетъ, что нашъ Мессія—это нашъ идеалъ счастія,къ которому мы стремимся, что это—вѣчно носящееся предъ нашими глазами *отвлеченное* изображеніе перемѣны къ лучшему. Мессія—это гранитная скала, объ которую сокрушались всѣ, до новѣйшаго времени, страданія Израиля. Мессія вынесъ мужественно напоръ нашихъ несчастій. Въ то время, какъ евреи, перебѣгая огромныя пространства, спотыкались о камни, подложенные заботливою рукою враговъ,—надежда на Мессію спасла ихъ отъ отчаянія, отъ погибели. Не одинъ разъ они стояли лицемъ къ лицу съ своимъ паденіемъ, но надежда на Мессію выручала ихъ. Были времена, въ которыя евреи громко вопіяли: я предпочитаю смерть жизни; были времена, когда они другъ друга спрашивали: *для чего я не умеръ въ утробѣ, изъ чрева исходилъ и не скончался? Зачѣмъ срѣтили меня колѣна—и на что было мнѣ сосать сосцы? Теперь лежалъ бы я, и почивалъ, спалъ бы: тогда было бы мнѣ покойно* (1). Кто же спасъ ихъ отъ отчаянія, отъ погибели? Мессія—ожиданіе лучшаго будущаго! Онъ окрылилъ ихъ надеждами, и они прошли почти невредимо чрезъ всѣ эти ужасныя эпохи, какъ предки ихъ чрезъ Чермное море. Время, которое приноситъ бальзамъ для жгучихъ ранъ, время, которое даетъ евреямъ полноправіе, свободу есть мессіанское время въ полномъ значеніи этого слова. Каждый государь, имѣющій въ своемъ государствѣ евреевъ, эмансипируя ихъ, даруя имъ полноправіе, не забывая ихъ при всѣхъ своихъ манифестахъ, дѣлается имъ Мессіею de facto. Но Мессія, въ понимаемомъ мною смыслѣ, появится для евреевъ въ особенности тогда, когда каждый индувидумъ бу-

---

(1) Іовъ гл. III. 11. 12. 13.

деть проникнуть справедливостью словъ, произнесенныхъ пророкомъ Малахіею: *не одинъ ли у всѣхъ насъ отецъ, не одинъ ли Богъ сотворилъ насъ, такъ почему же мы такъ долго другъ друга ненавидѣли?* (1). Тогда будутъ сожалѣть о томъ только, что такъ долго жили между собою во враждѣ и раздѣленіи. Надежда на Мессію, любезные братья, нисколько не препятствуетъ намъ любить свое отечество, а русскіе не вправѣ ненавидѣть насъ за эту надежду, какъ и за то, что мы не забываемъ Іерусалима,—мѣста, гдѣ наши предки такъ привольно жили, и такъ трагически скончались, гдѣ дотлѣваютъ гробницы дорогихъ намъ пророковъ, гдѣ были обломки чудеснѣйшаго въ мірѣ храма, гдѣ нѣкогда создатель его Соломонъ просилъ Всемогущаго, чтобы Онъ услышалъ въ немъ молитвы евреевъ и не евреевъ. *Нѣтъ, скорѣе мы забудемъ свою десницу нежели Іерусалимъ* (2). Да, намъ нечего стыдиться этой любви и потому, что окружающіе насъ народы тоже любятъ Іерусалимъ какъ мы, онъ имъ не менѣе дорогъ, какъ и намъ. Но вѣдь они не перестали же отъ того любить отечества; и мы, любя этотъ священный для насъ городъ, можемъ быть душою и тѣломъ истинными гражданами новаго для насъ отечества,—Россіи. Іерусалимъ намъ дорогъ потому, что онъ былъ отечествомъ нашихъ предковъ и напоминаетъ намъ о счастливомъ прошедшемъ; Россія же дорога намъ потому, что она наше отечество отнынѣ и во вѣки. Въ Россіи мы будемъ жить и за Россію будемъ умирать. Доказательствомъ, что мы любимъ Россію и ГОСУДАРЯ нашего могутъ служить русскіе воины изъ евреевъ, которые умираютъ за отечество и ГОСУДАРЯ съ такою же охотою и любовью, какъ всякій истый русскій. Въ одномъ, правда, мы отстали отъ другихъ нашихъ соотечественниковъ,—мы говоримъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а не отечественнымъ-русскимъ. Этотъ грѣхъ лежитъ на нашей душѣ тяжелымъ камнемъ; сбросимъ же его какъ можно скорѣе, очистимся не только въ глазахъ русскихъ, но и въ своихъ собственныхъ отъ этой историко-филологической ржавчины. Эта работа предстоитъ нашему молодому поколѣнію, въ томъ числѣ и нашему училищу. Мы должны изгнать изъ среды себя чуждый жаргонъ, должны

(1) Малахія гл. II. 10.
(2) Псалмы CXXXVII. 5.

ввести въ жизнь живой русскій языкъ, который породнитъ насъ съ другими русскими, залѣчитъ много ранъ, нанесенныхъ намъ рукой изолированности. Русскій языкъ долженъ своею поэзіею пробудить въ насъ замолкшій, нѣкогда бордствовавшій надъ нами, поэтическій геній. Сбросимте жъ, наконецъ, эту въ лохмотья изорванную нѣмецкую мантію, которая заплатана и переплатана различнаго рода матеріями! Живо надо браться за дѣло и скорѣе заговорить русской рѣчью, чтобы никто не смѣлъ обзывать насъ пасынками Россіи. Мы обязаны къ тому и тѣми благодѣяніями, которыя такъ обильно излились на насъ щедротами русскаго МОНАРХА и тою признательностью, которою переполнены къ нему души наши. Если всѣ народы, населяющіе Россію, должны электризоваться одною общею любовью къ ГОСУДАРЮ и отечеству, то мы тѣмъ болѣе. Русскій Царь поднялъ насъ изъ той неизмѣримой глубины, въ которую мы были ввергнуты нашими прежними гонителями. Мы долго—долго почти не имѣли и здѣсь отечества, не принимали участія ни въ какихъ дѣлахъ общежитія; евреевъ не брали въ солдаты (глупцы были тому и рады, но не такого мнѣнія были люди дальновидные), считая ихъ негодными къ военной службѣ и чуждыми въ дѣлѣ защиты интерессовъ Россій. Прежде мы были что то въ родѣ пришельцевъ, которые платили за помѣщеніе. Намъ велѣно было сбросить шутовскую ливрею, въ которую нарядило насъ время и панство и надѣть костюмъ людей свободныхъ не только отъ польскаго ига, но и отъ фанатическихъ предразсудковъ. Это былъ важный шагъ къ сближенію съ отечествомъ и соотечественниками. Сіи послѣдніе перестали насъ презирать и явно отталкивать отъ себя. Не много погодя, надъ нашимъ горизонтомъ стало еще свѣтлѣе. Мы сначала думали, что небо только на мгновеніе очистилось отъ накопившихся тучъ, но мы пріятно ошибались. Нашъ небосклонъ озарился полнымъ свѣтомъ лучей солнечныхъ, брызнувшихъ отъ престола нашего МОНАРХА. Мы сдѣлались равноправны другимъ сынамъ Россіи; мы не отдѣлены по прежнему китайскою стѣною отъ остальной Россіи; всѣ храмы и сокровища наукъ, отъ низшихъ до высшихъ, открыты для насъ, какъ и для другихъ дѣтей Россіи; тому что я имѣю счастье говорить теперь, мои братья, съ вами, въ этомъ святомъ мѣстѣ, объ этихъ предметахъ, по русски, мы обязаны мудрости и великодушію нашего МОНАРХА.

Правда, въ отношенiи къ Богу, мы—евреи, образуемъ особый кружокъ,—въ особомъ молитвенномъ храмѣ изливаемъ нашу печаль и радость, благодарность и молитвы за ГОСУДАРЯ и отечество; но въ отношенiи къ ГОСУДАРЮ мы вѣрно-подданные ЕГО на равнѣ со всѣми прочими; религiя повелѣваетъ намъ служить всѣмъ сердцемъ ГОСУДАРЮ и отечеству. *Бойся Бога, чти Царя* (1) гласитъ религiя наша.

Мы заключаемъ наше слово тѣмъ, чѣмъ начали, т. е. молитвою къ Богу. *Господи Боже нашъ! велика слава его Твоимъ спасенiемъ; Ты возложилъ на него красоту и великолѣпiе. Ты содѣлалъ его предметомъ вѣчныхъ благословенiй, возвеселилъ его радостiю лица Твоего; ибо Царь уповаетъ на Господа и на милость Всевышняго; и не колеблется* (2). Господи Боже нашъ! благослови Твоими щедротами и Великую ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ МАРIЮ АЛЕКСАНДРОВНУ и Наслѣдника Престола русскаго, Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича и весь Царствующiй Домъ.

Царь нашъ земной!
Да благословитъ тебя Господь,
И да сохранитъ тебя!
Да воззритъ на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ,

И помилуетъ тебя!
Да обратитъ Господь лице Свое на тебя.
И дастъ тебѣ миръ (*),
Боже, Царя храни!
Аминь.

По окончанiи этой рѣчи, хоръ пѣвчихъ пропѣлъ народный гимнъ: «Боже Царя храни»! и проч.

Яковъ Каганъ.

ЯРМАРКИ ДЕРЕВЯННОЮ ПОСУДОЙ ВЪ ВИЛЬНѢ.

4 Марта (въ день польско-римскаго святаго королевича Казимiра) ежегодно бываетъ въ Вильнѣ самая оригинальная ярмарка: на нее привозятъ изъ всей окрестности, верстъ на 50, исключительно раз-

(1) Притчи Соломона гл. XXIV. 21.
(2) Псаломъ XXI. 6. 7. 8.
(*) Числа гл. VI. 24. 25. 26.

ную деревянную, домашняго издѣлія, посуду, приспособленную къ разнымъ потребностямъ быта хозяйственнаго.— Вся площадь возлѣ римско-католическаго каѳедральнаго костела, въ которомъ будто бы почиваютъ мощи, а на самомъ дѣлѣ нѣсколько положеныхъ костей королевича Казиміра, биткомъ набита повозками или санками производителей и толпами покупателей этой рухляди; съ утра до ночи тротуары и улицы виленскіе загромождены несущими и везущими ее по домамъ купившихъ.

Меня брало любопытство развѣдать время и цѣль учрежденія этой ярмарки, найдти, если можно, историчность ея происхожденія; но я остался почти при одномъ неудовлетворенномъ любопытствѣ. Одни, желая навязать ярмаркѣ историко-религіозное значеніе, утверждали, что, якобы, королевичъ Казиміръ, нелюбившій пышности и суеты двора королевскаго, часто предавался уединенію и, для избѣжанія праздности, занимался издѣліемъ разныхъ вещей изъ дерева, и что потому, якобы, въ честь его, и ярмарка, каждогодно собирающаяся въ посвященный памяти его день, ограничивается привозомъ и сбытомъ однихъ деревянныхъ издѣлій. Другіе находятъ въ особомъ свойствѣ этой ярмарки обыкновенное удовлетвореніе мѣстнымъ потребностямъ жителей Вильны, двѣ трети которой составляютъ евреи. Извѣстно, что евреи на свой пейсахъ (пасху) должны употреблять исключительно новую посуду; (1) этотъ праздникъ еврейскій приходится всегда въ первое полнолуніе послѣ весенняго равноденствія, слѣдовательно всегда раньше 4 Марта; крестьяне все свободное зимнее время употребляютъ на разныя издѣлія изъ дерева,— и вотъ, имѣя въ виду вѣрный сбытъ разной новой деревянной рухляди — и для евреевъ, и не для евреевъ,— они везутъ въ Вильну 4 Марта, для обоюдной пользы, свои издѣлія. На такой

1) Такъ какъ металлическою посудой обзаводиться вновь на всякую пасху было бы слишкомъ накладно, то евреи довольствуются тѣмъ, что употребляютъ эту посуду въ одну только пасху, а цѣлый годъ она покоится въ какомъ нибудь сундукѣ, чуланѣ и т. под.

поводъ къ ярмаркѣ намекаетъ и то обстоятельство, что, вмѣстѣ съ деревянною посудой, продается весьма много и новой глиняной,— произведенія туземныхъ горшечниковъ. То только сообщаетъ ярмаркѣ 4 Марта латинско-религіозный характеръ, что во время ея продается весьма много кропилъ, сдѣланныхъ по способу устройства ихъ въ римской церкви, и что ярмарка пріурочена, по здѣшнему обычаю, къ костелу и *отпусту* (храмовому празднику).

Если нужно здѣсь выразить какое нибудь личное мое желаніе, то я только пожелалъ бы, чтобы ярмарка деревяною посудой, въ пендантъ латино-польскимъ традиціямъ, была перенесена съ 4 марта на 4-й воскресный день великаго поста— и съ площади возлѣ каѳедральнаго римско-католическаго костела на площадь возлѣ ратуши и отчасти на сосѣднюю ей площадь предъ православнымъ каѳедральнымъ соборомъ. Тогда бъ и праздникъ св. Казиміра меньше отвлекалъ отъ дѣла разныхъ христіанъ, меньше возмущалъ бы религіозное чувство хозяевъ страны (1), и ярмарка, не теряя своего характера и назначенія, была бы расположена далеко центральнѣе настоящей. Для такихъ ярмарочекъ, какъ здѣшнія *одпустовыя*, не требуется какихъ либо ломокъ, разрѣшеній; это торжки чисто мѣстные, мелкіе, которые весьма удобно и *весьма необходимо* видоизмѣнять мѣстными средствами, для видоизмѣненія физіономіи края. Эти торжки—одна изъ главнѣйшихъ приманокъ и ловушекъ латино-польской пропаганды: на одпустовыя ярмарки стекается вся околица; органъ гудитъ, ксендзы гремятъ фанатическими проповѣдями, отпускаютъ грѣхи (отсюда и названіе *отпустовъ*), въ костелѣ весело, на площади еще веселѣй; словомъ для пропаганды полное раздолье; не одного она поймаетъ бывало во время отпуста и православнаго, пріѣхавшаго на *кермашъ*, что либо продать, купить, и возвращающагося домой съ извращенной на ксендзовской исповѣди совѣстью.

---

(1) Королевичъ Казиміръ (внукъ Ягеллы) былъ упорнѣйшимъ изъ гонителей православія. Этотъ фанатизмъ да желаніе сочинить святаго, который былъ бы памятникомъ и олицетвореніемъ политической идеи соединенія Литвы съ Польшей и были, конечно, поводомъ къ канонизаціи Казиміра.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ НОВОГРАДЪ-ВОЛЫНСКА.

Распоряженіе правительства относительно воспрещенія лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ западномъ краѣ встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ всѣми благомыслящими людьми на Волыни. Русскіе люди прочитывали по нѣскольку разъ знаменательныя строки высочайшаго повелѣнія 10-го декабря, находя, что только подобными мѣрами нашъ край будетъ успокоенъ и прочно связанъ съ остальною Русью, и что всѣ палліативныя средства или полумѣры способны только поддерживать и питать то враждебное настроеніе поляковъ къ Россіи, которое тѣмъ бываетъ опаснѣе, чѣмъ болѣе получаетъ нравственной поддержки извнѣ. Всѣ усилія шляхетскія, всѣ ихъ тенденціи, какъ вамъ извѣстно, клонились, къ тому, чтобы сохранить въ неприкосновенности въ своемъ тѣсно сомкнутомъ кругу землевладѣніе,— и вдругъ нежданно, негаданно они ошеломлены и, повидимому, дѣйствительно озадачены, повѣсили носы и не знаютъ какъ имъ быть и за что приняться.

Кого же слѣдуетъ считать поляками? Этимъ вопросомъ мы задаемся потому, что при точномъ примѣненіи упоминаемаго выше распоряженія правительства, онъ получаетъ существенное значеніе. Поляками у насъ называются обыкновенно люди, исповѣдующіе римско-католическую религію и говорящіе по-польски. Но кромѣ ихъ есть много и такъ называемыхъ *русскихъ семействъ*, употребляющихъ польскій языкъ по навыку, смотрящихъ съ польской точки зрѣнія, усвоившихъ себѣ всю ту фальшь и двусмысленность въ своемъ поведеніи, какими отличаются поляки. Интересы Россіи имъ столько же и чужды, и непонятны; а между тѣмъ они причисляютъ себя къ русскому люду, хотя и краснѣютъ за это имя, когда находятся въ польскомъ кружку. Мало того, подобные русскіе люди громко предъявляютъ свои права на полученіе должностей по всѣмъ родамъ службы и на льготы и пособія при покупкѣ имѣній! По нашему мнѣнію, одна (*) принадлежность къ православной церкви такихъ лицъ еще не можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что они способны къ осуществленію видовъ правительства, а потому водвореніе русскаго элемента въ западномъ краѣ, какъ дѣло серіозное, требуетъ большаго вниманія, опыта и предусмотрительности со стороны лицъ облеченныхъ административною властію.

(*) Наружная, — непремѣнно наружная. Только индифферентизмъ ведетъ къ космополитизму, или полонофильству. Ред.

Польскій вопросъ все еще шевелится на западѣ Европы. Если не правительства, то газеты не перестаютъ имъ усердно заниматься, а пока онъ существуетъ, хотя бы только въ печати, легковѣріе пановъ всегда будетъ тяготѣть къ этому призраку. Да и русскимъ людямъ представляется онъ какъ бы не вполнѣ разрѣшеннымъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, русскихъ покупщиковъ имѣній, сколько намъ извѣстно, останавливало не только опасеніе очутиться въ одиночествѣ и притомъ въ сосѣдствѣ съ пріятелями, копающими ямы, но и то неопредѣленное и ненормальное положеніе, въ которомъ находится нашъ край. Много ли будетъ покупателей имѣній въ Волынской губерніи и много ли найдется имѣній для продажи? Эти любопытные вопросы пока загадочны. Безъ сомнѣнія, продающихся имѣній окажется болѣе прежняго. Прежнія публичныя продажи не заключали въ себѣ никакихъ ограниченій для покупателей въ отношеніи происхожденія ихъ: тогда русскій покупщикъ былъ рѣдкимъ явленіемъ, и поляки употребляли всѣ усилія, чтобъ отстранить такого покупщика. Если же ему удавалось пріобрѣсть имѣніе, да еще отъ поляковъ-помѣщиковъ, то ему не было житья между ними, и волей не волей онъ долженъ былъ или подчиниться условіямъ жизни и духу польскаго дворянства, или же убираться откуда пришелъ. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Но все же однако желательно бы знать: много ли казенныхъ и секвестрованныхъ имѣній будетъ назначено въ продажу, чтобы можно было судить наглядно, въ какомъ числительномъ отношеніи будетъ состоять элементъ русскихъ землевладѣльцевъ къ элементу польскому, тѣмъ болѣе что посредствомъ обязательнаго выкупа, который приняло на себя правительство въ западныхъ губерніяхъ, устраняются и случаи продажи частныхъ имѣній за банковые и другіе долги.

Надобно при этомъ замѣтить, что не только лица польскаго происхожденія, но и евреи, въ рукахъ которыхъ сосредоточены капиталы и торговля, одни прямо и положительно, другіе косвенно и пассивно вредятъ русскимъ интересамъ. Къ счастію, во время подоспѣло воспрещеніе евреямъ покупать помѣщичьи имѣнія, а то бы они оказались самыми крупными представителями землевладѣльческаго класса и сопряженныхъ съ нимъ правъ. Но и теперь они не дремлютъ. Многіе изъ нихъ доселѣ покупали земли на имя владѣльцевъ польскаго происхожденія за безцѣнокъ. Напримѣръ, десятина полевой земли обходилась имъ отъ 6—9 руб. и притомъ земли не худой, принадлежащей къ пятой и нерѣдко ко второй мѣстности. Разумѣется, они покупали имѣнія для барышей, и сейчасъ же сбывали ихъ колонистамъ, но эти спекуляціи, поддерживая денежными средствами гибнущее шляхетство, тѣсно связали обоюдные ихъ интересы и тѣмъ очевидно причиняли много вреда русскому дѣлу; ибо ревнители польщизны охотнѣе согласятся въ конецъ разорить себя въ

пользу евреевъ нежели видѣть свои имѣнія въ рукахъ русскихъ людей; отъ евреевъ же не такъ-то легко купить съ выгодой имѣніе.

Я упомянулъ о колонистахъ и долженъ сказать, что насъ не мало озабочиваетъ ихъ наплывъ въ Волынскую губернію. Съ какою цѣлію совершается это переселеніе народовъ и во имя какихъ началъ? Понятно, что нѣмецкіе колонисты ищутъ себѣ простора и выгодъ, но что мѣшаетъ имъ подвинуть лагерь свой далѣе къ востоку? Съ нѣкотораго времени они переходятъ къ намъ большими массами изъ Польши и Пруссіи. Положимъ, что въ этомъ передвиженіи не заключается ничего преднамѣренно-враждебнаго, но спрашивается, какая предстоитъ существенная надобность въ губерніи, сопредѣльной съ Австріей, усиливать нѣмецкій элементъ именно теперь, когда дѣло идетъ о прочномъ водвореніи у насъ русскаго элемента? Притомъ же нѣмецкіе колонисты, вовсе (1) не понимая по-русски, превосходно владѣютъ польскимъ языкомъ, а нѣкоторые изъ нихъ, вышедшіе изъ Пруссіи, хотя принадлежатъ къ протестантской церкви, но вовсе не говорятъ даже по-нѣмецки и умѣютъ только по-польски! Какъ хотите, а эта колонизація съ польскимъ нарѣчіемъ какъ-то не вяжется съ идеей обрусенія края. За то для нашихъ капиталистовъ-евреевъ колонисты находка. Нѣмцы и нѣмецкіе поляки, для которыхъ, при ихъ муравьиной дѣятельности, всякая земля хороша, платятъ евреямъ по 12 и болѣе рублей за десятину.

У насъ распространились добрыя вѣсти изъ Кіевской губерніи. Говорятъ, что тамъ появилось уже много покупщиковъ на помѣщичьи имѣнія, и въ числѣ ихъ есть лица состоящія на службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ. Безъ сомнѣнія, въ желающихъ пріобрѣсть имѣнія, на выгодныхъ условіяхъ, не будетъ недостатка и у насъ, особенно если опубликованы будутъ заблаговременно условія, даруемыя льготы и пособія для лицъ, желающихъ покупать имѣнія; но для насъ, знакомыхъ съ положеніемъ края, съ обычаями, образомъ мыслей и взглядомъ на вещи туземцевъ, было бы желательно, чтобъ явилось поболѣе такихъ покупщиковъ, которыхъ русское происхожденіе не подвергалось бы никакому сомнѣнію. Мы вполнѣ убѣждены, что всѣ русскіе благонамѣренные люди найдутъ поддержку какъ въ центральной, такъ и мѣстной администраціи, представители которой не на словахъ только или письмѣ, но на самомъ дѣлѣ усердно трудятся для русскаго дѣла. Отрадно вспомнить, что прошло уже безвозвратно то время, когда думали только объ одномъ, чтобъ и себя не уронить, и гусей не раздразнить.

К.

(Совр. Лѣтоп.)

(1) Нужно понимать: *почти*; потому что кто „превосходно“ владѣетъ польскимъ языкомъ, тотъ не можетъ „вовсе“ не понимать по русски.

ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ПРАВОСЛАВІЮ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Состоящая при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ временная коммисія для разбора древнихъ актовъ издала въ нынѣшнемъ году, въ Кіевѣ, брошюру подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ говорится, что „въ издаваемомъ очеркѣ, кіевская археографическая коммисія имѣла въ виду совокупить, въ исторической послѣдовательности, всѣ законодательныя мѣры, которыми польское правительство старалось вытѣснить изъ своихъ предѣловъ православіе и замѣнить его латинствомъ. Въ этомъ очеркѣ нѣтъ, поэтому, новыхъ фактовъ; но факты, въ немъ собранные, не были еще никогда сгруппированы, а потому о правительственной системѣ Польши, относительно православія, трудно было составить себѣ ясное и отчетливое представленіе."

Вполнѣ раздѣляя мысль, выраженную затѣмъ въ предисловіи предсѣдателемъ коммисіи, М. Юзефовичемъ, что изданный очеркъ не лишенъ для нашей публики ни историческаго интереса, ни современнаго значенія, мы позволяемъ себѣ привести нашимъ читателямъ возможно полное изъ этого очерка извлеченіе.

Систематическое преслѣдованіе польскимъ правительствомъ православія и православной церкви началось съ послѣднихъ лѣтъ XVI столѣтія,— съ того именно времени, когда, руководимый іезуитами, Сигизмундъ III, задумалъ, посредствомъ церковной уніи, подчинить православную церковь папѣ, и успѣлъ склонить въ пользу своей политики кіевскаго митрополита Михаила Рогозу и большинство православныхъ епископовъ, находившихся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Но въ началѣ, эта политика не принимала оффиціальнаго характера: православный элементъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы можно было его подавить сразу, онъ имѣлъ слишкомъ много защитниковъ, недозволявшихъ вносить въ законы враждебныя для православной церкви постановленія. Давленіе католическое, въ продолженіе всей первой половины XVII вѣка, имѣетъ болѣе видъ частныхъ насилій и правительственной интриги, чѣмъ гнета, возводимаго въ законую норму. Давленіе это развивается, со стороны правительства, рядомъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію православныхъ, къ поощренію безнаказанностью наглыхъ обидъ, наносимыхъ ревнителямъ православія, и къ поддержанію ревностной іезуитской пропаганды въ школахъ, въ проповѣдяхъ, въ частныхъ сношеніяхъ. Короли надѣляютъ чинами, должностями, сенаторскими мѣстами, доходными староствами, всякими бенефиціями, исключительно католиковъ и, особенно, переходящихъ изъ православія въ католицизмъ, и, не смотря на всевозможную преданность и заслуги, обходятъ людей православныхъ,

оставшихся вѣрными своей церкви. Православные дворянскіе роды, вслѣдствіе этого, бѣднѣютъ или, большею частью, не выдерживаютъ и поддаются заманчивой іезуитской пропагандѣ, подкрѣпленной надеждою на мірскія блага. Такой характеръ борьбы продолжается съ 1596 по 1660 годъ. За все это время мы не находимъ ни одного постановленія, внесеннаго въ польскіе законы въ ущербъ православію, хотя знаемъ, что на дѣлѣ православіе тяжело страдало въ борьбѣ съ уніей.

Но съ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія, со вступленія на престолъ польскій Яна-Казиміра, бывшаго іезуитскаго монаха, подчинившагося душою и тѣломъ вліянію своего ордена, и по характеру склоннаго къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ, гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ. Въ 1667 году вышло первое сеймовое постановленіе, въ силу котораго уніятское духовенство освобождалось отъ постоя и другихъ военныхъ повинностей, которыя должны были тяготѣть исключительно на православномъ духовенствѣ. Въ то время, мѣра эта была не маловажна: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволіе составлявшей его шляхты дѣлали изъ постоя неизбѣжный источникъ разоренія и неисчислимыхъ обидъ для хозяина. Цѣлыя сотни доказательствъ на это существуютъ въ актахъ кіевскаго центральнаго архива.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1668 и 1675 годахъ, вступавшіе на польскій престолъ короли, Михаилъ Вишневецкій и Іоаннъ III Собѣскій, обязывались къ повторенію присяги, данной Яномъ-Казиміромъ о томъ, что они будутъ предоставлять должности и староства исключительно р. католикамъ.

На сеймѣ 1676 года былъ постановленъ законъ, которымъ православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имуществъ (sub poena colli et confiscationis bonorum), воспрещалось подъ какимъ бы то ни было предлогомъ выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда, и строго поручалось пограничнымъ старостамъ слѣдить за исполненіемъ этого закона. При разстройствѣ православной іерархіи въ предѣлахъ Польши, мѣра эта стремилась къ тому, чтобы православные не могли получать поддержки извнѣ и чтобы заставить православныхъ священниковъ принимать рукоположеніе отъ епископовъ уніятскихъ, такъ какъ православныхъ епископовъ въ предѣлахъ Польши не было, а общеніе съ пастырями, живущими въ Россіи и Молдавіи, пресѣкалось. Въ 1696 году, новый король, Августъ II, бывшій саксонскій курфирстъ, повторилъ опять присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія изъ должностей лицъ некатолическаго исповѣданія. На первомъ сеймѣ, бывшемъ въ его царствованіе, въ 1699 году, опредѣлено было изданіе новаго закона противъ православныхъ. Закономъ этимъ только уніяты допускались къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей; пра-

вославные же признавались неспособными къ отправленію ихъ. Православнымъ также, наравнѣ съ евреями, запрещалось навсегда жить въ Каменцѣ, самомъ торговомъ и пользовавшемся магистратскими учрежденіями городѣ. Вслѣдствіе сеймоваго распоряженія, православныя церкви въ городѣ были опечатаны и духовенство изгнано изъ него. Далѣе, на сеймѣ 1712 года, изданъ былъ законъ, въ силу котораго запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только акты эти, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что-либо выгодное для лицъ некатолическаго вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ, послѣдніе лишались покровительства закона и предоставлялись на произволъ буйства ничѣмъ необузданной р. католической шляхты.

Послѣ смерти Августа II, конфедераціею, устроенною во время междуцарствія, въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлены были слѣдующія узаконенія: „Церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою, никакимъ образомъ, другихъ вѣроисповѣданій; иновѣрцы, то-есть православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и въ спеціальныя коммисіи, составленныя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно по улицамъ ходить со св. дарами; крещеніе, бракъ, похороны они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія р. католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать при р. католическихъ крестныхъ ходахъ. Въ селахъ не должны имѣть колоколовъ при церквахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны причисляться къ р. католической церкви, и даже православные пасынки отчима-католика должны принимать католичество. Каноническіе законы р. католиковъ должны быть обязательны и для иновѣрцевъ“ (*). Напрасно, послѣ изданія этого закона, всѣ протестантскія державы: Англія, Пруссія, Данія, Голландія, Швеція и, сильнѣе всѣхъ, православная Россія, употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобъ облегчить участь православныхъ и протестантовъ въ Польшѣ. Дипломатическія ноты, самыя рѣшительныя требованія Россіи, безпрестанные протесты иностранныхъ пословъ, все это оставалось безъ вниманія и королемъ,

---

*) Морачевскій Польск. древности, I, 195.— Въ петербургскомъ изданія „Volumina legum“, I. Огрызко, постановленія конференціи 1732 г. не внесены; 1., Причина этого пробѣла—понятна: онъ не могъ внести въ *свои* Volumina legum закона такъ сильно компрометирующаго то воображаемое королевство, для котораго подготовлялось это законодательство, и противъ котораго можно было сильно возбудить разныхъ *диссидентовъ* такихъ варварскихъ закономъ. Ред.

и сенатомъ, и сеймами, и р. католическимъ духовенствомъ. Напротивъ того, при каждомъ удобномъ случаѣ, прибавлялась къ законамъ, уже существующимъ, новая какая-нибудь стѣснительная мѣра: такъ, на сеймѣ 1764 года постановлено было карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католицизма въ другое вѣроисповѣданіе, и опредѣлено было записывать въ крѣпостные сыновей православныхъ священниковъ, если они до 15-ти-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода жизни. Въ 1766 году, епископъ краковскій Солтыкъ предложилъ сейму объявить врагомъ отечества каждаго, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона. Тогда всѣ дворяне не-католики составили союзъ (конфедерацію) и, требуя равноправности и терпимости вѣроисповѣданій, обратились за помощію къ Россіи и къ протестантскимъ державамъ.— Императрица Екатерина II приняла союзъ подъ свое покровительство, и только рѣшительныя угрозы русскаго посланника, князя Репнина, и страхъ передъ русскими войсками, заставили одуматься сеймъ, созванный королемъ по настоянію Репнина. На этомъ сеймѣ назначена была коммиссія изъ 70-ти лицъ, которая заключила съ Репнинымъ трактатъ, хотя отчасти облегчавшій участь православныхъ въ Польшѣ.

Но это облегченіе, доставленное вліяніемъ Россіи православнымъ подданнымъ Рѣчи Посполитой, было непродолжительно. Фанатическая шляхта озлобилась противъ трактата; вспыхнула такъ-называемая барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлые четыре года и усмиренная, наконецъ, русскими войсками. По окончаніи войны, Россія возвратила отъ Рѣчи Посполитой Бѣлоруссію; но за то сдѣлала въ новомъ трактатѣ, заключенномъ 1775 года въ Варшавѣ, значительныя уступки общественному мнѣнію польской шляхты, относительно православныхъ, живущихъ въ Польшѣ. Такъ, въ особомъ прибавленіи, приложенномъ въ трактату, сказано было, что русское правительство соглашается, чтобы впредь православные были исключены изъ сената и министерствъ; что, хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами наравнѣ съ дворянами католическими, однако, законъ этотъ не будетъ относиться къ тѣмъ, которые приняли бы впредь православіе. При томъ, на сеймѣ не должно быть никогда больше трехъ депутатовъ не-католиковъ. Смѣшанный судъ уничтожается и дѣла его переносятся въ королевскій ассессорскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ. Наконецъ, православнымъ церквамъ воспрещается употребленіе колоколовъ.—Въ такомъ положеніи православные подданные Польши и дожили до ея паденія.

По мѣрѣ того, какъ польскимъ правительствомъ постепенно тѣснилось православіе посредствомъ цѣлаго ряда вышеприведенныхъ узаконеній, съ другой стороны имъ были приняты дѣятельныя и послѣдовательно обдуманныя мѣры для

того, чтобъ обезоружить православіе, отнять у него возможность сосредоточиваться и лишить народъ единственнаго сословія, поддерживавшаго его нравственныя силы и защищавшаго его въ неравной борьбѣ съ врагами. Мѣры эти были направлены на православное духовенство вообще и на высшую церковную іерархію въ особенности.

Послѣ брестъ-литовской уніи, митрополитъ и большинство православныхъ епископовъ, признавъ ее, стали на сторонѣ религіознаго нововведенія. Правительство рѣшилось утверждать преемниковъ ихъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію и, такимъ образомъ, намѣревалось, раньше или позже, захватить и поставить подъ знамена уніи всю православную, зависѣвшую отъ него, іерархію, полагая, что паства безъ правителей, рано или поздно, должна будетъ подчиниться вліянію пастырей. Но обстоятельства помѣшали осуществленію сразу этого плана. Польское правительство, вслѣдствіе безпрестанныхъ казацкихъ возстаній и невозможности овладѣть мнѣніемъ массы южно-русскаго народа, должно было выносить присутствіе православныхъ святителей. Правда, короли не утверждали ихъ въ должностяхъ, подобно уніятскимъ епископамъ, не гарантировали ихъ правъ, ихъ епископскаго суда, ихъ имѣній и доходовъ и считали существованіе ихъ фактомъ незаконнымъ, непріятною необходимостью, вытекающею изъ невозможности, какъ выражались современники, „успокоенія Руси"; но тѣмъ не менѣе, бывали минуты, когда, по требованію обстоятельствъ, польское правительство входило въ переговоры съ непризнанными имъ законно владыками.

Послѣ окончательнаго отдѣленія Малороссіи отъ Польши и послѣ андрусовскаго договора, польское правительство начинаетъ смѣлѣе дѣйствовать противъ православія въ оставшейся подъ его властью части южно-русскаго края, какъ въ законодательномъ отношеніи, такъ и въ отношенія къ православной іерархіи. Уже въ 1664 году, по приказанію короля Яна-Казиміра, послѣдній православный митрополитъ, проживавшій въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, былъ, безъ всякой вины и повода, безъ всякаго суда, какъ сознаются въ томъ даже польскіе историки, схваченъ и заточенъ въ маріенбургскую крѣпость. Преемники его, конечно, не отваживались болѣе выѣзжать изъ предѣловъ Россіи. Но въ границахъ Рѣчи Посполитой оставалось до 10-ти православныхъ епархій, епископы которыхъ могли сноситься съ митрополитомъ, управлять своею паствою и удерживать ее отъ перехода въ унію. Для упраздненія этихъ каѳедръ, былъ принятъ правительствомъ рядъ послѣдовательныхъ мѣръ, и въ теченіе 80-ти лѣтъ, православіе, тѣснимое самыми крутыми мѣрами правительства, шляхты и уніятскаго духовенства, лишено было всякой іерархіи, всякаго центра, въ которомъ могли бы сосредоточиваться силы для защиты своей

вѣры.—Польское правительство достигло своей цѣли: оно разрушило православную іерархію. Но православное простонародье, лишенное церковной іерархіи, продолжало, по старинному обычаю, выбирать приходскихъ священниковъ изъ собственной среды и посылать ихъ, не смотря ни на какія препятствія и угрозы, для рукоположенія, за границу Рѣчи Посполитой,—то въ Кіевъ, то въ Переяславль, то въ Молдавію. Каждый приходъ дружно окружалъ своего приходскаго православнаго священника и велъ отчаянную неравную борьбу съ навязываемымъ администраціею, а иногда и военною силою, уніятскимъ духовенствомъ. Между тѣмъ и низшее православное духовенство не было забыто польскимъ законодательствомъ. По древнему обычаю, міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника. Но въ 1647 году сеймъ постановилъ новый законъ, по которому занятіе священникомъ прихода было поставлено въ прямую зависимость отъ фанатической католической шляхты, которая, въ рѣдкихъ случаяхъ, и то, по большей части, только за плату довольно значительную, соглашалась давать православнымъ на занятіе приходовъ свои подтвердительныя граматы, или такъ-называемыя *презенты*. Тѣснимое, православное духовенство должно было отправляться искать мѣстъ за Днѣпромъ. Если, воспользовавшись какимъ-нибудь благопріятнымъ случаемъ, прихожане и успѣвали выхлопотать *презенту* для православнаго священника, то встрѣчали затрудненіе въ выборѣ лицъ и весьма часто принуждены были обращаться къ малообразованнымъ и едва грамотнымъ своимъ собратамъ-поселянамъ. Въ такомъ случаѣ, шляхтичи удерживали надъ священникомъ помѣщичье право, гнали его на барщину, въ случаѣ отлучки изъ села, преслѣдовали и наказывали, какъ бѣглаго крестьянина, и. т. п. Оскорбленія, обиды сыпались градомъ на низшее православное духовенство. Гродскія книги, за весь XVIII в., наполнены фактами такого рода. Изумительную картину насилій представляютъ два послѣдніе тома, изданные кіевскою археографическою коммиссіею. Всѣ эти насилія продолжались до самаго паденія Польши.

Изъ этого очерка ясно видно, что угнетеніе православія и православной церкви было дѣломъ не частнаго латино-шляхетскаго произвола, а результатомъ политики польскаго государства, задачей зрѣло обдуманной правительственной системы. Роль шляхты была тутъ не болѣе, какъ ролью медвѣдя, услуживавшаго своему другу.

Какое же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать объ этой политикѣ? Историческое безпристрастіе не позволяетъ осудить ее, потому что она находитъ полное оправданіе въ политической необходимости. (*)

(*) Прямой необходимости не было, а былъ чистый расчетъ и произволъ. Такихъ гоненій, какія терпѣли подъ властію Польши православные, ничѣмъ—*рѣшительно ничѣмъ*—извинить нельзя: иначе, по закону необходимости, ... *вездѣ и всегда* обязаны рѣзаться другъ

Для правительствъ государственный интересъ есть высшій интересъ, которому должны подчиняться всѣ другіе интересы. Политическое объединеніе государства, какъ первая потребность его бытія, какъ необходимое условіе его крѣпости и прочности, было именно такимъ интересомъ для польскаго правительства, которое и дѣйствовало въ этомъ смыслѣ. Объединяющимъ началомъ въ Польшѣ служилъ католицизмъ, сдѣлавшійся символомъ польской народности, а потому въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ польскаго государства, Польша хотѣла, во что бы ни стало, поставить католицизмъ на мѣсто православія, какъ символа народности русской. Къ этой цѣли и были направлены всѣ дѣйствія польскаго правительства: придумана унія, которая не вдругъ, но вѣрно вела русскій народъ къ латинству; потомъ принимались мѣры, которыя, прямымъ или косвеннымъ путемъ, вели къ уніи или, гдѣ было можно, прямо къ латинству. Результаты доказали вѣрность принятой польскимъ правительствомъ политической системы: русское дворянство, лишенное политическихъ правъ, не выдержало изолированнаго положенія посреди дворянства католическаго, полноправнаго и господствовавшаго; оно быстро примкнуло къ нему, то-есть окатоличилось и ополячилось; высшее православное духовенство, лишаемое имуществъ, значенія и не признаваемое правительственною властью, покорялось неизбѣжной необходимости и подчинялось папству; монашество, лишаемое монастырей и убѣжищъ, разсѣевалось и исчезало; священство, теряя каждый день храмы, отдаваемые уніатамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность продолжать пастырское служеніе, уступало нуждѣ, признавало папство или убѣгало за границу; наконецъ, упраздненіе іерархіи должно было неизбѣжно окончиться и упраздненіемъ самой церкви. Простой народъ, порабощенный и во множествѣ присоединенный уже къ уніи, оставшись безъ пастырей и безъ общественной руководной силы, не могъ бы долго устоять,—и не вмѣшай анархическая шляхта своихъ дикихъ насилій въ процессъ постепеннаго разложенія, православной русской стихіи, дай она ей время разлагаться на почвѣ правительственныхъ мѣропріятій и не вызови она, своимъ неистовымъ своеволіемъ, народныхъ массъ на борьбу за политическую независимость,—борьбу, поразившую смертельно польское государство,— политика правительства восторжествовала бы надъ нею. Но шляхетская Польша не носила въ себѣ никакихъ задатковъ жизни: въ нее, съ самаго зарожденія, залегло начало разрушенія, и шляхта спасла западный край для Россіи, которая, пользуясь уроками исторіи и своимъ неотъемлемымъ правомъ самосохраненія, безъ сомнѣнія, не станетъ терять времени на полумѣры, но будетъ дѣйствовать энергично и послѣдовательно, направляя всѣ свои способы къ одной цѣли — возстановленію и укрѣпленію истиннаго русскаго элемента въ западномъ краѣ, къ чему счастливое начало уже положено.

Краткія свѣдѣнія о каменецкихъ православныхъ церквахъ и р. католическихъ костелахъ.

Со времени просвѣщенія Равноапостольнымъ Владиміромъ св. крещеніемъ Подоліи, вѣра православная всегда была господствующею въ г. Каменцѣ и его окрестностяхъ. Послѣ татарскаго погрома западной Россіи, литовскіе князья Коріатовичи отняли у нихъ Подолію; но православная вѣра не только при нихъ была преимущественно господствующею, какъ это доказываютъ привиллегіи этихъ князей, данныя ими нѣкоторымъ подольскимъ церквамъ, но даже и послѣ соединенія Литвы съ Польшею, православная вѣра долго еще преобладала въ Подоліи предъ прочими вѣроисповѣданіями. Уже со временъ введенія несчастной уніи, въ 1596 году, вліяніе православія на жителей г. Каменца и его окрестностей начало мало-помалу уменьшаться, а особенно въ высшихъ слояхъ общества; но жители средняго и низшаго класса, руководясь примѣрами благочестивыхъ православныхъ своихъ пастырей львовскихъ, какъ то епископа Гедеона Балабана и другихъ ревнителей православія, къ паствѣ которыхъ принадлежала Подолія съ г. Каменцемъ, крѣпко держались еще прародительской вѣры. Въ 1700 году, а по Кояловичу еще ранѣе, львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій принялъ унію, но, и въ это время, весьма не значительная только часть отстала отъ православія, а прочіе, полагать можно, зависѣли отъ кіевскаго епархіальнаго начальства.

Изъ плана г. Каменца, современнаго владѣнію Каменцемъ турками, въ 1672 году, видно, что, кромѣ уцѣлѣвшихъ, до сего времени, древнихъ православныхъ церквей а) Іоанно-Предтеченской, б) Троицкаго-монастыря, в) Петро-Павловской, г) Николаевской, д) Георгіевской на Польскихъ Фольваркахъ, почти до половины XVIII вѣка существовали въ г. Каменцѣ еще слѣдующія церкви: Пресвятой Богородицы, Спасская или Преображенская, Михайловская, Онуфріевская и Рождества Христа Спасителя.

Всѣ эти церкви отчасти турками, а больше всего, въ прошломъ столѣтіи, при содѣйствіи р. католиковъ, уніатами истреблены, а утварь ихъ перенесена по католическимъ костеламъ. Слѣдовательно, православныхъ церквей въ г. Каменцѣ въ прошломъ столѣтіи, больше было, чѣмъ теперь.

Хотя православіе въ г. Каменцѣ издавна господствовало, но, когда онъ подпалъ власти польскаго правительства, въ разныя смутныя времена для православія, поляки успѣли основать и свои костелы, а именно: а.) р. католическій катедральный костелъ, б.) доминиканскій, в.) кармелитскій, г.) монастырь или кляшторъ монахинь доминиканокъ д.) и тринитарскій. Армяне въ прошломъ столѣтіи составляли большую часть народонаселенія г. Каменца, занимаясь коммерціею, ведя таковую со всѣми сосѣдними царствами въ большихъ размѣрахъ, и они основали для себя настоящій е.) армянскій костелъ. Кромѣ сихъ костеловъ, во время владычества турокъ г. Каменцемъ, были еще слѣдующіе: ж.) Св. Николая, з.) францишканскій (нынѣ архіерейская церковь.), и) іезуитскій, і.) Св. Екатерины., к.) Св. Михаила Архангела л.) и Св. Станислава въ Замкѣ (крѣпости).

Краткія свѣдѣнія о каменецкой архіерейской церкви.

Францишканскій Подольскій монастырь (кляшторъ), находившійся въ г. Каменцѣ, по распоряженію польскаго правительства, въ 1787 году, былъ упраздненъ. Польское правительство тогдаже назначило зданіе упраздненнаго монастыря для помѣщенія военныхъ снарядовъ; но, предъ взятіемъ г. Каменца русскими, строеніе это оставалось уже въ запустѣніи.

Въ послѣдствіи времени, зданіе бывшаго францисканскаго монастыря назначено было русскимъ правительсвомъ, для помѣщенія православнаго архіерея съ его штатомъ. Первый Подольскій архіепископъ Іоанникій, въ 1799 году, прибывъ изъ м. Шаргорода въ г. Каменецъ, безъ замедлѣнія, приступилъ къ перестройкѣ этого зданія: ветхія и тѣсныя кельи въ зерхнемъ жильѣ передѣлалъ въ покои для себя, а въ нижнемъ этажѣ устроилъ помѣщеніе для пѣвчихъ и прочихъ служащихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ къ надлежащему устройству холодной Успенской церкви, вызвавъ самыхъ лучшихъ иконописцевъ Подоліи. Въ тоже время, сей архипастырь позаботился устроить, на первый случай, въ верхнемъ корридорѣ, малую теплую церковь, которая существовала до 1834 года. Покойный преосвященный Кириллъ, архіепископъ подольскій, на исходатайствованную сумму въ святѣйшемъ пра-

пребывающемъ синодѣ, бывшую малую теплую церковь расширилъ и устроилъ въ ней новый иконостасъ, такъ что теперь въ зимнее время, во время архіерейскаго служенія, воздухъ не бываетъ такъ стѣсненъ, какъ прежде. Церковь эта была освящена тѣмъ же преосвященнымъ во имя Рождества Христа Спасителя, въ 1835 году 21 Ноября. Сей преосвященный, собравъ изъ приписныхъ сельскихъ церквей Проскуровскаго уѣзда колокола, повелѣлъ вылить большой колоколъ въ архіерейскую церковь. Около 1829 или 1830 года большая Успенская церковь, лѣтнимъ временемъ, ночью, была обворована неизвѣстными злоумышленниками. Въ это время похищены изъ церкви двѣ рипиды серебрянныя старой хорошей работы, архіерейскій дикирій съ трикиріемъ такой же работы, и дароносица большая серебряная съ золотою решеткой, обложенная драгоцѣнными камнями превосходной старой греческой работы: дароносица эта похищена съ запасными дарами.

Въ архіерейской церкви находятся слѣдующія драгоцѣнныя вещи, привезенныя изъвнутри Россіи и уважаемыя православными жителями г. Каменца: а.) сосудъ, устроенный Павломъ, митрополитомъ сибирскимъ для монастыря Троицкаго, въ 7187 году отъ сотворенія міра, а отъ Р. Х. 1679 году; б.) золотой ручный крестъ съ св. мощами, сооруженный намѣстникомъ игуменомъ Варсонофіемъ смоленскимъ и брянскимъ къ Николѣ Чудотворцу, въ 7060 году отъ сотворенія міра, а отъ Р. Х. 1552 году, при благочестивомъ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.— Сосудъ и крестъ привезены Іоанникіемъ первымъ архіепископомъ подольскимъ; в.) списокъ съ иконы Божіей Матери Владимірской, замѣчательный по своей древней живописи, украшенный золотымъ вѣнцемъ съ серебряной ризой. Икона эта привезена, около 1821 года, покойнымъ преосвященнымъ Ксенофонтомъ, архіепископомъ подольскимъ, изъ губернскаго города Владиміра, гдѣ онъ епископствовалъ. Сей архипастырь установилъ предъ этой иконой совершать соборнѣ акаѳистъ Божіей Матери, въ каждое воскресенье послѣ вечерни, каковое благочестивое установленіе продолжалось до послѣднихъ дней управленія его подольскою паствою. Нынѣ же акаѳистъ предъ иконою Владимірской Божіей Матери читается еженедѣльно по субботамъ, послѣ литургіи, и большею частію са-

Вообще холодная архіерейская церковь внутри лучше и обширнѣе всѣхъ церквей г. Каменца: начиная съ перваго подольскасо архіепископа Іоанникія до настоящаго преосвященнаго Леонтія, каждый изъ подольскихъ архипастырей заботился объ украшеніи сего храма. Въ настоящее время устроялотся три перемѣны богатой ризницы для архіерейскаго служенія на сумму исходатайствованную его преосвященствомъ у святѣйшаго синода.—

Благочинный священникъ *М. Орловскій.*

ІЕЗУИТЫ, КАКЪ ВОСПИТАТЕЛИ ПОЛЬШИ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ XVI СТОЛѢТІИ. (1)

Общество іезуитовъ вскорѣ, по своемъ учрежденіи, начало распространяться вездѣ по Европѣ съ своимъ извѣстнымъ правиломъ: *добрая цѣль освящаетъ дурныя средства.* Это пронырливое общество не замедлило посѣтить въ скоромъ времени и славянскія земли. Сначала іезуиты появились въ собственно такъ называемой Польшѣ, а затѣмъ поселились и въ западной Россіи, которая тогда, по случаю соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ, перешла въ подданство Польши.

Іезуиты были введены въ Польшу кардиналомъ Гозіемъ, въ слѣдствіе распространенія въ ней реформатскихъ идей. Кардиналъ Гозій, не смотря на всѣ протесты, со стороны польскихъ пановъ, успѣлъ ввести въ Польшѣ постановленія тридентскаго сбора, касательно лишенія правъ диссидентовъ.

---

(1) Мы взяли для своей статьи эпизодъ изъ дѣятельности іезуитовъ въ Польшѣ и въ западномъ краѣ Россіи въ XVI в.; но этотъ эпизодъ имѣетъ современное значеніе, потому что характеръ дѣятельности іезуитовъ во всякое время одинаковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что при болѣе благопріятныхъ для нихъ политическихъ обстоятельствахъ, ихъ дѣятельность бываетъ болѣе размашистою; а если политическія обстоятельства какой нибудь страны имъ не благопріятствуютъ, тогда они дѣйствуютъ поскромнѣе, или лучше сказать, дѣйствуютъ изъ—подтишка, не давая своей дѣятельности большой гласности. Съ характеромъ скромной дѣятельности, но неутратившей первоначальныхъ качествъ іезуитской нравственности, является общество іезуитовъ на поприщѣ дѣятельности въ нашей странѣ, въ наше время.

Паны протестовали противъ такого постановленія, говоря: «свободный шляхтичъ не подчиняется самому королю, а тѣмъ болѣе папѣ. Такое постановленіе убиваетъ польскую свободу.» Но Гозій имѣлъ на своей сторонѣ короля и потому для него не страшенъ былъ этотъ протестъ. Будучи недоволенъ первою побѣдою, онъ, съ позволенія королевскаго, ввелъ въ Польшу іезуитовъ, отдалъ имъ въ распоряженіе училища и поощрялъ преслѣдованіе разновѣрцевъ безъ милости.

Извѣстно, что обществу іезуитовъ даны были папами широкія права, изъ которыхъ они сдѣлали въ Польшѣ самое громадное примѣненіе. Папы позволили іезуитамъ заводить, гдѣ имъ угодно, коллегіи и школы, учить языкамъ, свободнымъ наукамъ, философіи, богословію, даже тамъ, гдѣ находятся университеты, и раздавать ученыя степени; имъ поручена была цензура книгъ, пересматриваніе и исправленіе библіотекъ. Такимъ образомъ орденъ іезуитовъ превратился въ общество со всѣми правами администраціи и юрисдикціи, составляющее какъ бы нѣкоторую монархію, «statum in statu» во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Главная цѣль іезуитовъ—владѣть общественною мыслію, потому что это было единственнымъ средствомъ поддерживать власть папы и ставить препону всѣмъ нововведеніямъ въ дѣлѣ религіи, даже предотвращать самыя покушенія къ какимъ нибудь нововведеніямъ и препятствовать свободному развитію ума человѣческаго.

Стремясь къ достиженію своей цѣли—владѣть умами людей, іезуитскій орденъ видоизмѣнялся, соотвѣтственно потребностямъ времени, нисколько не измѣняя своимъ кореннымъ положеніямъ. Въ этомъ заключалась сила іезуитизма, что онъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ основнымъ началамъ, принималъ различныя формы и такимъ образомъ всегда казался обновленнымъ и примѣненнымъ къ потребностямъ своего вѣка. Такъ, сначала іезуиты старались склонять на свою сторону правительство и знатнѣйшихъ людей; когда это имъ не удавалось, то они заводили интриги и старались уничтожить, или покрайней мѣрѣ, вредить тому, кто противодѣйствовалъ ихъ интересамъ. Такъ они были противниками королевской власти во Франціи, при обоихъ Генрихахъ; въ Англіи противились аристократіи, при Карлѣ I и Іаковѣ II; въ Венеціи—олигархіи; въ Голландіи—демократіи.—Но когда такой образъ дѣйствій встрѣчалъ сильную реакцію и въ

правительствѣ и въ общественномъ мнѣніи, то іезуиты перемѣняли свой образъ дѣйствій и старались достигать своихъ цѣлей другими путями. Они сдѣлались духовниками р. католическихъ монарховъ, а вскорѣ и всѣхъ набожныхъ людей. Овладѣвши такимъ образомъ совѣстію двора и знаменитыхъ людей въ странѣ, они могли уже свободно дѣйствовать въ пользу своего ордена.

Далѣе, іезуиты вездѣ захватывали въ свои руки народное образованіе и приспособляли его къ своимъ цѣлямъ. Этимъ путемъ они пріобрѣтали вліяніе на настоящее и будущее поколѣнія и конечно самое зловредное. Снядецкій говоритъ, «кто основательно знаетъ исторію Польши, тотъ не можетъ отвергать того особеннаго явленія, что науки, процвѣтавшія въ Польшѣ при Ягеллонахъ, спустя нѣсколько лѣтъ, по введеніи іезуитовъ въ Польшу, начали извращаться и упадать; но съ уничтоженіемъ этого ордена, науки опять начали возвышаться и подвигаться впередъ. Подобное явленіе было не только въ Польшѣ, но и вѣздѣ, куда ни проникали іезуиты... Вообще орденъ іезуитовъ, предоставленный самому себѣ, оказывается неспособнымъ поддерживать усовершенствованіе науки и проводить общественное обрзованіе».

Это явленіе объясняется тою задачею, которую дали себѣ іезуиты. Мы сказали, что главная цѣль іезуитовъ была—владѣть общественною мыслію; а для этого необходимо было стѣснять и подавлять всякое свободное развитіе человѣческаго разума. Что дѣйствительно таково было стремленіе іезуитовъ—это доказываютъ предписанія ихъ инструкціи, программа наукъ въ школахъ іезуитскихъ и самые плоды ихъ воспитанія, которые, конечно, должны были обнаружиться. Да и какъ могли іезуиты заниматься съ пользою воспитаніемъ молодыхъ людей, по преимуществу, предназначенныхъ къ свѣтской службѣ, когда образованіе съ такою цѣлію было для нихъ дѣломъ совершенно чуждымъ. Свѣтскія науки, по уставу ихъ ордена, если не запрещены, то оставались совершенно безразличными; всѣ ихъ усилія клонились къ тому, чтобы сообщить своимъ воспитанникамъ познанія богословскія—казуистическія; но объ усовершенствованіи науки они незаботились. Отсюда, всякій новый взглядъ науки не проникалъ въ школы іезуитскія, потому что это считалось вреднымъ и опаснымъ для цѣлей ордена. Безъ позволенія генерала ордена, нельзя было ни переводить, ни печатать но-

вой книги, ни дѣлать перемѣны въ преподаваніи наукъ, соотвѣтственно потребностямъ времени. Кромѣ богословія и при томъ казуистическаго, на которое особенно іезуиты обращали вниманіе, съ особеннымъ усердіемъ они преподавали въ своихъ школахъ философію схоластическую, которая, по ихъ мнѣнію, должна быть опорою для самаго богословія. Схоластическая философія—сущность іезуитской мудрости,—проникла во всѣ науки, какія были преподаваемы іезуитами. Іезуиты внесли въ свои школы всѣ недостатки схоластики и научили своихъ воспитанниковъ не логикѣ, но искуству спорить, поставляя наибольшую славу, ученость и образованіе въ діалектикѣ, основанной на софистикѣ. И неудивительно, что іезуиты старались забивать головы молодыхъ людей отвлеченною схоластическою философіею;—если бы они знакомили своихъ воспитанниковъ съ науками и гуманными и естественными, то они не могли бы долго держать въ оковахъ умы молодыхъ людей; рано или поздно ихъ воспитанники поняли бы всю несостоятельность ихъ системъ. Учебники въ іезуитскихъ школахъ были составляемы самими іезуитами и приспособлены къ цѣлямъ ордена; при чемъ іезуиты нисколько не задумывались, если имъ нужно было для своихъ цѣлей искажать историческіе факты, или же выдумывать совершенно новые небывалые. Съ древними классическими произведеніями воспитанники знакомились по отрывкамъ, выбраннымъ самимъ ректоромъ іезуитской школы.

Народное образованіе не было для іезуитовъ цѣлію, а только средствомъ для достиженія своихъ намѣреній. Самый способъ ихъ преподаванія показываетъ, что народное образованіе не было для нихъ важною статьею. Науки свѣтскія они обыкновенно поручали читать схоластикамъ, людямъ еще молодымъ и мало знакомымъ съ наукою; если же кто нибудь изъ нихъ оказывалъ большія способности, то его сейчасъ переводили на предметъ богословскій. Вообще іезуиты никогда не позволяли, чтобы учитель посвятилъ себя одной отрасли науки и изучилъ ее хорошо; у нихъ принято было за постоянное правило, чтобы учителю каждый годъ поручать совершенно новый предметъ. Это показываетъ, что іезуиты не интересовались пользою учениковъ, а заботились о томъ, чтобы пріобрѣсть въ свой кружокъ людей съ мнимымъ универсальнымъ образованіемъ. Такіе учители, будучи орудіемъ своего ордена и примѣняясь къ предположенной

цѣли—вкоренять обскурантизмъ, при чтеніи лекцій, избѣгали всего того, что могло просвѣтить умъ и развить природныя способности каждаго, затрудняли пріобрѣтеніе полезныхъ познаній и все образованіе приспособляли къ цѣлямъ своего ордена. Лучшіе воспитанники оставались іезуитами противъ воли своихъ родителей;—это очень легко было сдѣлать потому, что папа далъ іезуитамъ особыя права, по которымъ въ ихъ орденъ можно было поступать въ четырнадцать лѣтъ.

Съ такими правами были введены іезуиты въ Польшу и здѣсь начали дѣйствовать, какъ полные хозяева, стараясь уничтожить всякую препону, которая сколько нибудь ограничивала ихъ дѣятельность. Мы сказали, что іезуиты вездѣ главною заботою поставляли забирать въ свои руки народное образованіе, потому что чрезъ это имъ легче всего было достигать своихъ цѣлей; тоже самое они сдѣлали и въ Польшѣ. По водвореніи своемъ въ Польшѣ, іезуиты стали заводить училища и воспитывать молодое поколѣніе. Но чтобы совершенно прибрать въ свои руки народное образованіе, іезуитамъ нужно было уничтожить существующій порядокъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ. Извѣстно, что въ Польшѣ краковская академія была главнымъ учебнымъ заведеніемъ, съ правомъ раздавать ученыя степени,— это былъ центръ, откуда распространялось народное образованіе. Почти всѣ учебныя заведенія Польши находились въ зависимости отъ краковской академіи. Отселѣ всѣ усилія іезуитовъ были направлены къ тому, чтобы снести съ пьедестала эту знаменитую академію и подвѣдомственныя ей школы. Для этой цѣли іезуиты стали вездѣ заводить свои коллегіи.

Призванные для того, чтобы сражаться съ религіозными нововведеніями протестантовъ, они хотѣли, во имя р. католической вѣры, владѣть Польшею, пользуясь слабою стороною общества. Тогда шляхта польская проводила время въ домашней роскоши и разныхъ политическихъ несогласіяхъ, какія могли произойти отъ слишкомъ развившейся личности поляковъ; и вотъ являются іезуиты съ мистицизмомъ, нравящимся по своей новости,—лестію, ласкающею шляхетское самолюбіе,—и съ фанатизмомъ, который, подъ предлогомъ ревности по вѣрѣ, производилъ несогласія и ссоры. Нигдѣ іезуитамъ такъ не посчастливилось, какъ въ Польшѣ. Шляхта любила пышность и торжество,—іезуиты здѣсь услуживали своими процессіями, церемоніями,—далѣе діалогами и ди-

слугами іезуитскими; шляхта любила свои гербы, а іезуиты любили риторическія фигуры. Кгожъ могъ возставать противъ испорченности вкуса, когда въ поэзіи шляхетскіе гербы были сравниваемы съ луною и звѣздами! Шляхта повѣрила, что владѣтели гербовъ въ самомъ дѣлѣ владѣютъ и тѣми доблестями, которыя изображены на гербахъ,—и ей не могли не нравиться іезуиты, которые научили читать въ шляхетскомъ величіи похвалу роду и доблестямъ, которые какого нибудь офицера называли Марсомъ, а какого нибудь аристократа Іовомъ, которые для дѣтей знатныхъ домовъ назначали особенныя школьныя лавки.

Роль іезуитовъ, какъ защитниковъ вѣры и безплатныхъ учителей, располагала въ ихъ пользу богатыхъ родителей, которые щедро надѣляли ихъ своими богатствами. Такъ были завлекаемы поляки въ сѣти іезуитовъ! Какъ же послѣ этого могла соперничать съ іезуитами краковская академія, съ педантизмомъ предавшаяся наукѣ, гдѣ происхожденіе или богатство не имѣло вліянія на пріобрѣтеніе ученыхъ степеней, гдѣ изучали латинскую литературу, но не для того, чтобы выступать съ панегириками предъ знатными особами и родителями учениковъ, какъ это водилось у іезуитовъ. Академія, бѣдная средствами, но гордая своею ученостію, не преклоняла своей головы предъ сильными свѣта, опираясь на свои привиллегіи; а іезуиты, надѣясь на силу короля, который имъ благопріятствовалъ и на то значеніе, какое они уже успѣли пріобрѣсть у народа, порѣшили, во что бы то ни стало, разровнить поляковъ съ краковскою академіею и такимъ образомъ захватить въ свои руки народное образованіе.

Познань—первая была свидѣтельницею борьбы іезуитовъ съ академіею. Тамъ рядомъ съ академическою школою Любранскаго, нѣкогда знаменитою, а въ началѣ царствованія Сигизмунда III пришедшею въ упадокъ, возвышались стѣны іезуитскаго коллегіума. Обѣ эти школы стояли на высокой степени, но академическая школа держалась своей престарѣлой рутины, была небольшая и бѣдная, а іезуитская школа заманивала своею новостію, имѣла значительное число учениковъ и владѣла богатыми средствами. Легко было іезуитамъ выхлопотать возведеніе іезуитско-познанской школы на степень академіи. 19 сентября 1612 г. король далъ іезуитской школѣ привиллегію, которою позволялось ей преподавать религію, метафизику, физику, математику и логику и раздавать

ученыя степени баккалавровъ, магистровъ и докторовъ. Краковская академія протестовала противъ нарушенія своихъ привиллегій,—она просила защиты у народа, своего канцлера и у апостольской столицы. Къ счастію академіи, народъ и цѣлый сеймъ варшавскій торжественно протестовали противъ этого, папа также отдалъ справедливость Краковской академіи. Такимъ образомъ іезуитамъ не повезло на первый разъ. Пораженные въ Познани, они ударили на Краковъ. Академія защитила свои права, но недостатки іезуитской методы проникли и въ ея образованіе. Познанская школа, зная, что способствовало успѣхамъ іезуитовъ, и считая ихъ стремленіе за духъ времени, завела у себя іезуитскій методъ воспитанія, начала преподавать риторику, писать панегирики, словомъ: льстить старому и портить вкусъ молодаго поколѣнія поляковъ. Академія, зная недостатки іезуитскаго воспитанія, вмѣсто того, чтобы спасти образованіе отъ дурныхъ послѣдствій, переняла и себѣ ихъ недостатки.

Послѣ неудачной попытки іезуитовъ возвести свою познанскую школу на степень академіи, они теперь сосредоточили все свое вниманіе на томъ, чтобы ослабить привиллегіи краковской академіи и уничтожить ея значеніе и совершенно прибрать въ свои руки образованіе въ Польшѣ. Еще прежде краковская академія съ гостепріимствомъ приняла новыхъ защитниковъ католицизма и уступила имъ два костела. Іезуиты своею ревностію къ богослуженію сразу привлекли къ себѣ сердца людей. «Когда начинаетъ свѣтать, пишетъ одинъ современникъ, они совершаютъ богослуженіе и говорятъ проповѣди, и всегда народа бываетъ полонъ костелъ, потому что богослуженіе начинается рано». Такой порядокъ показался очень выгоднымъ для простаго набожнаго класса людей. Разсчитывая на первыя благопріятныя для себя впечатлѣнія, іезуиты завели при своемъ костелѣ братство св. Дѣвы, съ цѣлію заманить къ себѣ академическую молодежь. Профессоры академіи не подозрѣвали затѣй іезуитовъ, сами ходили къ нимъ на богослуженіе и дали имъ позволеніе открыть школу съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была въ зависимости отъ ректора академіи. Получивши это право, іезуиты не обращали вниманія на условіе быть въ зависимости отъ ректора академіи,— они считали это для себя необязательнымъ и выжидали только благопріятной минуты для открытія своей школы. Имѣя сильную опору въ поддержкѣ короля и знаменитыхъ магнатовъ, іезуиты

сбросили съ себя маску и открыли школы съ крайнимъ насиліемъ академическихъ правъ. Академія, видя, что молодежъ отъ нихъ переходитъ къ іезуитамъ, завела процессъ судебнымъ порядкомъ и, при пріемѣ воспитанниковъ, заставляла ихъ присягать, что они, въ продолженіе пребыванія своего въ Краковѣ, не пойдутъ къ другимъ учителямъ, кромѣ тѣхъ, какіе находятся въ вѣдѣніи ректора академіи, наконецъ подали жалобу въ Римъ и на сеймикъ. Но теперь было другое время. Іезуиты уже успѣли овладѣть умами въ Польшѣ и нашли много себѣ покровителей. Столица апостольская признала за іезуитами право учить въ Краковѣ, король имъ благопріятствовалъ, магнаты поддерживали ихъ; а шляхта, которой толковали, что это нарушеніе свободы—заставлять, чтобы дѣти ихъ непремѣнно учились въ академіи, всѣмъ сердцемъ прильнула къ іезуитамъ. Ректоръ академіи Наймановичъ принесъ предъ тронъ Сигизмунда III академическія привиллегіи и сравнивая науку съ младенцемъ на судѣ Соломона, просилъ короля отнять привиллегіи у академіи и отдать іезуитамъ, вмѣсто того, чтобы раздѣлять науку между двумя соперниками и наносить ей такимъ образомъ смертельный ударъ. Тронутый этимъ поступкомъ Сигизмундъ III возвратилъ ректору привиллегіи академіи, придалъ къ ея гербу третій скипетръ, но школы іезуитской не заперъ.

Съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ Польшѣ, удалось іезуитамъ овладѣть общественнымъ образованіемъ въ Литвѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь, при покровительствѣ правительства, были удалены и малыя къ тому препятствія, да и при томъ власть краковской академіи, которая всегда шла противъ іезуитовъ, не могла такъ далеко простираться. Правда, послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, 1569 года, академія, какъ главная школа королевства, могла простирать свои права и на литовскія школы; но, такъ какъ сама академія была стѣсняема іезуитами, которые угрожали ей уничтоженіемъ ея существованія, то она, занятая защитою своихъ правъ и преимуществъ, не имѣла времени подумать о распространеніи своей дѣятельности и своего вліянія на Литву; а между тѣмъ буллы папъ дозволяли іезуитамъ вездѣ заводить школы и коллегіи, и такимъ образомъ устраняли отъ нихъ чуждое вмѣшательство въ этомъ дѣлѣ. Свободно и безъ препятствія могли заняться іезуиты столь важнымъ для Литвы дѣломъ, какъ народное образованіе, и можно было бы ждать много пользы, если бы они поставили для себя цѣлію народное образованіе,

а не средствомъ къ достиженію своихъ предпріятій; тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ было возбужденіе къ образованію и она не скупилась на матеріальныя для этого средства. Но можно ли было отъ іезуитскаго образованія ждать надлежащихъ плодовъ, когда намъ извѣстно, что іезуиты, сообразно съ духомъ и природою ихъ общества, старались болѣе задерживать, чѣмъ развивать умственное образованіе, чтобы этимъ воспрепятствовать развитію реформаціонныхъ идей?... Съ такимъ стремленіемъ и съ такимъ намѣреніемъ заняли іезуиты училищныя каѳедры въ Литвѣ.

Первая литовская школа, открытая іезуитами, была въ Вильнѣ. Іезуиты вскорѣ, по прибытіи своемъ въ Литву, такъ успѣли расположить къ себѣ вліятельныхъ людей, что мѣстный епископъ разослалъ повсюду приглашенія, чтобы родители присылали своихъ дѣтей въ новооткрытую іезуитскую школу. Въ тоже время они предположили завести и семинарію для воспитанія будущихъ ксендзовъ; но эта мысль осуществилась позже, въ 1584 году. Для удобнѣйшаго содержанія воспитанниковъ и лучшаго надзора за ними, заведены были бурсы для бѣдныхъ учениковъ. Пожертвованія для іезуитовъ, какъ посвятившихъ себя такому доброму дѣлу, сыпались со всѣхъ сторонъ. Самъ король Сигизмундъ Августъ, при смерти своей, подарилъ значительное собраніе книгъ, которое послужило основаніемъ библіотеки. Примѣру короля послѣдовали и другіе знаменитые люди, которые, при смерти своей, записывали виленской іезуитской школѣ свои библіотеки.

При такихъ пожертвованіяхъ и неослабной заботливости самихъ іезуитовъ о своихъ интересахъ, скоро разнеслась слава о виленскомъ коллегіумѣ между р.-католиками, и тѣмъ болѣе, что первые ректора этого коллегіума были люди образованные и пользовались извѣстностію, какъ то: Петръ Скарга и много другихъ. Но виленскій коллегіумъ еще не вполнѣ соотвѣтствовалъ іезуитскимъ видамъ. Чтобы имѣть большее научное вліяніе и тѣмъ болѣе содѣйствовать защитѣ р.-католицизма, нужно было украсить свой коллегіумъ болѣе громкимъ титуломъ, пріобрѣсть для него большія преимущества, увеличить число преподаваемыхъ наукъ, словомъ: поставить свою школу на такую степень, чтобы она могла соперничать съ краковскою академіею. Для достиженія этой цѣли іезуиты внушили своимъ приверженцамъ— авторитетнымъ людямъ въ государствѣ, чтобы они предложили королю возвести виленскій коллегіумъ на степень академіи.

Приверженцы iезуитовъ предложили королю, что для большаго удобства молодымъ людямъ получать высшее образованіе и въ видахъ предостереженія ихъ отъ заграничныхъ заблужденій, они считаютъ выгоднымъ возвести виленскій коллегіумъ на степень академіи. Король согласился на ихъ предложеніе. Многіе изъ магнатовъ протестовали противъ новой привиллегіи, которая дана была iезуитамъ и не хотѣли прикладывать своихъ печатей на новомъ приготовленномъ дипломѣ для виленской академіи, но король Стефанъ Баторій угрожалъ имъ отнятіемъ печатей, если они будутъ упорствовать, и такимъ образомъ заставилъ ихъ дать свое согласіе на возведеніе виленскаго коллегіума въ академію, въ 1578 году. Въ дипломѣ, данномъ на имя виленской академіи, позволено ей давать всѣ ученыя степени философіи и богословія. Вскорѣ, послѣ этого Стефанъ Баторій далъ другую привиллегію на имя виленской академіи, которою утвердилъ фундуши, завѣщанные епископомъ Валеріаномъ для богословской каѳедры, и сравнилъ виленскую академію въ преимуществахъ съ краковскою.

Утвердившись въ Вильнѣ и упрочивши здѣсь существованіе своей академіи, iезуиты начали простирать свои виды дальше. Чтобы не оставить ни одного закоулка, который бы не былъ отъ нихъ зависимъ, они всюду старались втереться, не обращая вниманія на то,—охотно или неохотно ихъ принимаютъ. Они собирали фундуши для заведенія новыхъ школъ, а между тѣмъ старались приводить въ бѣдность, гдѣ только можно было, досель существующія диссидентскія школы, и преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которыхъ соперничество въ наукѣ, рано или поздно, могло повредить имъ.

Въ это время много было школъ въ Литвѣ, но можно ошибиться, если судить объ образованіи народа по количеству школъ, потому что все это были школы iезуитскія съ своимъ исключительнымъ направленіемъ, мертвящимъ свободное развитіе ума. Трудно было въ эту пору существовать, кромѣ iезуитскихъ, другимъ школамъ, а особенно диссидентскимъ; потому что iезуиты употребляли всю свою хитрость для того, чтобы какъ нибудь уничтожить подобныя школы. Такъ, по ихъ старанію была закрыта въ Вильнѣ школа кальвинистовъ; подобная судьба была и съ другими диссидентскими школами. Сигизмундъ III, въ началѣ своего царствованія, давалъ грамоты на открытіе русскихъ школъ въ Вильнѣ, Минскѣ и Брестѣ; но по старанію iезуитовъ издалъ приказаніе, чтобы исповѣ-

дующіе православную вѣру не смѣли заводить своихъ школъ въ Оршѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ. Наконецъ, съ того времени, какъ іезуиты овладѣли школами, знаменитая Краковская академія начала забываться и литовская молодежъ перестала ее посѣщать.

Мы представили досель въ краткихъ чертахъ ходъ того плачевнаго для Польши и западной Россіи событія, когда услужливые пріятели ея-іезуиты захватывали въ свои руки всѣ школы, существовавшія въ тогдашней Польшѣ и подвластной ей западной Россіи. Мы видѣли какъ отцы іезуиты ловко умѣли расположить къ себѣ царственныхъ особъ и овладѣть умами лучшихъ и вліятельнѣйшихъ людей древней Польши, которые, въ чаду іезуитскаго ласкательства, отдали въ руки отцовъ-іезуитовъ образованіе польскаго народа и его судьбу, съ явнымъ и насильственнымъ нарушеніемъ правъ стародавнихъ польскихъ школъ.

Теперь посмотримъ,—оправдали ли отцы іезуиты тѣ надежды, которыя возлагала на нихъ Польша; подвинули ли они ея образованіе впредъ и сдѣлали ли они лучшими ея сыновъ, которые, въ своемъ ослѣпленіи, такъ довѣрчиво бросились въ ихъ объятія; вознаградили ли іезуиты народъ польскій за тѣ жертвы, которыя онъ принесъ ихъ обществу; повѣли ли они дѣтей Польши къ будущей ихъ славѣ, или, быть можетъ, они своимъ вліяніемъ положили начало ея постепенному истощенію и, наконецъ, совершенному ея паденію. Вотъ вопросы, которые естественно возникаютъ въ душѣ читателя, когда онъ вспомнитъ,— какъ Польша радушно приняла къ себѣ іезуитовъ, дала такой большой просторъ у себя ихъ дѣятельности и подчинилась имъ совершенно, чего не сдѣлала въ пользу іезуитовъ ни одна европейская страна.

Отвѣтъ на эти вопросы мы получимъ тогда, когда разсмотримъ внутреннюю сторону іезуитскихъ школъ, какъ то: методъ ихъ образованія, нравственное ихъ вліяніе на своихъ воспитанниковъ, и вообще всѣ ихъ дѣйствія и пріемы, которые были выработаны долговременною дѣятельностію іезуитовъ и приняты ими, какъ самыя лучшія въ воспитательномъ отношеніи.

Мы уже имѣли случай замѣчать, что іезуиты давали въ своихъ школахъ образованіе богословско-казуистическое (1),

(1) Желающимъ познакомиться, въ краткихъ чертахъ, съ казуистическимъ богословіемъ іезуитовъ мы рекомендуемъ прочитать статьи, по-

а свободныя науки у нихъ были на заднемъ планѣ. Для магнатской молодежи іезуитскія школы очень нравились. Здѣсь магнатскія дѣти не трудились много. Возрастному, который оканчивалъ ученіе въ ихъ школахъ, давали торжественно, среди большаго собранія, титулъ ритора или философа, называли его Демосѳеномъ, Златоустомъ, Сократомъ, Платономъ, а тотъ, ничего не зная, былъ убѣжденъ, вмѣстѣ съ своими родителями, что онъ одинъ изъ мудрѣйшихъ. Съ бѣдными обходились иначе, ихъ заставляли учиться и сѣкли безъ милости.

Но главная цѣль іезуитской школы въ Вильнѣ и въ цѣлой Литвѣ состояла въ томъ, чтобы пробудить въ молодежи глубокую ненависть къ диссидентамъ. Для этого употребляли слѣдующія средства. Собирали всю молодежь въ залъ на сценическія представленія. Одинъ іезуитъ играетъ роль Христа, другіе-двенадцати апостоловъ. Начинается послѣдній судъ. Предъ судилище Спасителя приводятъ Гусса, Виклефа, Лютера, Кальвина, Цвинглія и греческаго патріарха. Каждый изъ этихъ духовъ долженъ исповѣдываться и признаваться въ такихъ вещахъ, какія для изуродованія этихъ людей могли выдумать только одни іезуиты, и все это такъ варварски представлялось, что молодежь остервенялась. Судъ назначаетъ ихъ во адъ. Когда низвергаютъ во адъ Іуду, выходятъ черти и тогда начинается комедія. Дѣти лопаютъ со смѣху, смотря на то, что дѣлаютъ черти съ невѣрными и, оставивши іезуитскій коллегіумъ, стараются и сами дѣлать тоже, если имъ удастся схватить какого нибудь диссидента.

Другимъ средствомъ для этой цѣли были публичные диспуты. Собирается молодежь. Среди зрѣлища засѣдаютъ, съ одной стороны, отцы іезуиты, а съ другой стороны, тоже іезуиты, только переодѣтые въ невѣрныхъ, какъ то: Кальвинъ, Гуссъ, Лютеръ, греческій патріархъ и проч. Начинается ученое разсужденіе. Представители ереси говорятъ о предметахъ, облеченныхъ покровомъ правды, но такъ глупо, что молодежь смѣется; іезуиты довольно ловко сражаютъ языкомъ своихъ противниковъ и доводятъ ихъ до того, что тѣ принуж-

---

мѣщенные въ газетѣ »День» за 1865 годъ №№ 45, 46, 47, 48, 49 и 50 «*Письма Юрія Самарина*» іезуиту Мартынову. Въ этихъ письмахъ довольно обстоятельно обрисованы всѣ пріемы іезуитскаго ума въ сужденіяхъ богословскихъ и ихъ взглядъ на нравственную оцѣнку поступковъ человѣка, въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни. Здѣсь читатель осязательно увидитъ, какъ іезуиты льстили страстямъ человѣка и снисходили его слабостямъ, чтобы удобнѣе владѣть его совѣстію.

деньи бываютъ сознаться, что ихъ попуталъ діаволъ и что они тяжело согрѣшили противъ Бога.

Употребляли еще и другія средства для этой цѣли, напр. приказывали ученикамъ играть на театрѣ комедію, въ которой выступаетъ кальвинскій или лютеранскій пасторъ или православный священникъ: онъ бьетъ свою жену, бранится съ своими дѣтьми, запиваетъ свою совѣсть водкою, дѣлается во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ смѣха. Кромѣ того іезуиты составляютъ сатиры и пасквили на разновѣрцевъ и задаютъ своимъ ученикамъ для декламаціи, разсказываютъ имъ ложные анекдоты, учатъ ихъ смѣшнымъ пѣснямъ и проч.

Послѣ этого неудивительно, если виленскіе диссиденты начали подвергаться ужаснѣйшимъ преслѣдованіямъ, когда іезуитскіе ученики подросли и разсыпались по литовскимъ и западно-русскимъ имѣніямъ. Ученики виленскіе особенно подкарауливали евангелическихъ священниковъ, укрываясь за домами и, поймавши кого нибудь изъ нихъ, били почти до смерти, снимали одежду и гнали нагаго по городу, или бросали съ моста въ воду. Подобныя сцены совершались среди дня и почти безпрестанно. Протестанты-Радзивиллы, не видя другаго средства для защиты угнетенныхъ, должны были выставлять противъ іезуитскихъ школьниковъ войско. Но едва войско на минуту оставитъ городъ, какъ опять совершаются ужасныя сцены. Церковь кальвинская остается безъ оконъ, потому, что, лишь только сдѣлаютъ окна, какъ сейчасъ же ученики іезуитскіе разбиваютъ ихъ. Схвативши диссидентовъ въ гостинницахъ, школьники били ихъ и грабили. Іезуиты научали слугъ мучить своихъ иновѣрцевъ-пановъ. Не оставляли въ покоѣ и мертвыхъ. Справедливости нигдѣ нельзя было найти, потому что въ судахъ тѣ же воспитанники іезуитовъ и смѣются надъ иновѣрцами, когда тѣ думаютъ заносить жалобу. Іезуиты сами всегда наставляли молодежь на такіе подвиги и, если вліятельныя особы хотѣли принять мѣры противъ подобныхъ безпорядковъ, то іезуиты извиняли вину молодежи своеволіемъ, свойственнымъ ученикамъ всего свѣта. Таковы были плоды воспитанія въ іезуитскихъ школахъ!

Чтобы окончательно уничтожить всякое разумное движеніе, которое не приходилось по духу іезуитовъ, и чтобы болѣе гарантировать то направленіе, въ которомъ они старались держать народъ, іезуиты постарались прибрать въ свои руки цензуру книгъ. Появились реестры книгъ, запрещен-

ныхъ тридентскимъ соборомъ, наступило очищеніе библіотекъ и стѣсненная цензура для нововыходящихъ сочиненій. Всякое сочиненіе, въ которомъ мало-мальски просвѣчивалось несогласіе съ догматами р.-католической вѣры, или просто было направлено противъ іезуитовъ, что на языкѣ іезуитовъ считалось ересью, всякіе памятники народной древности и пѣсни, въ которыхъ оставался слѣдъ языческихъ временъ, извлеченія изъ греческой миѳологіи, были уничтожаемы подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ поддерживаютъ суевѣріе въ народѣ; такой же участи подвергались сочиненія, въ которыхъ хотя не было ничего еретическаго, но авторы ихъ были подозрѣваемы въ ереси, или, если эти сочиненія печатались въ типографіяхъ, откуда выходили разновѣрческія сочиненія.— Все подобное назначено было къ уничтоженію, и цѣлыя кучи книгъ были сожигаемы палачами на рынкахъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. Чтобы представить безсмысленный деспотизмъ іезуитовъ въ дѣлѣ цензуры, довольно вспомнить тотъ фактъ, что книга «De vanitate mundi» была сожжена публично палачемъ, при громѣ колоколовъ, за то только, что она была переведена съ французскаго языка протестантомъ и посвящена сестрѣ р.-католическаго короля. Переводчикъ былъ оштрафованъ денежною пенею и посаженъ въ тюрьму, хотя на французскомъ языкѣ позволено было читать эту книгу. Поэтому обстоятельству Сигизмундъ III издалъ эдиктъ: «Кто переводитъ и приноситъ въ Польшу, читаетъ и хранитъ книги, запрещенныя іезуитами, тотъ теряетъ честь, имѣніе и жизнь.» И панамъ польскимъ іезуиты такъ отуманили голову, что подобное явленіе считалось совершенно естественнымъ. Польскіе писатели замѣчаютъ, что козацкіе пожары и двукратный грабежъ шведовъ не могли нанесть большей потери для библіотекъ, какъ іезуитская цензура. Іезуиты уничтожали не только такія книги, которыя имъ казались вредными, но и такія, которыя, по ихъ взгляду, казались старыми и ненужными; а если остались какія нибудь сочиненія, то онѣ носили на себѣ печать очищенія, которое производилось съ безпощаднымъ искаженіемъ сочиненій. Это очищеніе простиралось даже и на самихъ классиковъ, которые были употребляемы въ школахъ. Кромѣ книгъ, іезуиты старались уничтожить и свѣтскія типографіи, такъ что, благодаря заботливости іезуитовъ, осталось очень малое число типографій въ рукахъ свѣтскихъ людей. Въ это время, подъ вліяніемъ

іезуитовъ были такіе фанатики между свѣтскими людьми, что закупали запрещенныя іезуитами книги и сожигали ихъ.

Іезуиты теперь совершенно торжествовали въ Польшѣ, теперь уже не было ничего, чтобы могло ихъ стѣснять. При королѣ ближайшими совѣтниками были іезуиты, а въ домы магнатовъ и подавно былъ открытъ имъ входъ. Вездѣ высшія государственныя должности занимали приверженцы іезуитовъ и ихъ воспитанники. Вообще должно сказать, что іезуиты заботились о своихъ питомцахъ. Они, управляя Сигизмундомъ III по своей волѣ, доставляли своимъ воспитанникамъ сенаторскія кресла, староства и другія должности; бѣдныхъ воспитанниковъ поручали магнатамъ, которые, по просьбѣ іезуитовъ, должны были позаботиться объ ихъ обезпеченіи. Іезуиты до того простирали услуги своимъ воспитанникамъ, что даже сватали имъ богатыхъ дѣвицъ. Кто кончилъ курсъ въ ихъ школахъ и показалъ добрый духъ, т. е. ненависть къ диссидентамъ, тотъ совершенно не безпокоился за свою участь. Отцы іезуиты постараются выхлопотать для такихъ воспитанниковъ теплое мѣстечко. Это заставляло даже многихъ диссидентовъ и православныхъ отдавать въ іезуитскія школы своихъ дѣтей.

Теперь посмотримъ—какъ относились современники къ іезуитамъ;—ужели не нашлось ни одного человѣка, который бы понялъ тотъ вредъ для страны, который принесли ей іезуиты своимъ вліяніемъ? Нѣтъ, были люди, которые понимали то гибельное положеніе страны, до котораго довели ее іезуиты, и совѣтовали удалить ихъ, но совѣты этихъ людей были напрасны. Часто слышались голоса не въ пользу іезуитовъ, ихъ называли заразою, которую трудно замѣтить, пока не воспалитъ все тѣло. Епископъ краковскій Петръ Мышковскій часто повторялъ, что выдуманное общество монаховъ, украшенное именемъ Іисуса Избавителя, кажется, для того учреждено, чтобы искажать догматы римской церкви и добрые нравы республики и производить въ ней смятеніе. Янъ Замойскій, въ своемъ отзывѣ объ іезуитахъ, едва соглашается уступить имъ нѣсколько каѳедръ для проповѣди и предостерегаетъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла республики. Завадскій, ректоръ краковской академіи, говоритъ, что слѣдовало на первыхъ порахъ выгнать іезуитовъ изъ Польши. Находятся такіе, говоритъ онъ, которые, по поводу множества школъ, заведенныхъ іезуитами, считаютъ ихъ людьми

полезными для страны, даже нѣкоторые изъ лучшихъ фамилій стараются повѣрить имъ воспитаніе своихъ дѣтей, замѣчая у нихъ высокую науку, религіозность и особенный какойто способъ обученія; при чемъ и то бросается имъ въ глаза, что они ничего не берутъ за труды при воспитаніи своихъ учениковъ; но они не подмѣчаютъ, къ чему все это клонится. Іезуиты заботятся о томъ, чтобы совершенно овладѣть народнымъ образованіемъ. Но какая изъ этого польза для отечества? Ихъ воспитаніе приспособлено къ монастырской жизни и тѣмъ болѣе гибельно для насъ, что іезуитскіе учители иностранцы, которые не понимаютъ нашихъ обычаевъ и потребностей страны. При этомъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ, чтобы іезуитское воспитаніе, неизвѣстное нашимъ предкамъ, безполезное для молодежи и вредное для страны, было оставлено, а вмѣсто того возвратились къ прежнему народному образованію. За тѣмъ онъ показываетъ вредъ отъ іезуитовъ для общественной жизни, именно, что они были причиною многихъ смятеній и бунтовъ, что они позахватывали въ свои руки богатыя страны, пользуясь для этого всякими средствами и довели чрезъ это до бѣдности и нужды многіе шляхетскіе дома. Совѣтуетъ, чтобы правительство строго слѣдило за ихъ направленіемъ и не увлекалось ихъ льстивою рѣчью и наружною набожностію.— Далѣе, шляхта на съѣздѣ просовецкомъ требовала отъ короля, между прочимъ, чтобы онъ удалилъ отъ двора іезуитовъ, которые вмѣшиваются въ свѣтскія дѣла, портятъ молодое поколѣніе и возбуждаютъ людей къ мятежамъ, чтобы очистилъ Польшу отъ иноземцевъ и положилъ предѣлъ ихъ распространенію. На этомъ съѣздѣ явилось одно замѣчательное письмо безъименнаго автора, въ которомъ онъ, излагая свою программу народнаго образованія, требуетъ для блага отечества непремѣнно удалить іезуитовъ, потому что они своимъ воспитаніемъ приносятъ большой вредъ отечеству. Ученые люди, говоритъ авторъ письма, которые исповѣдуютъ и защищаютъ римско-католическую религію, доказали цѣлому свѣту, что іезуиты, по самой идеи своего общества, приносятъ возраждающимся наукамъ болѣе зла, чѣмъ добра, что ихъ образованіе есть не болѣе какъ искаженіе ума и притупленіе счастливыхъ дарованій. Не одинъ, говоритъ далѣе, изъ знаменитыхъ людей страны, занимающихъ высшія мѣста въ отечествѣ, жаловался, что, недостатки іезуитскаго образованія долженъ былъ выправлять, во время путе-

шествій за границу. Далѣе, авторъ требуетъ возстановленія правъ краковской академіи и запрещенія польской молодежи, подъ угрозою строгаго наказанія, отправляться за границу въ іезуитскія школы. Явились многія другія письма, въ которыхъ изображалось то гибельное положеніе страны, до котораго доводили іезуиты своимъ гибельнымъ вліяніемъ въ Польшѣ.

Для позднѣйшей характеристики іезуитовъ, мы приведемъ отзывъ профессора краковской академіи Божки. Въ первой части своей брошюры «Gratis» онъ говоритъ о безплатномъ воспитаніи іезуитовъ. Лишь только іезуиты отворили свои школы, какъ всѣ бросились отдавать туда своихъ дѣтей подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ даромъ учатъ,—и каждому, кто поверхностно смотритъ на дѣло, кажется, что даромъ учатъ, потому что и шести грошей не берутъ въ треть.... Но всмотрѣвшись въ поступки іезуитовъ, при основаніи ихъ школы, и за тѣмъ какая бываетъ польза отъ ихъ науки, каждый умный человѣкъ долженъ признать, что іезуиты учатъ не даромъ, но очень дорого.... Они неиначе приступаютъ къ открытію своей школы, какъ если напередъ выманятъ достаточное для ней обезпеченіе, т. е. пріобрѣтутъ имѣнія, на доходы которыхъ можно содержать предполагаемое количество учениковъ и учителей. Но іезуиты этимъ не ограничиваются: они, принимая учениковъ, не требуютъ отъ нихъ условленной платы, но за то они получаютъ отъ родителей подарки, которыхъ сами они домагаются, и эти подарки равняются необходимой за обученіе платѣ, если еще не превышаютъ ее. Такъ, отцы іезуиты постоянно вымаливаютъ у родителей своихъ учениковъ разные хозяйственные продукты. Такъ, они предлагаютъ имъ жертвовать на ихъ церковь, требуютъ для себя въ подарокъ полотна, сукна, рыбу, медъ, масло и другія произведенія, и, чего только ни потребуютъ, родители никакъ не могутъ отказаться..... Далѣе,—одну и туже грамматику раздѣляли на нѣсколько частей, которыя проходились въ особыхъ классахъ: Infima, Grammatika, Šintaxis, Humanitas и проч., а для простыхъ и не обращающихъ никакого вниманія на воспитаніе дѣтей-родителей кажется очень лестнымъ, когда услышатъ, что ихъ сынъ въ первомъ, второмъ, третьемъ, и т. д. классѣ, что онъ получилъ степень imperatorem graecorum или romanorum, или praetorem; или получилъ какую нибудь премію-иконку, или что нибудь другое; а не знаютъ того, что онъ изучилъ одну только науку грамматику.

Прійдетъ ли отецъ къ своему дитяти, или дядя, тетка,—дитя превосходно привѣтствуетъ ихъ рѣчью, или оно прекрасно играетъ комедію, или же съ вѣнчикомъ на головѣ ловко услуживаетъ предъ алтарем, или же свѣчки длиннымъ шестомъ тушитъ, звонитъ въ колокольчикъ, искусно кланяется, исповѣдывается каждую недѣлю..... Іезуиты обучаютъ дѣтей грамматикѣ Альвара, которая очень трудна для пониманія и этимъ только отнимаютъ у нихъ время. Причины такого обученія слѣдующія: 1) чтобы, при долгомъ пребываніи дѣтей въ школѣ, имѣть болѣе отъ нихъ пользы т. е. долѣе получать подарки отъ родителей, 2) чтобы, чрезъ долгое пребываніе дѣтей въ школѣ лучше узнать ихъ нравъ, 3) чтобы воспитать дитя сообразно своей цѣли и такимъ образомъ управлять его молодостію, 4) чтобы имѣть отговорку, когда захотятъ отобрать дитя,—пусть пройдетъ по крайней мѣрѣ, грамматику, которая служитъ основаніемъ образованія и послѣ того его можно будетъ взять, 5) чтобы задержать въ школѣ до мужескаго возраста.— Если послѣ этого іезуиты подмѣтятъ, что кто нибудь изъ ихъ учениковъ хорошихъ способностей, или степенный, или ожидаетъ наслѣдства или пособія отъ родственниковъ, словомъ, если іезуиты подмѣтятъ въ немъ какую нибудь пользу для себя, то они стараются такого ученика задержать у себя и не выпускаютъ его; а если ученикъ кое—какихъ способностей, или родители желаютъ взять его, или же самъ не хочетъ учиться—такого свободно отпускаютъ. Вышедши изъ іезуитской школы, ученики обращаются съ просьбой къ отцамъ іезуитамъ, чтобы они пристроили ихъ къ жизни. Іезуиты обыкновенно выхлопочутъ имъ такія должности, при которыхъ они могли бы быть вѣрными ихъ орудіями; богатыхъ же учениковъ, оставляющихъ ихъ школу, они заклинаютъ, чтобы они не забывали полученныхъ отъ нихъ благодѣяній, помня постоянно то, что Богу, родителямъ и учителямъ нельзя довольно отблагодарить. Въ силу этого правила требуютъ не забывать ихъ, какъ благодѣтелей и учителей—навѣщать ихъ, часто исповѣдываться у нихъ, содѣйствовать ихъ обществу, часто ходить въ ихъ конгрегацію и много другихъ условій навязываютъ своимъ ученикамъ, которыми такъ опутаютъ молодаго человѣка, что ему трудно бываетъ прійти къ сознанію неправоты всѣхъ этихъ требованій.

Въ такихъ чертахъ представляли современники образъ

дѣйствій іезуитовъ, какъ воспитателей древней Польши и подвластной ей тогда западной Россіи, несшей вмѣстѣ съ нею горькую долю іезуитскаго вліянія.

Руководства при составленіи статьи: Obraz Litwy pod względem jej cywilizacij od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII—Ярошевича. Historia narodu polskiego.—Нарушевича. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie.—Лукашевича. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w dawnej małej polsce—Лукашевича. Historia szkół w Koronie i w wielkim Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1795—Лукашевича. Słowo dziejów polskich—Короновича.— Chowanna—Трентовскаго. Pisma rozmaite—Снядецкаго. (См. Под. Еп. Вѣд.)

А. Павловичъ.

ВОЗЗВАНІЕ
настоятеля съ братіею жировицкаго монастыря къ усердію благотворителей.

Христолюбивые благотворители!

Литовской епархіи, въ Гродненской губерніи, въ 8-ми верстахъ отъ уѣзднаго города Слонима и въ 25-ти отъ московско-варшавскаго шоссе, при почтовой дорогѣ, въ живописномъ положеніи, находится мѣстечко Жировицы и въ немъ уединенно стоитъ мужской второклассный монастырь Жировицкій. Маленькое чистенькое мѣстечко это, мало замѣтное при громадныхъ монастырскихъ церквахъ и жилыхъ зданіяхъ, пользуется громкою извѣстностью въ сѣверо-западномъ краѣ съ той поры, какъ прошла молва о прославленномъ многочисленными чудесами явленномъ образѣ Божіей Матери, именуемой Жировицкою.

Нерукотворенный образъ этотъ, съ рельефно на камнѣ выдавшимся ликомъ Богоматери, на рукахъ держащей Предвѣчнаго Младенца, по преданію и сохранившимся письменнымъ памятникамъ, являлся дважды: первый разъ въ 1470 году на грушевомъ деревѣ, надъ источникомъ, другой, лѣтъ 50 спустя, на большомъ камнѣ. На обоихъ мѣстахъ явленія Богоматери основаны и донынѣ существуютъ два храма. Одинъ, въ память перваго явленія,—соборный Успенія Божіей Матери, и въ немъ явленный образъ Пречистыя въ великолѣпномъ иконостасѣ византійскаго стиля помѣщается на правой сторонѣ у царскихъ вратъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ впервые явился на деревѣ. Подъ образомъ сохранился источникъ, струившійся возлѣ дикой груши, гдѣ явилась чудотворная

икона. Вѣра народа всегда питала къ этому источнику особенное уваженіе и приписывала ему чудодѣйственную силу. Другой храмъ устроенъ на камнѣ, на которомъ была обрѣтена чудотворная икона Богоматери. Благочестіе христіанъ уважаетъ на равнѣ съ святою водою источника камень этотъ, служащій основаніемъ престолу.

Къ этой святынѣ не только православные, но и иновѣрцы питали и питаютъ глубокое благоговѣніе. Едва былъ положенъ первый камень въ основаніе храма, гдѣ Матерь Божія явила благодатное свое присутствіе, какъ къ нему съ вѣрою и молитвою притекали знатнѣйшіе вельможи края и, смиривъ царственное величіе, являлись простыми богомольцами вѣнценосцы.

Въ половинѣ XVI столѣтія, въ Жировицахъ уже существовалъ православный монастырь съ многочисленнымъ братствомъ, знаменитый во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ, по строгому подвижничеству иноковъ и по упорной борьбѣ, которую до послѣдней крайности велъ онъ съ усилившимся тогда въ западномъ краѣ латинствомъ и уже появившеюся уніею. Въ эту несчастную годину, въ началѣ XVII столѣтія, Жировицкій монастырь сдѣлался добычею уніатовъ.

Но отъ перехода святыни въ руки неправославныхъ не померкла слава чудотворной Жировицкой иконы. Къ ней по прежнему стекались оставшіеся вѣрными своей святой матери сыны православной церкви и тѣмъ пламеннѣе изливали свою душу предъ чудотворнымъ образомъ, чѣмъ большимъ подвергались гоненіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что святыня жировицкая, ежегодно привлекая къ себѣ изъ разныхъ странъ десятки тысячъ поклонниковъ, спасла народъ отъ забвенія о вѣрѣ православной и предохранила его отъ совращенія въ латинство.

Православная обитель жировицкая болѣе двухъ столѣтій находилась въ рукахъ иновѣрцевъ. Когда насталъ конецъ испытанію здѣшняго края, Провидѣнію угодно было избрать обитель жировицкую мѣстомъ подготовленія великаго дѣла— возвращенія уніатовъ на лоно церкви православной. По духу и мысли великаго іерарха литовскаго, 1828 года въ основанной имъ жировицкой семинаріи образовались и подготовлялись ревностные пастыри церкви, будущіе дѣятели и участники торжественнаго возсоединенія. По благости Божіей, подъ руководствомъ опытнаго кормчаго, главнаго виновника возсоединенія, послѣднее мирно совершилось въ 1839 году.

„Премудрый Зиждитель", говорилъ доблестный архипастырь нашъ въ одномъ изъ своихъ словъ, „избралъ для обновленія литовской церкви не блестящій градъ, а смиренный уединенный уголокъ, находящійся подъ особеннымъ покровомъ пречистыя Дѣвы, прославленной въ чудотворной иконѣ жировицкой. Здѣсь, благостію Божіею, предстательствомъ небесныя Владычицы преобразились мы вѣрою, возвратясь къ

чистымъ догматамъ древнія православныя церкви; преобразились духомъ, возвратясь въ сообщество съ родною нашею матерію—всероссійскою церковію, преобразились сердцемъ, обновя чувства родственной любви къ великому нашему русскому племени и русскому отечеству“.

Въ своемъ особенномъ вниманіи къ святынѣ жировицкой незабвенный архипастырь нашъ, вслѣдъ за возсоединеніемъ, здѣсь же, въ жировицахъ, сосредоточилъ управленіе обновленной имъ Литовской церкви, возвысивъ храмъ жировицкій въ каѳедральный соборъ, а бывшую уніатскую семинарію преобразилъ въ чисто православную. Въ 1845 году, по особымъ видамъ и цѣлямъ правительства, и соборъ и семинарія перенесены въ Вильну; въ Жировицахъ же остались монастырь, штатомъ возведенный уже во второй классъ, и при немъ духовное уѣздное училище.

Таковы судьба и исторія жировицкой обители. Много тревогъ и радостей испытала она. Возсоединеніе уніи съ православіемъ было важнѣйшимъ,совершившимся въ ней событіемъ: оно было вѣнцомъ славы, которою съ самаго явленія пользовалась жировицкая чудотворная икона Божіей Матери. Стоя на западной границѣ православной Россіи, обитель жировицкая безспорно стала первою въ православной литовской странѣ и въ ряду лучшихъ обителей сѣверо-западнаго края.

И по своему наружному виду жировицкая обитель заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ народныхъ религіозныхъ пѣсняхъ сохранилось преданіе, что вельможи и царственныя лица, пріѣзжавшія въ Жировицы на поклоненіе, смотрѣли на монастырь, какъ на рѣдкость по его красотѣ и устройству. Въ немъ три отдѣльныхъ каменныхъ храма: соборный, съ тремя придѣлами, явленія Божіей Матери на камнѣ, воздвиженіе честнаго Креста и четвертый деревянный кладбищенскій Святаго Великомученика Георгія. Всѣ эти храмы имѣютъ для мѣстной обители и края глубокое историческое значеніе. Всѣ зданія обители, извѣстныя подъ названіемъ древняго и новаго монастыря, съ огромными службами—каменныя, крытыя гонтомъ.

Было время, когда обитель жировицкая была надѣлена богатыми угодьями: громадные храмы ея поддерживались тогда собственными средствами; но съ 1842 года всѣ имѣнія ея, въ видахъ обезпеченія духовенства, отошли въ казну, а обитель осталась при скудныхъ угодьяхъ и при очень ограниченномъ, сравнительно съ прежнимъ, штатномъ содержаніи.

Ни глубокое уваженіе народа къ святынѣ жировицкой, во множествѣ стекающагося сюда, ни историческое значеніе и заслуги обители не охранили ея отъ убожества, въ которомъ она находится нынѣ. Съ сороковыхъ годовъ обитель поставлена въ невозможность поддерживать приличное благолѣпіе и цѣлость своихъ храмовъ и каменныхъ зданій; они изъ году въ годъ приходятъ въ большій упадокъ и разореніе; въ величественныхъ зданіяхъ храмовъ своды повреждены отъ

течи сквозь гонтовыя крыши; въ тепломъ храмѣ приходится прекратить богослуженіе по причинѣ течи, поврежденія сводовъ и ужасной сырости; карнизы во всѣхъ храмахъ опадаютъ; цоколи повреждены, окна сгнили, службы монастырскія разваливаются. Рѣзко бросается въ глаза лицевой соборнаго храма фасадъ, который съ 1821 года стоитъ неоконченнымъ и временно только прикрытъ. И этой недоконченности нельзя не видѣть особеннаго о жировицкой обители промышленія Божія: владѣвшіе ею базиліане имѣли намѣреніе придать жировицкому храму видъ латинскаго костела. Вообще обитель очень бѣдна и ризницею и церковною утварью и св. образами: притомъ монастырю негдѣ дать пріюта для стекающихся сюда богомольцевъ.

Причина такой бѣдности жировицкой обители главнымъ образомъ—въ силѣ всеразрушающаго времени, въ скудости средствъ, которыми она владѣетъ, и въ нищетѣ богомольцевъ, бѣднаго здѣшняго, еще не оправившагося простаго народа, копѣечными своими приношеніями немогущаго поддержать обитель, и ей, безъ поддержки извнѣ, угрожаетъ скорый упадокъ и быть можетъ опустѣніе.

И ей ли печально склонять свою главу тогда, когда юнѣйшіе храмы радостно возносятъ свои отъ усердія ревнителей православія!?

Такое жалкое и безотрадное положеніе жировицкой обители побудило настоятеля съ братіею испросить архипастырское разрѣшеніе члена святѣйшаго сѵнода, высокопреосвященнѣйшаго *Іосифа,* митрополита литовскаго и виленскаго на сборъ доброхотныхъ подаяній. Упованіе на помощь Божію и Царицы небесной увѣнчалось благословеніемъ и даромъ виновника возсоединенія, равно какъ и вкладомъ нынѣшняго начальника края; оно же ободряетъ насъ небезуспѣшно обратиться къ усердію почитателей святынь и чудотворнаго образа Божіей Матери жировицкой съ смиреннѣйшимъ прошеніемъ—оказать обители жировицкой посильное пособіе для поддержки ея святыни и окончательнаго завершенія въ постройкѣ соборнаго храма.

Убѣжденіе говоритъ намъ, что зачинъ такихъ сановниковъ найдетъ благочестивыхъ подражателей.

Христіане-благотворители! вѣрные сыны и дщери православныя церкви! не откажите въ помощи и посильномъ пособіи жировицкой обители и вмѣстѣ явите усердное содѣйствіе къ распространенію нашей просьбы между лицами, извѣстными вамъ своею благотворительностію; пригласите ихъ, молимъ васъ, Христа ради, къ пожертвованіямъ.

Ваша помощь воскреситъ обитель жировицкую; она же, вѣчно благодарная, приметъ всякій даръ вашъ съ признательностію, и, пока будетъ существовать, не престанетъ въ своихъ безкровныхъ жертвахъ и молитвахъ предъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери поминать имена Христо-любивыхъ дате-

телей, вкупѣ съ именами ихъ ближнихъ и сродниковъ, живыхъ и отшедшихъ ко Господу.

При семъ усерднѣйше просимъ сообщать имена благотворителей для внесенія ихъ въ синодикъ обители на вѣчное поминовеніе.

Усердствующихъ къ Божіей Матери жировицкая обитель покорнѣйше проситъ присылать свои приношенія къ настоятелю Жировицкаго монастыря, архимандриту Николаю, или въ Жировицкій монастырь. О полученіи ихъ огласится въ литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и газетахъ. По окончаніи работъ, будетъ объявленъ подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ пожертвованій.

Усерднѣйшій богомолецъ, настоятель Жировицкаго монастыря, архимандритъ *Николай съ братіею.*

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ М. ПОДБЕРЕЗЬѢ 8 апрѣля.

Кромѣ частныхъ случаевъ возсоединенія съ православною церковью отдѣльныхъ овецъ Христова стада, блуждавшихъ по распутіямъ папства, Пастыре-начальнику Іисусу угодно было даровать намъ недавно, не первую уже въ здѣшнемъ краѣ, усладу сорадоваться духомъ обращенію въ православіе самаго пастыря (*), съ своимъ духовнымъ стадомъ. Это отрадное для всей церкви православной событіе священнодѣйствовано преосвященнымъ Александромъ, епископомъ Ковенскимъ съ сослужащимъ, между прочимъ, и новообратившимся священникомъ о. Іоанномъ Стрѣлецкимъ, окончательно

(*) Это настоятель прежняго Подберезскаго костела ксендзъ Іоаннъ Стрѣлецкій. Онъ, 20 марта, въ воскресенье, отслуживши мшу, взошелъ на каѳедру и сказалъ, обращаясь къ многочисленному приходу, слово, въ коемъ изложилъ вкратцѣ исторію христіанской церкви отъ Іисуса Христа до нашихъ дней. Выводъ былъ тотъ, что единая, святая, вселенская, т. е. католическая церковь есть православная, къ которой онъ присоединился, приглашая и своихъ прихожанъ, буде кто пожелаетъ послѣдовать его примѣру. Присоединенія въ этомъ мѣстечкѣ начались впрочемъ еще въ февралѣ, такъ что до 20 марта было уже тамъ болѣе 1000 душъ принявшихъ православіе. Ксендзъ пріѣхалъ въ Вильну и 24 марта, въ чистый четвергъ, былъ присоединенъ въ церкви св. Троицкаго монастыря на совершенной торжественно архіереемъ литургіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратился въ свой приходъ, гдѣ, подъ руководствомъ православнаго священника, въ продолженіи остальныхъ дней страстной седмицы и всей недѣли Пасхи, совершалъ въ костелѣ положенное въ эти дни уставомъ православной церкви богослуженіе, за исключеніемъ Литургіи, и разныя церковныя требы и главнымъ образомъ занимался присоединеніемъ въ православіе своихъ прихожанъ. Онъ остается главнымъ настоятелемъ своего прихода, который возведенъ на степень двупричтного. Присоединеніе о. Іоанна совершенно добровольное, чистое и безупречное.

3 апрѣля въ м. Подберезьи, Виленскаго уѣзда, въ 28 верстахъ отъ Вильны.

Великое торжество православія совершалось съ подобающею ему торжественностію и сочувствіемъ къ нему весьма многихъ представителей здѣшней администраціи. Пользуясь свободнымъ отъ служебныхъ занятій временемъ, близостью разстоянія и прекрасною весенней погодой подберезскій праздникъ почтили своимъ посѣщеніемъ: начальникъ Виленской губерніи, попечитель виленскаго учебнаго округа, съ своимъ гостемъ изъ С. Петербурга Ѳ. М. Сухотинымъ, и многими лицами служащими по министерству народнаго просвѣщенія, игуменья виленскаго дѣвичьяго монастыря съ нѣкоторыми сестрами, виленскій вице-губернаторъ, голова города Вильны, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ и мировымъ учрежденіямъ, мѣстный ксендзъ деканъ (благочинный), съ однимъ изъ сосѣднихъ приходскихъ ксендзовъ, нѣсколько окрестныхъ помѣщиковъ р. католическаго вѣроисповѣданія, редакторы Вѣстника западной Россіи и многія другія лица изъ г. Вильны. Что касается простаго народа, мы выразимся безъ преувеличенія, если скажемъ, что его собралось, по различнымъ побужденіямъ, изъ всей окрестности несмѣтное множество. Не смотря на обширность храма,— недавняго костела (площадь котораго можетъ вмѣстить до 2000 человѣкъ), не только весь онъ былъ переполненъ народомъ, но и просторные хоры, и погостъ церковный, и площадь передъ храмомъ и волостнымъ управленіемъ. Само собой, большинство собравшагося на православный праздникъ народа было—не православное. Этотъ религіозный дуализмъ оказался замѣтно во время подхожденія ко кресту по окончаніи всего богослуженія, а особенно при раздачѣ архипастыремъ крестиковъ народу, на память совершившагося событія. Такихъ крестиковъ осталось довольно нерозданными, не смотря на многочисленность присутствовавшихъ во храмѣ христіанъ и красоту устройства крестиковъ на розовыхъ, голубыхъ и бѣлыхъ ленточкахъ. Когда мы подходили къ нѣкоторымъ неподвижнымъ кружкамъ и заохочивали ихъ къ полученію крестиковъ, не смотря на ясные резоны наши на счетъ безразличія крестиковъ,

чьибъ они ни были,—пятились назадъ, возражая, что они уже имѣютъ *польскіе* крестики. Обратите вниманіе на этотъ эпитетъ тѣ, которые не видите связи между полонизмомъ и папизмомъ, и знайте, что пока будутъ заправлять народной совѣстью латино-польскіе ксендзы - фанатики, вся сила перваго будетъ исключительно почерпаема въ послѣднемъ. Даже не весь приходъ отца Іоанна Стрѣлецкаго принялъ православіе: много его прихожанъ коснѣетъ еще *пока* въ латинствѣ, укоренявшемся здѣсь вѣками и встрѣчающемъ, какъ кажется, особенно сильную поддержку въ женскомъ полѣ простолюдья, какъ болѣе невѣжественномъ, живущемъ сердцемъ и воображеніемъ, на которыя дѣйствовать ксендзы—безпримѣрные артисты. Въ настоящее время принявшихъ православіе слишкомъ 1500 жителей м. Подберезья. Но судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно съ достовѣрностью полагать, что въ скоромъ времени присоединится и весь приходъ бывшаго подберезскаго костела и примѣру его послѣдуютъ многіе другіе сосѣдніе приходы, съ ихъ ксендзами—настоятелями. Мы слышали также, что нѣкоторые, болѣе благоразумные помѣщики,—прихожане этого костела,— выразили готовность принять православіе съ своими семействами и поэтому не только не препятствовали, но даже содѣйствовали къ обращенію въ православіе своимъ *оффиціалистамъ*, т. е. прислугѣ, состоящей большею частію изъ р. католической шляхты.

Освященіе храма началось въ 10 часовъ. По окончаніи его, инспекторъ виленской д. семинаріи, о. архимандритъ Модестъ произнесъ назидательное слово, приспособленное къ характеру событія. Непосредственно послѣ него сказалъ поученіе на жмудскомъ языкѣ извѣстный священникъ о. Антоній Петкевичъ, тоже принявшій назадъ тому четыре года православіе со всѣмъ своимъ приходомъ. Движеніе народныхъ массъ къ проповѣднику, напряженное вниманіе къ проповѣдуемому, наглядно говорили въ пользу проповѣди для жмудиновъ,—разумѣется, преходящаго поколѣнія,— на ихъ народномъ языкѣ, который не имѣетъ того сходства съ русскимъ, какое имѣетъ польскій

языкъ. Въ концѣ литургіи, виленскій священникъ о. Петръ Левицкій произнесъ энергичное слово, направленное къ обличенію важнѣйшихъ заблужденій папства, и заимствованное весьма удачно изъ дневнаго евангелія, именно— изъ обстоятельствъ невѣрія и увѣрованія апостола Ѳомы. Въ обычное время литургіи, о. Іоаннъ награжденъ набедренникомъ, а новообращенные сподобились тѣснѣйшаго единенія со Христомъ и православною церковію посредствомъ пріобщенія тѣла и *крови* Христовой. Послѣ благодарственнаго молебствія, обычнаго многолѣтія и отпуста, предъ раздачею крестиковъ, преосвященный Александръ сказалъ рѣчь, поистинѣ миротворную: онъ указалъ и уяснилъ новообращеннымъ тотъ миръ, какой они обрѣли въ православіи со Христомъ, Его церковію и своею совѣстью. Все богослуженіе окончилось въ 3 часа.

По окончаніи богослуженія, г. начальникъ губерніи, преосвященный Александръ и всѣ гости отправились къ волостному управленію, возлѣ котораго накрыты были столы для угощенія народа и особый столикъ съ русскимъ виномъ и хлѣбомъ—солью. Наполнивъ чарку виномъ, С. Ѳ. Панютинъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя ИМПЕРАТОРА и всего Царствующаго Дома; оркестръ военной музыки исполнилъ тушъ и народный гимнъ: Боже царя храни; потомъ г. начальникъ губерніи провозгласилъ тостъ за здравіе г. начальника края, высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, преосвященнаго Александра и всего православнаго духовенства, и военнаго начальника виленскаго уѣзда, князя Н. Н. Хованскаго, какъ главнаго виновника событія. Князь Хованскій, въ свою очередь, провозгласилъ тостъ за здоровье г. начальника губерніи и новообратившихся въ православіе съ ихъ пастыремъ. Всякій тостъ былъ сопровождаемъ тушемъ военнаго оркестра и громогласнымъ ура съ подбрасываніемъ шапокъ. Въ этихъ изъявленіяхъ восторга не отставали отъ христіанъ и евреи обитатели мѣстечка, стоявшіе на первомъ планѣ и, къ немалому удовольствію первыхъ, особенно восторгав-

шіеся при послѣднемъ тостѣ, не понимая, быть можетъ, его значенія.

Послѣ немногосложныхъ, но вкусныхъ и сытныхъ закуски и обѣда, приготовленныхъ частію въ волостномъ управленіи, частію въ домѣ настоятеля подберезской церкви, гости оставили Подберезье, унеся съ собою ту полноту душевнаго счастія, которая достается въ удѣлъ не часто, не многимъ, и которая никогда не забывается.

ВИЛЬНА 5 Апрѣля 1866 года.

Съ самаго утра нашъ городъ представлялъ необыкновенное зрѣлище. Русскіе, поляки, а особенно евреи толпами расхаживали по улицамъ, группировались въ кружки, то тихо, въ испугѣ, то съ жаромъ и сильною жестировкой, толковали о чемъ-то необыкновенномъ. Чѣмъ ближе къ полудню, тѣмъ больше и больше разширялись кружки, росли толпы народа, залившаго и площадь возлѣ ратуши, и улицы, и тротуары. Вотъ потянулась безконечная вереница экипажей къ Духову монастырю, звонкій большой колоколъ котораго призывалъ людей русскихъ на молитву.

Что случилось? Отчего это все народонаселеніе Вильны покрыло ея площади и улицы? О чемъ толкуютъ эти группы народа? Зачѣмъ это всѣ спѣшатъ въ обитель Св. Духа, не въ урочный часъ молитвы? Все это отъ того, что услужливый телеграфъ извѣстилъ Вильну о не слыханномъ доселѣ въ православной, доброй, царелюбивой Россіи покушеніи на жизнь лучшаго изъ царей земныхъ, на жизнь Воскресителя, Просвѣтителя, Освободителя, Монарха—отца Россіи; все это отъ того, что Вильна пошла благодарить Царя царей за чудодѣйственное спасеніе Имъ той жизни, за которую мы отдалибы тысячи нашихъ, еслибъ ихъ имѣли.

Да, въ Россіи случилось великое горе, окончившееся безграничнымъ восторгомъ. Въ числѣ 70 милльоновъ сыновъ Россіи нашелся выродокъ—безъ ума и сердца, который думалъ, движеніемъ своей святотатственной руки, погасить нашъ свѣтъ и жизнь, убить наше счастье и радость. Развѣ этотъ безумецъ не

зналъ, что „жизнь царя нашего въ рукѣ Божіей, что безъ воли Его, рана не приблизится къ тѣлу христа Господня, что, хотя бы смерть похищала вокругъ него тысячи и тмы, къ нему не приблизится, потому что Богъ повелитъ ангеламъ своимъ защищать его, во всѣхъ путяхъ его, отъ всякаго зла“? Развѣ этотъ извергъ, мѣтившій разомъ въ главу и сердце Россіи, думалъ, что „Богъ оставилъ насъ“, что око Провидѣнія перестало бодрствовать надъ вертоградомъ православія, что судьбы Россіи можетъ измѣнить одинъ гнусный убійца? Развѣ этотъ цареубійца думалъ встрѣтить сочувствіе своему злодѣянію хоть бы въ душѣ враговъ и завистниковъ Россіи? Они не такъ ужъ испорчены и безнравственны, чтобы жаждали крови Вѣнценосца, осыпавшаго подвластные ему народы тѣми благодѣяніями, одна перечень которыхъ составитъ лучшее украшеніе всемірной исторіи. Не только современники, но и отдаленное потомство поставитъ имя злодѣя, скверившаго своимъ дыханіемъ русскій воздухъ, рядомъ съ именами Каина, Іуды, но отнюдь не съ именами записанныхъ въ исторіи цареубійцъ; потому что рука нашего цареубійцы была устремлена на жизнь, достойную безсмертія; потому что ни одинъ вѣнценосецъ не былъ болѣе достоинъ благословеній человѣчества; потому что нашъ Монархъ меньше всѣхъ въ мірѣ заслуживалъ тотъ ударъ, которымъ хотѣлъ поразить обожаемаго нами царя и насъ самихъ, быть можетъ, наемный убійца.—Когда мы читали о покушеніяхъ на жизнь нѣкоторыхъ вѣнценосцевъ, мы съ негодованіемъ относились къ ихъ злодѣяніямъ, хотя отчасти понимали причины этихъ замысловъ, и потому намъ никогда не приходило и на мысль, что подобная опасность можетъ угрожать милостивому, благосердому и мудрому Повелителю Россіи. Но опытъ показалъ, что и въ „семьѣ Россіи не безъ урода“. Такой опытъ не пройдетъ для насъ безъ назиданія: теперь мы тѣснѣе сгруппируемся вокругъ престола русскаго, зорче будемъ слѣдить за движеніемъ не только руки, но и мысли сомнительныхъ личностей, и если подмѣтимъ въ комъ либо хоть одинъ косый взглядъ на Того, кто сидитъ на этомъ престолѣ, мы вырвемъ

движенiе глазъ на какое нибудь другое, болѣе пластичное.

Мы не предрѣшаемъ вопроса: кто посягнулъ на драгоцѣннѣйшую для Россiи жизнь; но все таки не можемъ уединиться отъ предположенiя, что злодѣй долженъ быть или изъ среды кинжальщиковъ, вѣшателей, отравителей, или изъ малаго числа тѣхъ представителей нигилизма, тѣхъ духовъ отрицанiя, которые готовы принять на себя *заказную* роль *подставныхъ* убiйцъ и посягнуть на цареубiйство для самоубiйства.

Съ такимъ волненiемъ разнородныхъ ощущенiй и мы поспѣшили въ домъ Божiй на горячую благодарную молитву къ Царю царствующихъ за спасенiе жизни Царя нашего. Богъ видитъ, какъ тепло мы молились о здравiи, благоденствiи и долгоденствiи Ангела-хранителя Россiи и, конечно, „милостивно услышитъ мольбы рабовъ своихъ о Царѣ своемъ“ и приложитъ Ему лѣта на лѣта, радость на радость. На многихъ глазахъ мы подмѣтили слезы умиленiя и ту смѣсь грусти съ радостью, которая была отраженiемъ характера событiя, и которая не можетъ быть уловлена ни перомъ, ни кистью. Молебствiе совершилъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскiй, со всѣмъ виленскимъ духовенствомъ. Обширный храмъ Св. Духа такъ былъ переполненъ молившихся, что съ трудомъ можно было колѣнопреклониться. Пришли благодарить Бога за печаль русскую, претворенную Имъ на радость, не только всѣ православныя власти и дѣти Россiи, но и латинствующiе, и полякующiе, и даже ученики раввинскаго училища и многiе другiе евреи. Изъ храма Божiя всѣ чины военные и гражданскiе, всѣ воспитанники учебныхъ заведенiй, въ томъ числѣ и раввинскаго училища, люди всѣхъ званiй, сословiй, поспѣшили въ домъ г. главнаго начальника края, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана—выразить въ лицѣ его свои восторженныя, вѣрноподданнѣйшiя чувства предъ обожаемымъ Монархомъ. Залы дворца не могли вмѣстить всѣхъ, желавшихъ подѣлиться съ любимымъ начальникомъ своимъ восторгомъ. „Привѣтствую васъ, друзья, сказалъ Константинъ Петровичъ, съ сохране-

ніемъ десницею Провидѣнія драгоцѣннѣйшей для насъ жизни, нашего безцѣннаго Монарха. Душевно радуюсь, что это грустное и вмѣстѣ радостное событіе встрѣчено вами, не смотря на разность вѣроисповѣданій, съ тѣмъ искреннимъ сочувствіемъ, которое воодушевляетъ теперь всѣхъ насъ." Громовое ура! потрясло своды зданій и не умолкало долго—долго!

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Виленскіе евреи отнеслись къ событію, поразившему и обрадовавшему Россію, такъ же сочувственно, какъ и всѣ другіе сыны ея. 6-го апрѣля, въ главной виленской еврейской синагогѣ, совершено было слѣдующее благодарное молитвословіе: а) народъ читалъ хвалебные псалмы Давида, а канторъ съ хоромъ повторяли послѣдніе ихъ стихи; б) народный проповѣдникъ совершилъ молитву предъ кивотомъ; в) раввинъ произнесъ молебствіе на русскомъ языкѣ; г) канторъ произнесъ съ хоральнымъ пѣніемъ псалмы 19, 20, 71 и 90; д) хоръ пропѣлъ народный гимнъ на священно-еврейскомъ языкѣ. Синагога не могла вмѣстить и пятой части евреевъ, желавшихъ возблагодарить Бога за спасеніе русскаго Монарха; остальные стройными рядами стояли и молились на улицѣ. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ мущинами молились, вопреки обычаю, и почетнѣйшія женщины и дѣвы еврейскія. По исполненіи народнаго гимна, евреи долго и дружно провозглашали: ура! да здравствуетъ Императоръ! Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ГАЗЕТЪ О ПОКУШЕНІИ НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 4-го апрѣля.

Сегодня, въ четвертомъ часу по полудни, въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоцѣнные дни Августѣйшаго нашего Государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится.

С. Петербургъ 4 апрѣля.

Возблагодаримъ Бога. Его десница отвратила отъ Россіи величайшее бѣдствіе, которое ее могло бы постигнуть. Жизнь Государя Императора сохранена Его Царственному семейству и великой семьѣ русскаго народа. Преступный замыселъ не осуществился; пуля злодѣя не коснулась Государя, и Его чудесное спасеніе видимо обнаруживаетъ, что драгоцѣнные дни Его охраняются Провидѣніемъ. Въ ту минуту, когда Государь Императоръ, въ сопровожденіи Герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго и Его сестры Принцессы Маріи Максимиліановны Баденской, выходилъ изъ воротъ Лѣтняго сада у Невы, неизвѣстный человѣкъ, въ простомъ платьѣ, направилъ пистолетъ на Его Величество и готовился выстрѣлить, почти въ упоръ. Это замѣтилъ находившійся вблизи городовой; онъ вскрикнулъ, а крестьянинъ, случившійся подлѣ преступника, толкнулъ его руку. Выстрѣлъ раздался; но пуля вылетѣла, не причинивъ Государю никакого вреда. Имя крестьянина, которому Богъ даровалъ счастіе быть орудіемъ Своего благаго Промысла, отнынѣ принадлежитъ нашей исторіи. Мы спѣшимъ передать его. Онъ крестьянинъ Осипъ Ивановъ Коммиссаровъ, уроженецъ Буйскаго уѣзда Костромской губерніи. Неизвѣстный преступникъ задержанъ тотчасъ, на самомъ мѣстѣ преступленія, съ двухствольнымъ пистолетомъ въ рукѣ; одна пуля въ немъ еще оставалась. Государь Императоръ, сохранивъ свойственное Его обычной неустрашимости спокойствіе духа, приказалъ отправить арестованнаго къ шефу жандармовъ, а Самъ тотчасъ посѣтилъ Казанскій соборъ, для принесенія молитвы о Своемъ спасеніи, и затѣмъ изволилъ возвратиться въ Зимній

дворецъ. Между тѣмъ Герцогъ Лейхтенбергскій и Принцесса Баденская прибыли въ комнаты государственнаго совѣта для извѣщенія о случившемся предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ Великаго Князя Константина Николаевича. Засѣданіе только что кончилось. Великій Князь поспѣшилъ къ Государю, а члены совѣта и чины канцеляріи, бывшіе еще въ сборѣ, отправились въ большую церковь Зимняго дворца для совершенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, и затѣмъ къ Его Величеству, для выраженія одушевлявшихъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Государь Императоръ соизволилъ благосклонно принять ихъ. Вскорѣ Его Величество, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей и въ сопровожденіи всего Августѣйшаго Семейства, снова посѣтилъ Казанскій соборъ, а по возвращеніи оттуда изволилъ принимать собравшихся между тѣмъ въ Зимнемъ дворцѣ генераловъ, офицеровъ гвардіи, арміи и флота и разныхъ другихъ чиновъ и лицъ, со всѣхъ концовъ города спѣшившихъ во дворецъ при первомъ извѣстіи о случившемся. Тамъ же находился и крестьянинъ Коммисаровъ, котораго Государь соизволилъ возвести въ потомственное дворянское достоинство. Вѣсть о чудесномъ спасеніи Государя быстро разнеслась повсюду. Уже на площади предъ Казанскимъ соборомъ собралась толпа народа, привѣтствовавшая Ихъ Величества радостными восклицаніями. Вскорѣ вся Дворцовая площадь покрылась массами народа. Крики ура не умолкали. Государь, какъ намъ сказывали, выходилъ на балконъ и потомъ проѣзжалъ въ коляскѣ среди густыхъ рядовъ привѣтствовавшихъ его вѣрноподданныхъ. Общій восторгъ воодушевлялъ ихъ. Вечеромъ во всѣхъ церквахъ столицы совершалось благодарственное моленіе, и толпы народа, входившія и выходившія изъ храмовъ, служили очевиднымъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыя наполняли въ это время сердце каждаго изъ жителей Петербурга.

О личности преступника мы ничего еще не можемъ сообщить опредѣлительнаго. Ему съ небольшимъ 20 лѣтъ. Онъ чисто говоритъ по русски. Разслѣдованіе производится.

(Сѣвер. Поч.)

Въ Русск. Инвалидѣ пишутъ: Сегодняшній день намъ предстоитъ прежде всего говорить о совершившемся событіи, гибельные результаты котораго предотвращены были всеблагимъ Божіимъ Промысломъ. Судя по тому напряженному положенію, въ которомъ находился сегодня весь городъ, мы убѣждены, что всѣ наши городскіе читатели, не смотря на то, что мы по недостатку времени не имѣли возможности разослать особаго прибавленія всѣмъ здѣшнимъ подписчикамъ, уже знаютъ о томъ злодѣйскомъ покушеніи, которое совершено было противъ Особы Государя Императора, точно также, какъ знаютъ они и то, что Провидѣнію

угодно было для счастія Россіи сохранить драгоцѣнную жизнь Царя, Который Своею Державною рукою начерталъ такой широкій планъ для нашей новой государственной жизни. Всевышнему угодно было отвратить руку позорнаго злодѣя, который однимъ движеніемъ могъ лишить Россію царственнаго Руководителя, открывшаго намъ новый путь для развитія благоденствія, положившаго твердыя и незыблемыя начала для нашей народной дѣятельности, которая въ будущемъ принесетъ обильные плоды для русскаго государства. Съ ужасомъ и чувствомъ глубокаго омерзѣнія заносимъ мы этотъ печальный фактъ на страницы нашей газеты, съ искреннимъ сожалѣніемъ думаемъ о той средѣ, въ которой могутъ вырабатываться такія личности, если только человѣкъ, покусившійся на жизнь Государя Императора, не безумецъ, лишившійся послѣдней капли здраваго разсудка, и съ радостію возносимъ мольбы за спасеніе жизни Государя, драгоцѣнной для каждаго русскаго гражданина. — Ниже мы приводимъ подробности злодѣйскаго умысла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы обязаны указать и на того человѣка, которому выпала завидная доля быть орудіемъ Провидѣнія и предохранить жизнь Царя. Какъ въ XVII вѣкѣ родоначальникъ нынѣ Царствующаго Дома былъ спасенъ отъ злодѣйскихъ рукъ крестьяниномъ Костромской губерніи, такъ и сегодня завидный жребій—отвести руку злодѣя — выпалъ на долю костромскаго же крестьянина Комисарова. Всякій русскій живетъ всегда съ готовностью не только защищать своего Царя, но и ежеминутно пожертвовать своею жизнію за Него. Въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между состояніями: первый образованный дворянинъ, воспитанный въ роскоши, и послѣдній поселянинъ, едва имѣющій понятіе о первоначальныхъ потребностяхъ для человѣческаго существованія, одинаково готовы положить свою жизнь за Царя. Въ этомъ никто не усумнится, тѣмъ болѣе, что русская исторія не бѣдна подобными примѣрами. На этотъ разъ однако руку злодѣя отъ царственной груди отвелъ человѣкъ, принадлежащій къ тому сословію, которое своею гражданскою жизнію и всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ обязано Царю-Освободителю.

Монаршая милость возвела Комисарова въ дворянское достоинство: Фамилія эта, съ которою отнынѣ будетъ соединяться воспоминаніе радостнаго для Россіи дня, будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній русскихъ дворянскихъ фамилій.

Вчерашній день, 4-го апрѣля, въ то время, когда Его Величество изволилъ прогуливаться въ Лѣтнемъ Саду, народъ, въ ожиданіи выхода Государя изъ сада, собрался у Его экипажа. Среди этой толпы, воодушевленной чувствами преданности и любви къ Монарху, имя котораго произносится народомъ

всеиначе какъ съ благоговѣніемъ и признательностью, находился злодѣй съ позорнымъ намѣреніемъ покуситься на драгоцѣнную для насъ жизнь. Но, благодаря Бога, злодѣйскій умыселъ не осуществился, намѣреніе не перешло въ дѣло, и страницамъ русской исторіи суждено было остаться по прежнему незапятнанными кровавыми преступленіями. Наши лѣтописи не сохранятъ на память потомкамъ того гнуснаго преступленія, которое ненавистно русскому народу. Благодѣтельный Промыслъ хранилъ судьбу Того, Кто такъ необходимъ въ настоящую минуту для Россіи. Въ то время, когда преступная мысль, созрѣвшая въ головѣ злодѣя, готовилась перейти въ дѣло, Провидѣніе, для отвращенія несчастія отъ Россіи, избрало своимъ орудіемъ простаго крестьянина Осипа Ивановича Комисарова.

Осипъ Комисаровъ молодой человѣкъ, 25 лѣтъ отъ роду, родился въ селѣ Молвитино, Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи.(1). Имѣніе это принадлежитъ барону Кистеру, а самъ Комисаровъ былъ временно-обязаннымъ крестьяниномъ барона. Будучи отданъ довольно давно въ ученье въ Петербургѣ, къ шапочному мастеру Садову, онъ дошелъ до званія подмастерья и женился на крестьянской дѣвушкѣ, отъ которой имѣетъ восьмимѣсячную дочь. Подмастерьемъ у Садова оставался Комисаровъ до 4-го числа, когда судьбѣ угодно было вдругъ измѣнить всю его жизнь. Будучи въ этотъ день именинникомъ, онъ отправился помолиться Богу на Петербургскую сторону въ часовню, находящуюся при домикѣ Петра Великаго. Подойдя къ Невѣ у Мраморнаго дворца, онъ увидѣлъ, что мостки разобраны и переправиться на ту сторону рѣки нѣтъ уже возможности. Тогда онъ вернулся обратно и, подходя къ Лѣтнему Саду, увидѣлъ, что у воротъ стоитъ экипажъ, около котораго собралась толпа народа. Узнавъ, что коляска эта Государя, который Самъ прогуливается по Лѣтнему Саду, Комисаровъ, желая имѣть счастіе видѣть Государя, присоединился къ толпѣ и началъ ожидать вмѣстѣ съ другими. Вскорѣ толпа зашевелилась и онъ увидѣлъ Государя въ сюртукѣ. Подойдя къ коляскѣ, Государь началъ надѣвать шинель. Въ это-самое время, какой-то молодой человѣкъ сталъ весьма сильно-проталкиваться впередъ мимо Комисарова. Уже давно человѣкъ этотъ старался пробраться впередъ, однако Комисаровъ, желая самъ видѣть ближе Государя, не пропускалъ его. Въ это же время злодѣй особенно сталъ напирать на Комисарова, который, уступая его усиліямъ, пропустилъ его наконецъ впередъ. Но въ то же время, видя особенную назойливость этого человѣка, Комисаровъ пропустивъ его впередъ, началъ за нимъ слѣдить. Едва только злодѣй очутился вблизи Государя, Который въ это время надѣвалъ шинель, какъ Комисаровъ замѣтилъ, что выступившій впередъ, вынулъ изъ подъ

(1) Въ 12 верстахъ отъ родины Сусанина.

своего пальто пистолетъ и началъ цѣлить въ Государя. Тогда Комисаровъ быстро ударилъ злодѣя подъ локоть. Рука вмѣстѣ съ пистолетомъ поднялась къ верху; курокъ щелкнулъ, но выстрѣлъ, благодаря Бога, принялъ направленіе вверхъ. Вслѣдъ затѣмъ злодѣй былъ арестованъ, а Комисаровъ остался смущеннымъ и растерявшимся въ толпѣ.

Такимъ образомъ драгоцѣнная для Россіи жизнь Государя Императора была спасена. Вслѣдъ затѣмъ Его Величество изволилъ отправиться въ Казанскій Соборъ для принесенія благодарности Создателю, Который чрезъ Свое скромное орудіе отклонилъ руку злодѣя отъ Царской груди.

Вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи разнеслась по городу съ быстротою. Вездѣ пошли разговоры, всякій интересовался знать, въ какой степени былъ справедливъ слухъ о событіи, подобнаго которому не было еще примѣра въ русской исторіи. Вскорѣ все дѣло разъяснилось. Государственные сановники—члены государственнаго совѣта, бывшіе въ это время въ засѣданіи въ Зимнемъ дворцѣ, первые имѣли счастіе видѣть Государя и выразить Ему то тягостное чувство страха, которое возбуждаетъ подобный гнусный умыселъ и ту радость, которая понятна въ сердцѣ каждаго русскаго при извѣстіи, что десница Божія предохранила Царя. Къ семи часамъ собрались въ Зимнемъ дворцѣ всѣ генералы, офицеры и всѣ лица, имѣющія пріѣздъ ко двору. Всякій съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода Государя и каждый передавалъ другому чувства его волновавшія при полученіи имъ извѣстія о совершившемся покушеніи. Во всемъ этомъ собраніи не было человѣка, который бы могъ составить себѣ хотя какое нибудь понятіе о цѣли гнуснаго преступленія и о характерѣ личности, задавшейся такою преступною мыслью. Всѣ душевно радовались только тому, что злодѣйство не успѣло осуществиться. Восторгъ былъ неописанный, когда Государь изволилъ появиться среди собравшихся. Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ присутствующимъ, Онъ пожелалъ видѣть Комисарова. Взоры всѣхъ съ жадностію устремились на молодаго человѣка весьма обыкновенной наружности и едва средняго роста. Выразивъ ему свои Монаршія чувства, Государь Императоръ тутъ же изволилъ заявить, что жалуетъ Комисарову дворянское достоинство. Громогласное и многократное ура было единодушнымъ откликомъ на выраженіе Монаршей милости.

Затѣмъ всѣ, бывшіе въ Зимнемъ дворцѣ отправились въ Преображенскій Соборъ на благодарственное молебствіе. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, а около дворца собиралась до самаго позднаго вечера огромная толпа народа, желавшая видѣть своего Царя-Освободителя и лично убѣдиться, что спасена драгоцѣнная жизнь Того, Который такъ необходимъ для прочнаго развитія и укрѣпленія началъ, обусловливающихъ нашу гражданскую жизнь, цѣлость и единство государства, его безопасность и его будущую судьбу.

Отнынѣ имя Комисарова будетъ извѣстно цѣлой Россіи; оно будетъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому, а къ многочисленнымъ русскимъ дворянскимъ родамъ, стяжавшимъ себѣ заслугу предъ отечествомъ своими доблестями, присоединится еще одинъ—родоначальникъ котораго, освобожденный Царемъ Александромъ II, спасъ для Россіи жизнь своего Освободителя.

Въ *С.-Петербург. Вѣдомостяхъ*, между прочимъ пишутъ:

Вѣсть объ ужасномъ событіи быстро распространилась по всему городу и глубоко поразила умы всѣхъ. Жизнь того, кого Россія привыкла считать своимъ державнымъ преобразователемъ, въ комъ видитъ она залогъ своего благоденствія, кого русскій народъ при жизни чтитъ своимъ Царемъ-Освободителемъ, Государемъ народолюбивымъ и благодѣтелемъ,—находилась въ опасности! Болѣзненнымъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ отзовется это ужасное событіе по лицу всей земли русской и еще крѣпче, еще сердечнѣе оно свяжетъ всѣ сословія съ обожаемымъ Монархомъ, еще ревностнѣе и еще дружнѣе они станутъ всѣ около престола охраняя Его державный покой (1). Перстъ Провидѣнія указываетъ ясно, что Ему вручены судьбы Россіи; что надѣляя русскій народъ тѣми благами, которыя исходили изъ Его любящаго сердца, Помазанникъ Божій исполнялъ волю охраняющаго Его Провидѣнія. Да благоденствуетъ же обожаемый Монархъ и да спасетъ Его покровъ Всевышняго отъ всякой бѣды и напасти, отъ всѣхъ скорбей и несчастій. Въ этой искренней, задушевной молитвѣ сольются шестьдесятъ милліоновъ русскихъ людей, на всемъ пространствѣ благодарной, облагодѣтельствованной имъ Россіи.

---

(1) Статья наша написана до полученія газетъ, и сходство этого мѣста съ нашимъ подобнымъ же доказываетъ только вѣрность и нормальность воззрѣнія на предметъ. Ред.

ОПЕЧАТКИ VI КНИЖКИ:

	Напечатано:	*нужно читать:*
Отд. IV, стран. 358	строка 15—тѣмъ	тамъ
«	строка 17—кирилловку	кулишовку.
«	« 33—обороты	обороты польскіе.

Подстрочное примѣчаніе въ Отд. 1., стран. 62 помѣщено по ошибкѣ.

ВИЛЬНА 10-го АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Радости нашей нѣтъ предѣловъ, не будетъ конца. Торжество русской Вильны 5 апрѣля было только предтечей того праздника русскаго, который дарованъ Россіи Богомъ, спасшимъ безцѣнную для насъ жизнь Царя русскаго, и который Россія не преминетъ, конечно, освящать нарочитымъ торжествомъ церковнымъ и гражданскимъ въ роды вѣчные. Начальникъ сѣверо-западнаго края Россіи, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ отправился 6-го апрѣля въ столицу—съ тѣмъ, что бы лично повергнуть съ стопамъ Монарха чувства безграничнаго, невыразимаго восторга русской Вильны по случаю чудеснаго избавленія Его отъ страшной опасности, а Россіи отъ безпримѣрнаго злополучія. Возвратъ Константина Петровича и отвѣтное слово на привѣтъ Вильны великодушнаго Монарха дало ей новый поводъ и побужденіе къ воспроизведенію праздника 5-го апрѣля въ болѣе широкихъ и грандіозныхъ размѣрахъ. Этотъ праздникъ совершился 10-го апрѣля; къ нему мы теперь больше были подготовлены душою, чѣмъ пять дней тому назадъ и послѣднее торжество Вильны явилось въ такомъ отношеніи къ первому, въ какомъ является колоссальная картина къ своей міоніатюркѣ.

Праздникъ нашъ, какъ и должно быть въ православной Россіи, начался въ Домѣ Того, Кто другой разъ даровалъ Россіи обожаемаго Монарха, началcя въ храмѣ „Царя небеснаго, Утѣшителя, Сокровища благихъ и жизни Подателя—Святаго Духа,“ пославшаго на мѣсто грозившей Россіи тяжкой утраты человѣка, который шелъ на молитву, по случаю своего новолѣтія въ „домикъ“ Великаго предка нашего Монарха и тѣмъ уже подготовленъ былъ и освященъ къ совершенію святаго, незабвен-

наго въ лѣтописяхъ Россіи подвига (*). Богослуженіе и молебствіе совершалъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій со всѣмъ виленскимъ духовенствомъ; задушевное и энергичное слово произнесъ священникъ о. Антоній Пщолко. Въ главѣ г. главнаго начальника края, принимали участіе въ благодарной къ Богу молитвѣ всѣ начальствующіе, всѣ чины воинскіе и гражданскіе, всѣ сословія разныхъ вѣроисповѣданій и прибывшіе на праздникъ русскій старшины, старосты и выборные всѣхъ волостей Виленскаго уѣзда. Обширный храмъ Св. Духа не могъ вмѣстить въ себѣ и двадцатой части всѣхъ, желавшихъ молиться Царю небесному „о Царѣ своемъ.“

Второй актъ праздника начался въ домѣ любимаго начальника края, привезшаго Царское спасибо восторженной Вильнѣ. Въ залахъ дворца могло вмѣститься только духовенство, начальствующіе и служащіе разныхъ вѣдомствъ и представители разныхъ сословій и званій, въ томъ числѣ и выборные отъ народа Виленскаго уѣзда. Скоро въ средѣ собравшихся появился генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ; мертвое молчаніе воцарилось въ залахъ дворца, наполненныхъ 2000 человѣкъ. „Я былъ свидѣтелемъ, — сказалъ начальникъ края, — неописаннаго восторга Вильны, выраженнаго ею по случаю извѣстія о чудесномъ спасеніи Провидѣніемъ нашего Монарха отъ руки посягавшаго на Него злодѣя. Я счелъ своимъ долгомъ повергнуть лично вѣрноподданнѣйшія чувства ваши къ стопамъ Монарха нашего и теперь имѣю счастіе объявить вамъ Его душевную благодарность за преданность вашу и сочувствіе къ совершившемуся надъ Нимъ событію. Государь Императоръ приказалъ мнѣ увѣрить васъ, что заявленные, по случаю покушенія на Его жизнь, новые опыты преданности Ему сыновъ нашего отечества усугубятъ Его ревность и силы на поприщѣ Его великаго служенія и поднятія нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ подвластныхъ Ему народовъ.“ Восторженное ура! бы-

(*) Мы думаемъ, что, для болѣе нагляднаго увѣковѣченія подвига О. И. Комисарова, прилично было бы наградить его золотою медалью на георгіевской (или другой) лентѣ, право ношенія которой преемственно переходилобы къ старшему въ родѣ Комисаровыхъ. Медаль могла бы быть исполнена хоть такъ: на одной сторонѣ можетъ быть означено: 4 Апрѣля 1866 года; на другой изображеніе портрета Государя Императора, надъ Нимъ око Провидѣнія, а вокругъ подпись: „за спасеніе жизни Императора Всероссійскаго АЛЕКСАНДРА II Осипомъ Ивановичемъ Комисаровымъ.“

ло отвѣтомъ Вильны на слова Константина Петровича и переданныя имъ слова Государя Императора. Тѣже почти слова повторялъ начальникъ края во всѣхъ кружкахъ и всякій разъ взрывъ всеобщаго восторга потрясалъ стѣны зданія. Когда Константинъ Петровичъ обошелъ всю залу, всѣ присутствующіе пропѣли народный гимнъ; безконечное и громовое ура! снова потрясло стѣны зданія; г. главный начальникъ края обѣщался и это новое выраженіе восторга и вѣрноподданической преданности Вильны повергнуть къ стопамъ Государя Императора; новое громовое и безконечное ура!

Третій актъ виленнаго праздника произошелъ на дворцовой площади. Чтобъ описать его, нужно бы выдумать краснорѣчіе, составленное изъ красокъ, словъ и звуковъ; потому что порознь ни одно изъ этихъ краснорѣчій не можетъ передать и одной трети явленія, а особенно той полноты душевнаго восторга, который искрился во взорахъ, свѣтлѣлъ на физіономіяхъ, слышался то въ глухомъ гулѣ, то въ громовыхъ взрывахъ восторга огромной массы народа. Только внѣшняя сторона явленія отчасти можетъ быть уловлена слухомъ и зрѣніемъ и передана словомъ. Но и эта сторона была полна такой торжественности, нарядности, широты, величія, что нужно перо весьма искусное для того, чтобы набросать хоть слабый эскизъ нашего праздника. Не обладая такимъ перомъ, мы назовемъ только предметы по имени, перечислимъ детали картины. Обширная площадь предъ дворцомъ, смежныя съ нею улицы и тротуары были покрыты сплошными массами народа; кто не могъ добиться мѣста на площади, особенно дѣти, тѣ вскарабкались на деревья, на фонарные столбы, разобрали на домахъ черепичныя крыши, глядѣли оттуда на сцену и сообщали картинѣ оригинальныя частности и усложняли ея разнообразіе. Посрединѣ площади уставленъ былъ длинный рядъ столовъ, для угощенія прибывшихъ на виленскій праздникъ выборныхъ отъ народа. Возлѣ фонтана расположился военный оркестръ. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, въ сопровожденіи генералитета и другихъ сановниковъ, обошелъ всю площадь, всѣхъ привѣтствовалъ радостнымъ для Россіи событіемъ; оркестръ игралъ народный гимнъ, десятки тысячъ голосовъ, отъ полноты души, полной грудью, гремѣли безконечное и оглушительное ура! Съ площади начальникъ края возвращался въ дворецъ. Предъ парадным въ него входомъ — новый сюрпризъ: воспитанники и воспитанницы разныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній составили хоръ и дважды повторили народный гимнъ, сопровождавшійся тѣмъ же кличемъ

восторга, которымъ такъ былъ богатъ этотъ незабынный день и который, на этотъ разъ, почти исключительно выходилъ изъ устъ евреевъ, наполнявшихъ внутреннюю предъ дворцомъ площадь. Не можемъ, говоря объ этомъ финалѣ нашего торжества, не замѣтить, что онъ могъ бы быть исполненъ далеко удачнѣе въ артистическомъ отношеніи, но мы цѣнили и цѣнимъ въ этомъ финалѣ болѣе намѣреніе, нежели исполненіе.

Вечеромъ данъ былъ для сельскихъ гостей Вильны даровой спектакль, которымъ, особенно „Ночнымъ" они восторгались до безконечности. Танцы только не на всѣхъ изъ нихъ произвели благопріятное впечатлѣніе. Съ трудомъ можно было увѣрить наивныхъ сельскихъ зрителей, что ноги танцовщицъ обтянуты трико; нѣкоторые изъ нихъ краснѣли, закрывали глаза, особенно при болѣе смѣлыхъ и замашистыхъ па. Замѣчательно, что выборные отъ народа умѣли кричать bis, послѣ исполненія народнаго гимна.

10-го и 11-го городъ былъ иллюминованъ (*).

12-го АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Какъ въ жизни частныхъ людей, такъ и въ жизни царей и царствъ, радость весьма часто смѣняется горемъ и наоборотъ Апрѣль 1866 года едва не принесъ Россіи большаго горя, чѣмъ апрѣль 1865 года, едва не осиротилъ ее, не угасилъ ея свѣта и жизни. Всеблагое Провидѣніе сохранило православное наше отечество отъ этого страшнаго злополучія; намъ не доставало чувствъ и мыслей, словъ и слезъ умиленія для выраженія нашей благодарной молитвы Богу, для выраженія нашего восторга. Русская Вильна явилась на всероссійскомъ праздникѣ благородною соперницей всѣхъ другихъ городовъ и весей русскихъ, не исключая и столичныхъ. Ея молодыя русскія силы полнѣе, быть можетъ, другихъ ощущали ту новую жизнь, которая повѣяла на нее и на весь здѣшній, такъ еще недавно—вполнѣ—русскій край, отъ русскаго Престола, задушевѣе, быть можетъ, другихъ прочувствовали ту опасность, которая угрожала ея Об-

(*) Описаніе виленскихъ праздниковъ 10-го и 12-го апрѣля прилагается подписчикамъ Вѣстника въ видѣ отдѣльныхъ приложеній, потому что оно писано по выходѣ книжки.

зовителю, и то счастіе, которое объяло всю Россію по случаю чудеснаго избавленія отъ этой опасности.

Но и среди увлеченій нашего восторга, мы не забыли несчастія, поразившаго Россію вообще и Виновника недавнихъ торжествъ въ частности, въ прошломъ году. 4-е апрѣля 1866 года не изгладило изъ нашего сердца и памяти роковаго 12 апрѣля 1865 года, унесшаго въ вѣчность Первенца Отца отечества нашего, Любимца и надежду Россіи. Мы вспомнили этотъ тяжкій день и поспѣшили къ Тому, въ десницѣ Котораго жизнь царей и царствъ, предъ престоломъ Котораго мы обыкли слагать и наши мольбы и благодаренія, и наше горе и радость. Въ храмѣ Святаго Духа 12 апрѣля собрались тѣ же русскіе, которые молились въ немъ 5 и 10 апрѣля, но они уже молились не „о здравіи и долгоденствіи,“ а объ „упокоеніи со святыми“ того, кто молится теперь за Россію на небѣ и молитвами котораго, быть можетъ, отведена рука убійцы, устремленная на жизнь его Отца. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, въ сослуженіи, между прочимъ, двухъ архимандритовъ, а панихиду о упокоеніи со святыми блаженной памяти Наслѣдника всероссійскаго престола, Великаго Князя Николая Александровича, онъ же, со всѣмъ виленскимъ духовенствомъ. На лицахъ молившихся проглядывала глубокая грусть сквозь неуспѣвшую еще вполнѣ застыть недавнюю радость. Отъ глубины души всѣ вторили сердцемъ заунывному пѣнію клира: вѣчная память!

ДЕРЖАНІЕ 7-Й КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 18⁶⁵/₆₆ ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

I. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) **Грамота** польскаго короля Александра, данная смоленск. еп. Іосифу Солтану на разныя имѣнія. 1504 г. Стр. 1.—2) **Фундушевая** запись епископа смол. Іосифа Солтана супрасльскому монастырю имѣнія Топилецъ, Батюты, и Пыщева. 1506 г. Стр.6 .—3) **Фундушевая** запись Александра Ивановича Ходкевича, данная супрасльскому монастырю на имѣніе Хорощь. 1510 г. Стр. 9.—4) **Дарственная** запись Константина Богдановича Долмата для причта цеперской церкви 8 уволокъ земли, а для самой церкви разныхъ церковныхъ утварей. 1622 г. Стр. 15.

ОТДѢЛЪ II.

БЫЛЪ первый Лжедимитрій? (окончаніе) **А. Добротворскаго.** Стр. 1.

ЬСКАЯ эмиграція до и во время послѣдняго польскаго мятежа. 1831-63 г. Глава 10-я. Стр. 15.

ГОРИЧЕСКАЯ монографія г. Гродны. **И. Бобровскаго.** Стр. 28.

ОТДѢЛЪ III.

ДОСТОРОЖЕНІЕ „Голосу.“ Стр. 1.

ОТДѢЛЪ IV.

РЖЕНІЕ язычества въ Вильнѣ. Драматическія сцены изъ временъ вел. кн. лит. Ольгерда. Соч. **С. Калугина.** Стр. 1.

ОДНЫЯ движенія венгерскихъ руссиновъ. Стр. 39.

ЫВОКЪ изъ рѣчи на львовскомъ сеймѣ русскаго депутата Петрушевскаго. Стр. 47.

ЬМА о папствѣ. Письмо 1-е. Свѣтская власть папъ. **А. Елецкаго.** Стр. 49.

ВО при освященіи св. Михаиловской, кладбищенской церкви въ Фастовскомъ приходѣ. Стр. 56.

ВО въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. Стр. 61.

ДНЕНСКІЯ письма. Стр. 69.

ИХОТВОРЕНІЕ: Отрывокъ изъ письма. Стр. 72.

ЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— **Инструкція** о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія. Стр. 73.— **Освященіе церквей** въ мѣс. Судинашкахъ и Рукойняхъ Стр. 78.— **Слово** по освященіи рукоинской церкви. Стр. 79— **Корреспонденція** изъ Петербурга 1 и 2. Стр. 83.— **Совѣтъ** газеты „Страхопудъ“ львовскому сейму о способѣ рѣшенія русскаго вопроса. Стр. 86.

АЗДНОВАНІЕ 19 февраля 1866 г. въ молитвенномъ домѣ виленскаго раввинскаго училища. Стр. 87.

ИАРКА деревянной посудой въ Вильнѣ. Стр. 96.

РРЕСПОНДЕНЦІЯ изъ Новгородъ-Волынска. Стр. 99.

ЕРКЪ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви. Стр. 102.

АТКІЯ свѣдѣнія о каменецкихъ православныхъ церквахъ и р. католическихъ костелахъ. Стр. 109.

ЗУИТЫ какъ воспитатели Польши и западной Россіи въ XVI столѣтіи. Стр. 112.

ЗЗВАНІЕ настоятеля жировицкаго монастыря. Стр. 131.

ВЯЩЕНІЕ церкви въ м. Подберезьи. Стр. 134.

ЛЬНА 5 апрѣля 1866 г.— **Извѣстія** и замѣтки с.-петербургскихъ газетъ о поку-